Российское КИТАЕВЕДЕНИЕ

№3(16)2026

Октябрь 2026

Журнал издается Институтом Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН) и основан в 2022 г., продолжая традиции академических журналов «Проблемы Китая» (1929–1935) и «Советское китаеведение» (1958–1959).

Учредитель: Институт Китая и современной Азии Российской академии наук

Редакционный совет:

- Бабаев К.В., директор ИКСА РАН, д.ф.н., проф. (председатель)
- Агафонов Д.В., начальник Экспертного управления Президента РФ
- Дацышен В.Г., профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета, д.и.н.
- Денисов А.И., первый заместитель председателя Комитета по международным делам Совета Федерации Федерального Собрания РФ, к.э.н.
- Зиновьев Г.В., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Республике Корея, к.и.н.
- Кашин В.Б., директор Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ, к.п.н.
- Ларин В.Л., заведующий Центром глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, д.и.н., проф., академик РАН
- Ломанов А.В., заместитель директора по научной работе, руководитель Центра Азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, главный научный сотрудник ИКСА РАН, д.и.н., проф. РАН
- Лукин А.В., научный руководитель ИКСА РАН, руководитель Департамента международных отношений НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России, д.и.н., проф.
- Малявин В.В., главный научный сотрудник ИКСА РАН, д.и.н., проф.
- Моргулов И.В., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в КНР
- Панцов А.В., профессор Capital University, США, д.и.н.
- Попова И.Ф., директор Института восточных рукописей РАН, чл.-корр. РАН
- Руденко А.Ю., заместитель министра иностранных дел РФ
- Самойлов Н.А., заведующий кафедрой теории общественного развития стран Азии и Африки, директор Центра изучения Китая СПбГУ, д.и.н., проф.
- Торкунов А.В., ректор МГИМО МИД РФ, академик РАН
- Цыплаков С.С., профессор департамента международных отношений НИУ ВШЭ, к.э.н.

Иностранные члены Редакционного совета:

- Алимов Р.К., профессор Академии государственного управления при Президенте Республики Таджикистан, Чрезвычайный и Полномочный Посол, д.п.н.
- Вилсон Дж., почетный профессор Уитон-колледжа, США
- Гао Фэй, проректор Дипломатического университета МИД КНР
- Идэ К., Университет Васэда, Чрезвычайный и Полномочный Посол (в отставке), Япония
- Ли Цзинцзе, академик Академии общественных наук КНР
- Ли Чжицян, профессор, начальник управления международного сотрудничества и обменов Сычуаньского университета, КНР
- Ма Цзянган, директор Центра международных исследований Оборонного научно-технического университета, Чанша, КНР
- Фэн Шаолэй, руководитель Центра российских исследований Восточно-Китайского педагогического университета, КНР
- Чжао Хуашэн, профессор Института международных исследований Фуданьского университета, КНР
- Ян Чэн, исполнительный президент Шанхайской академии глобального управления и региональных исследований, КНР

Редакция:
А.В. Лукин (главный редактор), И.Е. Денисов (заместитель главного редактора), Ю.В. Кулинцев (заместитель главного редактора), А.Г. Юркевич (заместитель главного редактора), И.Ю. Зуенко (ответственный секретарь), Д.А. Юкнелите (секретарь редакции).

Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32.
+7 499 124 02 17; E-mail: journal@iccaras.ru; URL: http://rusinology.ru

Российское китаеведение
Научный журнал

Электронная версия

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77-75961 от 24.06.2019
Язык: русский, китайский, английский
Периодичность: 4 раза в год
ISSN: 2949-1223

Печатная версия

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-75962 от 24.06.2019
Язык: русский, китайский, английский
Периодичность: 4 раза в год
ISSN: 2949-1207

DOI: 10.48647/ICCA.2026.81.16.001

Подписано в печать 30.09.2026

Содержание

Барский К.М. 25-летие Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Россией и Китаем: большое плавание большого корабля 6

Кулинцев Ю.В. Юбилей востоковеда 20

Уянаев С.В., Барский К.М. Сергею Геннадьевичу Лузянину – 70 лет! 23

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Ананьина Д.А., Ойдопова А.М. «Кризис институциональной адаптации к демографическому старению» в АРВМ КНР 28

Гончаров С.Н. Внутренний спрос, реформа системы прописки и искусственный интеллект в Китае как возможная основа для качественно нового этапа отношений между КНР и США 45

Адамова Д.Л. Токен как лингвистический маркер: особенности формирования и стандартизации ИИ-терминологии в китайском языке 78

Е Фань. К вопросу о времени вступления Дэн Сяопина в европейское подразделение коммунистической организации молодежи Китая 104

Кобзев А.И. Идейные основы китайского учения о пестовании жизни 123

ОБЗОРЫ, СООБЩЕНИЯ, ЗАМЕТКИ

Михалев М.С. Национальная политика КНР. От саморефлексии к самоориентализму 142

Блажкина А.Ю., Кварталова Н.Л. XXVII Международная научная конференция «Китай и Восточная Азия: философия, литература, культура» 150

IN MEMORIAM

Лукин А.В. Памяти британского лорда Роберта Борисовича Скидельского: из России через Китай в Британию и обратно 159

Скидельский Р. Возвращение в свой китайский дом 177

目录

K·M·巴尔斯基. 《俄中睦邻友好合作条约》25 周年：巨轮的宏伟航程 6

Yu· V·库林采夫. 东方学家寿辰 20

S·V·乌亚纳耶夫，K·M·巴尔斯基. 祝贺谢尔盖·根纳季耶维奇·
卢贾宁 70 岁寿辰！ 23

学术文章

D·A·阿纳宁娜, A·M·奥伊多波娃. “成功老龄化的危机”——
中国内蒙古自治区的人口趋势 28

S·N·贡恰罗夫. 中国国内需求、户籍制度改革与人工智能：
中美关系质变新阶段的可能基础 45

D. L.阿达莫娃. 作为语言标记的词元：
中文人工智能术语创建与标准化的特点 78

叶帆. 邓小平加入旅欧中国共青团欧洲组的时间问题考辨 104

A·I·科布泽夫. 中国养生学说的思想基础 123

评论、通报、简讯

M·S·米哈廖夫. 中华人民共和国的民族政策：从自我反思到自我东方主义 142

A·Yu·布拉日金娜，N·L·克瓦尔塔洛娃. 第二十七届“中国与东亚：
哲学、文学、文化”国际学术会议 150

IN MEMORIAM

A·V·卢金. 纪念英国勋爵罗伯特·鲍里索维奇·斯基德尔斯基：
从俄罗斯经中国到英国再原路返回 159

R·斯基德尔斯基. 重返中国家园 177

Table of contents

K.M. Barsky. 25th Anniversary of the Treaty on Good- Neighborliness, Friendship and Cooperation Between the Russian Federation and the People's Republic of China: Great Voyage of the Great Ship 6

Yu.V. Kulintsev. Anniversary of an Orientalist 20

S.V. Uyanayev, K.M. Barsky. Scientist and educator S.G. Luzyanin 23

ACADEMIC ARTICLES

D.A.Ananyina, A.M.Oydopova. "Crisis of institutional adaptation to demographic aging" in the PRC's ARVM 28

S.N.Goncharov. Domestic Demand, Reform of the Household Registration System, and Artificial Intelligence (AI) in China as a Possible Basis for a Qualitatively New Stage in China–U.S. Relations 45

D.L.Adamova. Token as a Linguistic Marker: The Formation and Standardization of AI Terminology in Contemporary Chinese 78

Ye Fan. A Critical Examination of the Time When Deng Xiaoping Joined the European Section of the Communist Youth League of China 104

A.I. Kobzev. Ideological Foundations of the Chinese Teaching on Nurturing Life 123

REVIEWS, REPORTS AND NOTES

M.S. Mikhalev. China's Ethnic Policy: From Self-Reflection to Self-Orientalism .. 142

***A**.Yu. Blazhkina, N.L. Kvartalova.* XXVII International Academic Conference "China and East Asia: Philosophy, Literature, Culture" 150

IN MEMORIAM

A.V. Lukin. In Memory of the British Peer Robert Borisovich Skidelsky: From Russia, via China, to Britain and Back 159

Robert Skidelsky. A Chinese Homecoming 177

К.М. Барский

25-летие Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Россией и Китаем: большое плавание большого корабля

Аннотация. Статья, приуроченная к 25-летию Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Россией и Китаем, представляет собой комплексный анализ роли и значения этого основополагающего документа в двусторонних отношениях и международной политике. Автор, основываясь на личном опыте работы в МИД России, а также на свидетельствах непосредственных участников переговорного процесса, подробно описывает историю подготовки и заключения в 2001 г. «Большого договора». В статье раскрываются ключевые политические и исторические предпосылки, побудившие Москву и Пекин к разработке юридически обязывающего документа, заложившего прочные основы двусторонних отношений и придавшего стратегическому партнерству России и КНР устойчивый характер. Особое внимание уделяется анализу статей договора, закрепивших принципы взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, отсутствия взаимных территориальных претензий, неучастия в союзах, направленных против другой стороны. В статье подчеркивается, что договор способствовал окончательному урегулированию пограничных вопросов между Россией и Китаем, стал своего рода манифестом формирования многополярного мира. Автор приходит к выводу, что «Большой договор» успешно прошел проверку временем, его базовые принципы сохраняют актуальность в современных геополитических условиях, а сам документ продолжает обеспечивать стабильное и поступательное развитие российско-китайских двусторонних отношений, оправдывая метафору «большого корабля, совершающего большое плавание».

Ключевые слова: Россия, Китай, российско-китайские отношения, Большой договор, стратегическое партнерство, пограничный вопрос, многополярный мир, международная безопасность

Автор: *Барский Кирилл Михайлович*, Чрезвычайный и Полномочный Посол, заведующий кафедрой дипломатии, кандидат исторических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. E-mail: barskij_k_m@my.mgimo.ru

Kirill M. Barsky

25th Anniversary of the Treaty on Good-Neighborliness, Friendship and Cooperation Between the Russian Federation and the People's Republic of China: Great Voyage of the Great Ship

Abstract. The article, dedicated to the 25th anniversary of the Treaty on Good- Neighborliness, Friendship and Cooperation between Russia and China, provides a comprehensive analysis of the role and significance of this fundamental document for bilateral relations and international politics. The author, drawing on his personal experience of working at the Russian Foreign Ministry, as well as on the testimony of first-hand participants in the negotiation process, describes in detail the history of the preparation and conclusion of the "Great Treaty" in 2001. The article reveals the key political and historical factors that prompted Moscow and Beijing to create a legally binding document that laid a solid foundation for Russia-PRC bilateral relations and made their strategic partnership sustainable. Special attention is paid to the analysis of the articles of the Treaty that define the principles of mutual respect for sovereignty and territorial integrity, confirm the absence of mutual territorial claims, provide for non-participation in alliances directed against the other side among other provisions. The article emphasizes that the Treaty contributed to the final settlement of border issues between Russia and China and became a kind of manifesto for a multipolar world. The author concludes that the "Great Treaty" has successfully stood the test of time: its basic principles remain relevant under current geopolitical circumstances, while the document itself continues to ensure the stable and progressive development of Russia-China bilateral relations, thereby justifying the metaphor of 'the great voyage of a great ship'.

Keywords: Russia, China, Russian-Chinese relations, Great Treaty, strategic partnership, border issue, multipolar world, international security.

Author: *Kirill M. Barsky*, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, Head of the Department of Diplomacy, PhD in History, Professor, MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. E-mail: barskij_k_m@my.mgimo.ru

В подготовке Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой я участия не принимал, так как вернулся из длительной загранкомандировки только в конце июня 2001 г. А вот в его реализации мне принять участие довелось: уже в августе я вышел на работу в Первый департамент Азии российского МИД начальником отдела.

Тем не менее заглянуть в департамент, где я работал в прошлом и где мне предстояло работать на новом жизненном витке, я не преминул. Руководство и сотрудников Первого департамента Азии я застал на заключительном этапе подготовки визита в Россию Председателя КНР Цзян Цзэминя, намеченного на середину июля. То, что предстало перед моим взором, лучше всего описывает русское выражение «дым коромыслом». Так часто бывает в нашей профессии накануне важных внешнеполитиче-

ских событий. А тут еще и важнейший документ, который должен быть подписан на высшем уровне. Пообщавшись с директором департамента Е.В. Афанасьевым, его заместителем А.Н. Рожковым и с другими своими старыми коллегами, я понял, что меня, конечно, все рады видеть, но помочь им на данном этапе я уже вряд ли чем-то смогу. Поэтому счел за благо им не мешать.

Во Владимирском зале Большого Кремлевского дворца 16 июля 2001 г. в торжественной обстановке Президент России В.В. Путин и Председатель КНР Цзян Цзэминь подписали Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Россией и Китаем. Это было событие поистине мирового масштаба.

Вскоре после подписания «Большого договора» – так его сразу окрестили мидовские китаисты – в журнале «Международная жизнь» была опубликована статья заместителя министра иностранных дел России А.П. Лосюкова, курировавшего тогда российско-китайские отношения, под заголовком «Большой договор, большие перспективы». «Стратегическое взаимодействие России и Китая, – подчеркивал автор, – находится на пороге нового этапа. “Большой договор”, как верный морской компас, выводит корабль российско-китайских отношений в дальнее плавание, открывая перед ним самые широкие горизонты. Большому кораблю – большое плавание» [Лосюков, 2001, с. 9].

* * *

С тех пор прошла четверть века. Какие выводы можно сделать, оглядываясь на минувшие 25 лет? Был ли нужен этот договор? Сыграл ли он свою роль в российско-китайских отношениях? Было ли суждено этому «большому кораблю» совершить действительно большое плавание?

Говоря о причинах, побудивших российскую и китайскую дипломатию приступить к разработке этого документа, необходимо, прежде всего, подчеркнуть стремление сторон обеспечить стабильное развитие двусторонних отношений на длительную перспективу, гарантировать их устойчивое и поступательное развитие. И в Москве, и в Пекине считали важным языком договора изложить принципы, лежащие в основе российско-китайских отношений, закрепить общее видение подходов к фундаментальным аспектам взаимодействия России и Китая, к вопросам будущего мироустройства, к глобальным проблемам, стоящим перед человечеством, а также показать, что стратегическое партнерство между двумя странами не ограничивается только политикой, а будет развиваться в самых разных сферах.

Был еще один момент, на который в доверительных беседах обращали внимание китайские дипломаты. В конце 1999 г. Б.Н. Ельцин сложил с себя полномочия Президента России. В марте 2000 г. главой российского государства был избран В.В. Путин. Его тогда еще плохо знали за пределами России. Первые шаги нового лидера продемонстрировали его настрой на проведение активной внешней политики. В то же самое время на Западе, прежде всего в США, где динамичный экономический рост Китая у многих стал вызывать озабоченность, все активнее начала распространяться теория «китайской угрозы», у которой нашлись сторонники и в нашей стране. На этом фоне в Китае стали высказываться опасения, не «перевесит» ли желание молодого президента демократической России «перезагрузить» отношения с Западом

заверения прежнего российского руководства в неизменности курса на стратегическое партнерство с КНР. Подписание юридически обязывающего документа помогло бы устранить любые неопределенности в этом плане и тем самым поставить отношения двух стран на качественно иную основу, вывести их на более высокий уровень [Гончаров, Чжоу Ли, 2019, с. 619–651].

Еще один аргумент в пользу подготовки большого всеобъемлющего договора между Россией и Китаем высказывался рядом ученых. Среди них был наш известный историк-китаевед академик В.С.Мясников[1]. В своих выступлениях на научных конференциях и статьях второй половины 1990-х гг. Владимир Степанович, с одной стороны, с удовлетворением отмечал подписание двух пограничных соглашений: советско-китайского соглашения 1991 г. о восточной части границы (подписано министрами иностранных дел А.А. Бессмертных и Цянь Цичэнем) и российско-китайского соглашения 1994 г. о западной части границы (подписано министрами иностранных дел А.В. Козыревым и Цянь Цичэнем). С другой стороны, он указывал на то, что между странами нет документа, который в целом констатировал бы окончательное закрытие вопроса о границе и подтверждал бы отсутствие у сторон взаимных территориальных претензий. «С учетом накопленного опыта и успехов в урегулировании пограничных проблем, – отмечал он, – соответствующим пограничным комиссиям и группам двух стран следовало бы продолжить эту работу и на базе соглашений 1991 и 1994 гг. подготовить и подписать новый Договор о границе между РФ и КНР. Нерешенность вопроса о принадлежности островов у Хабаровска и на Аргуни – мина замедленного действия, и ее надо устранять. Лучше это делать в спокойной, мирной обстановке» [Мясников, 1999, с. 56–62].

Впоследствии это было сделано, но об этом речь пойдет ниже. Сам же В.С. Мясников так оценивал роль договора в урегулировании пограничного вопроса: «Исключительно важной является 6-я статья Договора, согласно которой Стороны, “с удовлетворением отмечая отсутствие взаимных территориальных претензий, преисполнены решимости превратить границу между ними в границу вечного мира и дружбы, передаваемой из поколения в поколение, и прилагают для этого активные усилия”». Вот так на деле реализуется в жизнь тезис тов. Дэн Сяопина, прозвучавший еще при нормализации отношений двух стран: “закрыть прошлое, открыть будущее”» [Мясников, 2017, с. 10–21].

Необходимо подчеркнуть, что Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Россией и Китаем был плодом совместного осмысления китаеведами нашей страны – учеными и практиками – многолетнего опыта отношений с Китаем, в том числе пограничных переговоров, современного состояния и перспектив развития российско-китайских отношений. Проект договора вобрал в себя многочисленные

[1] Мясников Владимир Степанович (1931–2025), выдающийся советский и российский историк, востоковед, академик РАН. После возобновления в октябре 1969 г. пограничных переговоров между СССР и Китаем по границе В.С. Мясников был включен в состав советской правительственной делегации на переговорах с КНР по пограничным вопросам и в течение ряда лет принимал в них активное участие в качестве эксперта. Он является автором многочисленных научных монографий и статей по вопросам истории отношений между двумя странами, включая историю формирования российско-китайской границы. В 1977 г. была издана подготовленная под руководством В.С. Мясникова коллективная монография «Формирование границ Китая».

идеи и предложения, поступившие со стороны экспертного сообщества, в том числе от Института Дальнего Востока РАН. Аналогичную мыслительную работу провели у себя китайские историки, политологи и дипломаты. Идея, так долго вызревавшая в умах дипломатов и ученых, получила одобрение политического руководства обеих стран и наконец-то обрела «плоть и кровь».

* * *

В июле 2000 г. Президент России побывал в Китае с визитом. Во время переговоров в узком составе Председатель КНР Цзян Цзэминь сказал В.В. Путину: «Чтобы Россия и Китай никогда не враждовали друг с другом, чтобы между ними на вечные времена воцарилась дружба, я предлагаю подписать договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве». В.В. Путин согласился.

В Пекинской декларации Российской Федерации и Китайской Народной Республики, подписанной высшими руководителями двух стран 18 июля 2000 г., в частности, говорилось: «Для утверждения долгосрочных и стабильных отношений между двумя государствами на основе добрососедства и дружбы, взаимного доверия и взаимной выгоды главы двух государств договорились о начале переговоров по разработке российско-китайского договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» [Сборник российско-китайских документов 1999–2007 гг., 2007, с. 74].

Работа началась сразу же после июльского саммита, так как сроки, поставленные лидерами России и Китая, были предельно сжатыми. Встретившись 6 сентября 2000 г. в Нью-Йорке «на полях» Саммита Тысячелетия, В.В. Путин и Цзян Цзэминь провели обзор работы по подготовке договора и выразили обоюдное удовлетворение ее ходом. Мы с нынешним послом КНР в России Чжан Ханьхуэем переводили ту беседу, и я хорошо помню ее доброжелательную атмосферу и приподнятое настроение собеседников.

С российской стороны работу по подготовке договора вели директор Первого департамента Азии МИД России Л.П. Моисеев и его заместитель С.Н. Гончаров (он был ключевым генератором идей и нашим главным переговорщиком), а возглавлял весь процесс заместитель министра иностранных дел А.П. Лосюков. Его непосредственным партнером с китайской стороны выступал помощник министра иностранных дел КНР (в ранге заместителя министра) Лю Гучан, а основная работа легла на плечи директора Департамента стран Восточной Европы и Центральной Азии МИД КНР Чжоу Ли.

Между А.П. Лосюковым и Лю Гучаном сложились на редкость продуктивные деловые и прекрасные личные отношения, они хорошо понимали друг друга. Оба обладали незаурядными знаниями и опытом, способностью видеть всю «палитру» российско-китайских отношений и смелостью в поиске устраивающих обе стороны формулировок. Два высокопоставленных дипломата провели несколько раундов консультаций в Москве и Пекине, прежде чем итоги проделанной работы подвели министры иностранных дел двух стран. Это произошло в апреле 2001 г. в ходе визита в Москву китайского министра Тан Цзясюаня (он принимал участие во встрече министров иностранных дел стран «шанхайской пятерки») и его переговоров с главой российского внешнеполитического ведомства И.С. Ивановым.

Тан Цзясюаня принял в Кремле Президент В.В.Путин. Он заявил: «Я с нетерпением жду встречи с Председателем Цзян Цзэминем в Москве в июле для подписания вместе с ним российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Этот Договор создаст еще более прочную юридическую базу для долгосрочного развития российско-китайских отношений».

Итак, буквально за восемь месяцев проект договора был готов. При этом необходимо заметить, что его согласование было сопряжено со значительными усилиями с обеих сторон. Казалось бы, договор о дружбе, а сказать, что все шло просто, нельзя. Достаточно обратить внимание на то обстоятельство, что в первоначальном проекте документа было не 25 статей, которые содержатся в подписанном договоре, а 16. Чтобы добиться согласия, привести позиции сторон «к общему знаменателю», необходимо было проявить дипломатический талант, умение договариваться. Обсуждалось каждое слово, дискуссии велись чуть ли не вокруг каждой запятой – ведь речь шла о важнейшем межгосударственном договоре.

Это, в частности, иллюстрирует эпизод, который позднее вспоминал директор Первого департамента Азии российского МИД Л.П. Моисеев. Стороны долго не могли прийти к единству мнений относительно того, где и каким образом отразить в договоре положение об отсутствии у России и Китая взаимных территориальных претензий. Одним из обсуждавшихся вариантов было предложение включить этот тезис в преамбулу документа. Однако российские переговорщики сумели убедить китайских партнеров, что это ослабит договор. В результате в тексте появилась отдельная статья, посвященная данному вопросу [К 20-летию Большого договора: как Россия и Китай писали документ, решивший пограничный спор].

Важную роль в процессе разработки проекта «Большого договора» сыграли посол России в КНР И.А. Рогачев, заместитель министра иностранных дел КНР Чжан Дэгуан, посол КНР в России У Тао, советник-посланник Посольства России в КНР, а до этого начальник отдела в Первом департаменте Азии МИД России Е.Ю. Томихин, на заключительном этапе – директор Первого департамента Азии Е.В. Афанасьев, сменивший на этом посту назначенного послом России в Австралии Л.П. Моисеева, и вернувшийся из Пекина заместитель директора Первого департамента Азии А.Н. Рожков. Свой вклад в работу внесли и другие участники этой «эпопеи» – дипломаты, эксперты, юристы, переводчики.

* * *

В чем же значение «Большого договора»?

Прежде всего, договор заложил прочную правовую основу российско-китайских отношений в новом веке. Его стержневой идеей является тезис о том, что дружба между народами двух стран должна быть константой двусторонних отношений и передаваться из поколения в поколение.

Договор стал программным документом для долгосрочного стабильного развития российско-китайских отношений. Он закрепил основополагающие принципы отношений добрососедства и дружбы, доверительного сотрудничества и стратегического взаимодействия. В нем четко определены обязательства сторон по отношению друг к другу.

Договор стал своего рода манифестом многополярного мира, отрицанием логики холодной войны. В этом смысле подписание договора подало международному сообществу хороший пример того, как могут и должны выстраивать между собой отношения две крупные державы, как можно и нужно преодолевать былые противоречия и наслоения прошлого, как благодаря взаимному доверию обеспечить безопасность и открыть путь для взаимовыгодного сотрудничества.

Таким образом, на основе равноправия, взаимного уважения, гибкости и взаимных уступок Москва и Пекин раз и навсегда разрешили оставленные историей вопросы границы.

В XX в. Советский Союз и Китай заключили между собой два комплексных межгосударственных договора.

14 августа 1945 г. был подписан Договор о дружбе и союзе. Этот договор был направлен в первую очередь на достижение победы над милитаристской Японией, и менее чем через месяц после его подписания эта задача была успешно решена. Договор был заключен сроком на 30 лет, однако победа народной революции в Китае и образование КНР в корне изменили военно-политическую и правовую ситуацию. 2 октября 1949 г. Советский Союз установил дипломатические отношения с провозглашенной днем ранее Китайской Народной Республикой и разорвал дипломатические отношения с Китайской Республикой. Советско-китайский Договор о дружбе и союзе 1945 г. утратил силу[2].

Министр иностранных дел СССР А.Я. Вышинский и Премьер Административного совета, министр иностранных дел КНР Чжоу Эньлай 14 февраля 1950 г. подписали в Москве Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой сроком на 30 лет. Однако в результате ухудшения советско-китайских отношений уже через десять лет после подписания договора китайская сторона фактически перестала выполнять его положения, а за год до истечения срока действия договора – в 1979 г. – уведомила Москву, что не намерена его продлевать.

Таким образом, с 1980 по 2001 г. между нашими странами не существовало базового межгосударственного договора. Между тем в судьбах России и Китая и в отношениях между ними за этот период произошли кардинальные перемены. Этот пробел в двусторонних отношениях и восполнил «Большой договор» 2001 г. С учетом того, что в 2026 г. договор был продлен на очередные пять лет (механизм автоматического продления заложен в статье 25 договора), он имеет все основания стать более долговечным, чем все предыдущие двусторонние договоры между нашими странами.

Говоря о роли, которую «Большой договор» сыграл в отношениях между Россией и Китаем и в международных отношениях, следует прежде всего подчеркнуть, что на протяжении всех минувших 25 лет Москва и Пекин в полном соответствии со статьей 1 развивали отношения добрососедства, дружбы, сотрудничества, равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия. При этом они строго

[2] 14 февраля 1950 г. одновременно с подписанием нового советско-китайского договора состоялся обмен нотами, предусматривавшими прекращение действия Договора 1945 г. и связанных с ним соглашений (*прим. ред.*)

руководствовались общепризнанными принципами и нормами международного права, принципами взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства, взаимной выгоды и мирного сосуществования [Сборник российско-китайских документов 1999–2007 гг., 2007, с. 143–144].

Чтобы понять исключительную важность статьи 2 договора, следует оценить ее актуальность в современных реалиях. Данная статья, напомню, гласит, что в своих взаимоотношениях стороны не используют друг против друга экономические и иные способы давления [Сборник российско-китайских документов 1999–2007 гг., 2007, с. 144]. В условиях введения рядом недружественных государств односторонних санкций против России и наращивания усилий «коллективного Запада» по сдерживанию Китая наши страны к западному санкционному давлению не присоединялись, санкции друг против друга не вводили, и это обстоятельство служит сегодня важным фактором, позволяющим обеим странам нормально жить и продолжать взаимовыгодное сотрудничество.

Москва и Пекин уважают выбор пути политического, экономического, социального и культурного развития, сделанный народами двух стран [Сборник российско-китайских документов 1999–2007 гг., 2007, с. 144]. Это положение статьи 3 Договора в нынешних условиях приобретает особый смысл, когда в мире развернулась борьба государств за утверждение и сохранение собственного суверенитета – государственного, экономического, технологического. Россия и Китай как государства-цивилизации свой выбор сделали и твердо его придерживаются, не пытаясь навязать свою модель кому бы то ни было. И это тоже обеспечивает стабильное развитие отношений между двумя государствами.

Исключительно важное значение имеет статья 4. Согласно этой статье, российская сторона поддерживает политику китайской стороны в вопросах, касающихся защиты государственного единства и территориальной целостности Китайской Народной Республики. Одновременно китайская сторона поддерживает политику российской стороны в вопросах, касающихся защиты государственного единства и территориальной целостности Российской Федерации [Сборник российско-китайских документов 1999–2007 гг., 2007, с. 144]. В этом контексте следующая за ней статья 5 снимает все вопросы относительно позиции России по Тайваню. В то время как США в тайваньском вопросе проводят откровенно провокационную линию, грубо нарушающую взятые Вашингтоном на себя обязательства, Россия твердо следует положениям «Большого договора», в котором она подтвердила неизменность своей принципиальной позиции по тайваньскому вопросу: в мире существует только один Китай, Правительство Китайской Народной Республики является единственным законным правительством, представляющим весь Китай, а Тайвань является неотъемлемой частью Китая. Российская сторона выступает против независимости Тайваня в какой бы то ни было форме [Сборник российско-китайских документов 1999–2007 гг., 2007, с. 145; Лукин, 2001, с. 78–88].

И для нашей страны, и для Китая огромную важность имеет статья 6, в которой констатируется отсутствие у сторон взаимных территориальных претензий [Сборник российско-китайских документов 1999–2007 гг., 2007, с. 145]. За минувшие 25 лет мы

действительно превратили российско-китайскую границу в границу прочного мира и доброй дружбы.

Когда стороны приняли решение заключить «Большой договор», линия прохождения российско-китайской границы была согласована не полностью, и это в известном смысле создавало пикантную ситуацию: подписывать договор с оговоркой, с изъятием? Тогда нашими и китайскими дипломатами была достигнута договоренность – уникальная в своем роде! – записать в тексте договора: «Стороны продолжат переговоры для разрешения вопросов о прохождении линии российско-китайской границы на еще не согласованных ее участках», а до разрешения этих вопросов на этих участках они будут соблюдать *status quo* [Сборник российско-китайских документов 1999–2007 гг., 2007, с. 145].

Речь шла об островах Большой Уссурийский и Тарабаров в районе Хабаровска и об острове Большой на реке Аргунь. Соглашение по этим вопросам было подписано только три года спустя, 14 октября 2004 г. Подписи под ним поставили министры иностранных дел России и Китая С.В. Лавров и Ли Чжаосин.

Для непосвященного – рядовой, технический документ, сплошные координаты пограничных точек. И название ничем не примечательное – «Дополнительное соглашение между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о российско-китайской границе на ее Восточной части» [Сборник российско-китайских документов 1999–2007 гг., 2007, с. 318–323]. Однако это лишь видимость. Далась эта развязка ой как нелегко. Для решения сложнейших вопросов границы, доставшихся Москве и Пекину в наследство от истории, с обеих сторон потребовались недюжинная политическая мудрость и дипломатическая гибкость – другими словами, как метко сформулировал глава российской делегации на переговорах о границе с Китаем В.Я. Воробьев, «установка на поиск взвешенного баланса интересов при разумной взаимной уступчивости» [Воробьев, 2011, с. 136]. Но достигнутая цель стоила предшествовавшего переговорного марафона длиной в несколько десятилетий, многочасовых дискуссий, острых баталий, бессонных ночей, запредельного напряжения мысли и воли. С подписанием «Дополнительного соглашения» прохождение границы между Россией и Китаем было полностью урегулировано. Демаркационные работы и установка пограничных знаков закончились в 2008 г., вопрос границы был окончательно закрыт.

Во время одной из наших встреч с А.П. Лосюковым уже после его выхода в отставку Александр Прохорович сказал мне: «Знаешь, самыми большими достижениями в своей долгой дипломатической карьере я считаю заключение “Большого договора” с Китаем и выход на подписание Дополнительного соглашения по границе»[3].

Упомянутые в статье 7 меры по укреплению доверия в военной области и взаимному сокращению вооруженных сил в районе границы [Сборник российско-китай-

[3] Лосюков Александр Прохорович (1943–2021), крупный советский и российский дипломат. А.П. Лосюков поступил на работу в МИД СССР в 1968 г., работал послом в Новой Зеландии, в Австралии, в Японии, был директором Второго департамента Азии, Генеральным секретарем МИД России и дважды – заместителем министра иностранных дел. Как куратор китайского направления внешней политики России в 2000–2004 гг. он сыграл важную роль в создании ШОС, в подготовке Договора о добрососедстве, дружбы и сотрудничества между Россией и КНР и в урегулировании вопроса о российско-китайской границе.

ских документов 1999–2007 гг., 2007, с. 145–146] стали для отношений России и Китая важнейшим фактором доверия и стабильности на общих рубежах, а для других стран – образцом того, как нужно решать проблемы, если сосредоточение войск вдоль границы омрачает двусторонние отношения, усиливает региональную напряженность, а милитаризация жизни в приграничных районах ложится тяжелым бременем на экономику, мешает развитию приграничной торговли, препятствует общению населения по обе стороны границы. У наших стран с этим все в порядке: соответствующие соглашения 1996 и 1997 гг. неукоснительно выполняются, открываются новые пункты пропуска, вводятся в строй новые объекты транспортной, пограничной и таможенной инфраструктуры, настоящий расцвет переживает приграничное и межрегиональное сотрудничество, россияне и китайцы спокойно ездят через границу друг к другу в гости.

Статья 8 договора закрепляет на уровне юридического обязательства неучастие сторон в каких-либо союзах и соглашениях с третьими государствами, наносящих ущерб суверенитету, безопасности и территориальной целостности другой стороны [Сборник российско-китайских документов 1999–2007 гг., 2007, с. 146]. Любому понятна высокая значимость данного положения на фоне наблюдающейся сейчас острой фазы трансформации системы международных отношений. Мы уверены в том, что ни Китай, ни Россия не допустят использования своей территории третьими государствами в ущерб государственному суверенитету, безопасности и территориальной целостности другой стороны. Эта уверенность дорогого стоит.

Отношения между нашими странами не носят характера военно-политического союза. Но в «Большом договоре» есть наиважнейшая статья 9, которая гласит: «В случае возникновения ситуации, которая, по мнению одной из договаривающихся сторон, может создать угрозу миру, нарушить мир или затронуть интересы ее безопасности, а также в случае возникновения угрозы агрессии против одной из договаривающихся сторон» Москва и Пекин «незамедлительно вступают в контакт друг с другом и проводят консультации в целях устранения возникшей угрозы» [Сборник российско-китайских документов 1999–2007, 2007, с. 146]. Едва ли приходится сомневаться, что такие консультации между российскими и китайскими дипломатами и военными ведутся постоянно. Вместе с тем, как представляется, в нынешней ситуации, чреватой возникновением весьма серьезных угроз безопасности России и Китая, следовало бы наполнить данную статью таким содержанием, которое соответствовало бы уровню этих угроз.

Статья 10 обязует стороны совершенствовать механизм регулярных встреч на различных уровнях [Сборник российско-китайских документов 1999–2007 гг., 2007, с. 146–147]. За прошедшие годы структурообразующий механизм регулярных встреч глав правительств России и Китая, учрежденный еще в середине 1990-х гг., существенно укрепился и расширился: сегодня в рамках данного механизма действуют 14 профильных подкомиссий и более 60 рабочих групп, по мере необходимости создаются новые структуры. Аналогичным образом все более активным и насыщенным становится регулярный обмен мнениями по международным проблемам, представляющим взаимный интерес. А интерес для России и Китая как крупных держав, постоянных членов Совета Безопасности ООН, представляет очень и очень многое.

Сегодня Россия и Китай, их двустороннее стратегическое партнерство рассматриваются многими в мире как оплот международной безопасности и стабильности, надежда на формирование подлинно демократического, равноправного, справедливого, многополярного мироустройства. Как и предусмотрено статьями 11, 12 и 13 договора, мы солидарно выступаем за международный мир, против силовой политики, ратуем за укрепление центральной роли ООН в международных отношениях [Сборник российско-китайских документов 1999–2007 гг., 2007, с. 147–148].

Москва и Пекин многого добились в том, что записано в статье 14 о необходимости содействовать усилиям по созданию новых многосторонних, прежде всего региональных, механизмов взаимодействия по вопросам безопасности и сотрудничества. За месяц до подписания договора, 15 июня 2001 г. была образована ШОС, а в последующие годы получили развитие другие форматы: в 2003 году – механизм встреч представителей России, Индии и Китая (РИК), в 2006 году началось институциональное оформление БРИК встречей министров иностранных дел России, Бразилии, Индии и Китая, а первый саммит четырех стран прошел в 2009 году. С присоединением в 2010 году ЮАР БРИК превратился в БРИКС. И ШОС, и БРИКС за эти годы «приросли» новыми членами, стали центрами притяжения для многих стран Глобального Юга. Многообещающими видятся сопряжение планов развития российского проекта евразийской интеграции – ЕАЭС – и китайской инициативы «Один пояс, один путь», формирование Большого Евразийского партнерства, разработка евразийской архитектуры безопасности, развитие взаимодействия между ЕАЭС, ШОС, СНГ, АСЕАН и другими заинтересованными региональными объединениями. В июле 2026 г. при инициативном участии России и Китая была образована Всемирная организация сотрудничества в области искусственного интеллекта (World Artificial Intelligence Cooperation Organization, WAICO)[4].

Приведем еще одну цитату из уже упоминавшейся статьи А.П. Лосюкова в журнале «Международная жизнь», написанной по горячим следам подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Россией и КНР. «Договор – это весомый вклад в региональную и глобальную стабильность. Нетрудно заметить, что его международная составляющая прописана весьма обстоятельно, и это не случайно. В этом проявилось единство взглядов России и Китая по ключевым вопросам современного мира и их настрой на совместную работу по укреплению мира. В многочисленных геополитических, экономических и гуманитарных “уравнениях”, которые приходится решать международному сообществу, российско-китайские отношения с подписанием договора становятся величиной постоянной. А наличие константы, как известно, облегчает нахождение искомого результата» [Лосюков, 2001, с. 9].

[4] 26 июля 2025 г. премьер Госсовета Ли Цян, развивая Глобальную инициативу по управлению искусственным интеллектом, выдвинутую Си Цзиньпином, предложил учредить World Artificial Intelligence Cooperation Organization. 16 июля 2026 г в Шанхае 29 государств подписали Соглашение об учреждении WAICO. Среди первых участников – Россия, Китай, Алжир, Беларусь, Бразилия, Камбоджа, Камерун, Республика Конго, Куба, Эфиопия, Индонезия, Казахстан, Кения, Кыргызстан, Лаос, Лесото, Малайзия, Мозамбик, Мьянма, Никарагуа, Оман, Пакистан, Сенегал, Сербия, ЮАР, Таджикистан, Узбекистан, Венесуэла, Замбия. Соглашение определяет WAICO как независимую межправительственную международную организацию со штаб-квартирой в Шанхае (*прим. ред.*)

Нет необходимости подробно говорить о том, каких высот достигло сотрудничество России и КНР в торгово-экономической, военно-технической, научно-технической, энергетической, транспортной сферах, в ядерной энергетике, в финансовой, космической, авиационной областях, в части взаимодействия по тематике информационных технологий и в других сферах. Все это было прозорливо предусмотрено в «Большом договоре».

* * *

«Межгосударственные договоры обычно не создают отношения одной страны с другой, – писал в статье, посвященной 10-летию заключения Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Россией и Китаем, В.Я. Воробьев. – В лучшем случае они удачно передают состояние взаимодействия, воспроизводят достигнутые договоренности. Но бывает так, что крупные политические договоры способны форматировать двусторонние отношения на долгосрочную перспективу, давать канву и содержательные ориентиры их развития. Именно таковым является Договор 2001 года» [Воробьев, 2011, с. 125].

В предисловии к китайскому изданию монографии академика В.С. Мясникова «Договорными статьями утвердили» автор так оценил значение российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве:

«Во-первых, московский договор восстановил международно-правовую, договорную основу российско-китайских отношений, которая существовала на протяжении трех с лишним веков.

Во-вторых, это восстановление произошло на качественно новой основе, в соответствии с принципами добрососедства, дружбы, сотрудничества, равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия между двумя государствами в XXI в. В этом плане московский договор не только подвел итог предыдущему десятилетию конструктивного развития добрососедских отношений России и Китая, но и открыл новые пути их дальнейшего совершенствования и развития на длительную перспективу.

В-третьих, российско-китайские отношения давно уже во многом определяют общий климат международной жизни. И в данном случае договор заложил основы региональной стабильности в Восточной Азии. Ряд его положений вполне могут быть использованы международным сообществом и при подготовке коллективного акта о безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В этом огромное международное значение московского договора.

И наконец, это первый договорный акт такого масштаба в наступившем столетии. Подписав его, Россия и Китай внесли существенный вклад в построение складывающейся в наши дни новой системы международных отношений. Договор носит системный, комплексный характер, он относится к той категории договоров, которые в прошлом назывались трактатами» [Мясников, 2006, с. 544–545].

А Председатель КНР Цзян Цзэминь в беседе с В.В. Путиным в день подписания «Большого договора» сказал: «Плодами этого договора будут пользоваться и наши дети, и наши внуки».

Некоторые задаются вопросом: если бы Россия и Китай взялись за подготовку основополагающего межгосударственного договорного акта, каким для наших отно-

шений стал Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2001 г., сейчас, в 2026 г., отличалось ли бы его содержание от действующего договора? Видимо, да. Многое изменилось в мире за эти годы, возник целый «рой» новых вызовов и угроз, появились и новые возможности. Более зрелым стало российско-китайское стратегическое партнерство. Однако нельзя не согласиться с тем, что базовые положения договора актуальны и сегодня.

«Большой договор», этот «большой корабль», продолжает свое «большое плавание», надежно обеспечивая поступательное развитие российско-китайских отношений в интересах народов двух наших стран.

Библиографический список

Воробьев В.Я. Договор 2001 года и урегулирование пограничных вопросов между Россией и КНР // Международная жизнь. 2011. № 8. С. 125–136.

Гончаров С.Н., Чжоу Ли. О формировании текста российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, переговорах по нему и его подписании // Общество и государство в Китае. 2019. № 49 (1). С. 619–651.

Лосюков А.П. «Большой договор», большие перспективы // «Международная жизнь». 2001. № 8. С. 3–9.

Лукин А.В. Россия и Китай // Международная жизнь. 2001. № 12. С. 78–88.

Мясников В.С. Взаимоотношения России с Китаем: тенденции, динамика, перспективы // Вестник Омского университета.1999. Вып. 1. С. 56–62.

Мясников В.С. «Квадратура китайского круга. Избранные статьи», в двух книгах, книга 1. М.: Восточная литература, 2006. – К китайскому читателю (для издания на китайском языке монографии «Договорными статьями утвердили», подготовленного в КНР в 2003–2004 гг.). С. 544–548.

Мясников В.С. Россия и Китай: историческое прошлое, современность и перспективы отношений (Семь особенностей и семь моделей отношений России с Китаем) // Российско-китайские исследования 2017. № 1(1). С. 10–21.

К 20-летию Большого договора: как Россия и Китай писали документ, решивший пограничный спор. URL: https://beijing.mid.ru/ru/news/bolshoy_dogovor_kak_rossiya_i_kitay_pisali_dokument_reshivshiy_pogranichnyy_spor/ (дата обращения: 26.08.2026).

Сборник российско-китайских документов, 1999–2007 гг. Пекинская декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 69–74.

Сборник российско-китайских документов 1999–2007 гг. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 143–151.

Сборник российско-китайских документов 1999–2007 гг. Дополнительное соглашение между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о российско-китайской государственной границе на ее Восточной части. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 318–323.

References

Vorob'ev V.Ya. (2011). Dogovor 2001 goda i uregulirovanie pogranichnyh voprosov mezhdu Rossiej i KNR [The 2001 Treaty and the settlement of border issues between Russia and China]. Mezhdunarodnaya zhizn' [International Life]. No. 8. P. 125–136. (In Russian).

Goncharov S.N., Zhou Li. (2019). O formirovanii teksta rossijsko-kitajskogo Dogovora o dobrososedstve, druzhbe i sotrudnichestve, peregovorah po nemu i ego podpisanii [On the formation of the text of the Treaty of Good-Neighbourliness, Friendship and Cooperation Between the Russian Federation and the People's Republic of China, negotiations on it and its signing]. Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae [Society and the State in China]. No. 49 (1). P. 619–651. (In Russian).

Losyukov A.P. (2001). “Bol'shoj dogovor”, bol'shie perspektivy [The “Great Treaty”, great prospects]. Mezhdunarodnaya zhizn' [International Life]. No. 8. P. 3–9. (In Russian).

Lukin A.V. (2001). Rossiya i Kitaj [Russia and China]. Mezhdunarodnaya zhizn' [International Life]. No. 12. P. 78–88. (In Russian).

Myasnikov V.S. (1999). Vzaimootnosheniya Rossii s Kitaem: tendencii, dinamika, perspektivy [Russia's Relations with China: trends, dynamics, prospects]. Vestnik Omskogo universiteta [Omsk University journal]. Vol. 1. P. 56–62. (In Russian).

Myasnikov V.S. (2006). “Kvadratura kitajskogo kruga. Izbrannye stat'i” [“The quadrature of the Chinese circle. Selected articles”], in two books, book 1. Moscow: Vostochnaya literatura [Eastern literature], K kitaiskomu chitatelyu [To Chinese readers]. P. 544–548. (In Russian).

Myasnikov V.S. (2017). Rossiya i Kitaj: istoricheskoe proshloe, sovremennost' i perspektivy otnoshenij (Sem' osobennostej i sem' modelej otnoshenij Rossii s Kitaem) [Russia and China: Historical Past, Present and Prospects of Relations (Seven features and seven models of relations between Russia and China)]. Rossijsko-kitajskie issledovaniya [Russian-Chinese studies]. No. 1 (1). P. 10–21. (In Russian).

K 20-letiyu Bol'shogo Dogovora: kak Rossiya i Kitaj pisali dokument, reshivshij pogranichnyj spor [On the 20th anniversary of the Great Treaty: how Russia and China wrote the document that resolved the border dispute]. URL: https://beijing.mid.ru/ru/news/bolshoy_dogovor_kak_rossiya_i_kitay_pisali_dokument_reshivshiy_pogranichnyy_spor/ (accessed: 26 August, 2026). (In Russian).

Sbornik rossijsko-kitajskih dokumentov 1999–2007 [Collection of Russian-Chinese documents]. (2007). Pekinskaya deklaraciya Rossijskoj Federacii i Kitajskoj Narodnoj Respubliki [Beijing Declaration of the Russian Federation and the People's Republic of China]. Moscow: OLMA Media Grupp [OLMA Media Group]. P. 69–74. (In Russian).

Sbornik rossijsko-kitajskih dokumentov 1999–2007 [Collection of Russian-Chinese documents]. (2007). Dogovor o dobrososedstve, druzhbe i sotrudnichestve mezhdu Rossijskoj Federaciej i Kitajskoj Narodnoj Respublikoj [The Treaty on Good-Neighbourliness, Friendship and Cooperation Between the Russian Federation and the People's Republic of China]. Moscow: OLMA Media Grupp [OLMA Media Group]. P. 143–151. (In Russian).

Sbornik rossijsko-kitajskih dokumentov 1999–2007 [Collection of Russian-Chinese documents]. (2007). Dopolnitel'noe soglashenie mezhdu Rossijskoj Federaciej i Kitajskoj Narodnoj Respublikoj o rossijsko-kitajskoj gosudarstvennoj granice na ee Vostochnoj chasti [Supplementary Agreement between the Russian Federation and the People's Republic of China on the Russian-Chinese State Border in its Eastern Part]. Moscow: OLMA Media Grupp [OLMA Media Group]. P. 318–323. (In Russian).

Ю.В. Кулинцев[1]

Юбилей востоковеда

К 70-летнему юбилею профессора С.Г. Лузянина

Yu • V • 库林采夫[2]

东方学家寿辰

祝贺谢尔盖 • 根纳季耶维奇 • 卢贾宁教授 70 岁寿辰

Yury V. Kulintsev[3]

Anniversary of an Orientalist

On the 70th birthday anniversary of Professor S.G. Luzyanin

23 июля 2026 г. отмечает 70-летний юбилей один из ведущих российских востоковедов, доктор исторических наук, профессор МГИМО МИД РФ, профессор НИУ ВШЭ, член Российского совета по международным делам (РСМД) Сергей Геннадьевич Лузянин.

На протяжении десятилетий эксперты, журналисты и студенты востоковедческих вузов знают Сергея Геннадьевича по его публикациям, выступлениям и лекциям как профессионала высшего класса, который и сегодня остается востребованным спикером на федеральных каналах и в лекционных аудиториях.

---

[1] *Кулинцев Юрий Викторович*, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН, заместитель главного редактора журнала «Российское китаеведение»

[2] 尤里·维克托罗维奇·库林采夫，政治学副博士，俄罗斯科学院中国与现代亚洲研究所首席研究员，《俄罗斯的中国学》杂志副主编

[3] *Yuri V. Kulintsev*, Candidate of Political Sciences, Leading Research Fellow at the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, Deputy Editor-in-Chief of the journal Russian Sinology.

Сергей Геннадьевич Лузянин

С.Г. Лузянин является автором более 300 научных, публицистических и учебно-методических работ и публикаций, имеет многолетний опыт руководства академическим институтом РАН и колоссальный опыт работы в высшей школе, его научно-педагогический стаж составляет 49 лет! Цифра, которая для современного молодого поколения ученых может показаться недосягаемой, но в то же время является ориентиром, задающим высокую планку для настоящего российского ученого.

Близкие и коллеги юбиляра отмечают его непреклонную твердость, умение «держать удар» и верность своим принципам. Именно эти мужские качества Сергей Геннадьевич вместе со знаниями и опытом транслирует своим ученикам, которые, отдавая дань его строгости и высоким требованиям, видят в нем интеллигентного, творческого и отзывчивого человека.

С.Г. Лузянин – коренной сибиряк, при этом династия Лузяниных насчитывает 200 лет «учительства в сибирских деревнях», а отец юбиляра, Геннадий Иванович Лузянин, был деканом исторического факультета Иркутского государственного педагогического института (ИГПУ). В одном из своих интервью С.Г. Лузянин вспоминал: «Я вырос среди книг, в этой двухсотлетней традиции, и было понятно, что от семейной кармы мне не уйти. Учась в университете, я четко понял, что я буду заниматься Азией»[4].

Карьера ученого такого уровня только на бумаге может выглядеть гладко. В 1977 г. это был Иркутский государственный педагогический университет, затем – аспирантура Института Востоковедения РАН, в 1984 г. защитил кандидатскую диссертацию о роли Китая в русско-монгольских отношениях в первой четверти XX в., там же окончил докторантуру, в 1997 г. защитил диссертацию, посвященную анализу взаи-

[4] «Мы, сибиряки, сами часть Азии». НИУ ВШЭ. 23.07.2026. URL: https://www.hse.ru/our/news/1182115209.html (дата обращения: 01.09.2026).

моотношений России, Монголии, Китая в XX в. Но за каждой из этих фраз стоят годы, иногда десятилетия упорного труда и трудности, преодолевать которые помогали личные качества и полученное от отца наставление: «Не бойся, мы, сибиряки, сами часть Азии, мы ее лучше знаем и понимаем».

Далее были годы работы в Институте востоковедения РАН, стажировки в Гарвардском университете, в Китайском институте международных проблем МИД КНР, переход на научную работу в Институт Дальнего Востока РАН (где юбиляр проработал четверть века, пройдя путь от рядового научного сотрудника до директора этого института), параллельное приглашение на преподавательскую работу в МГИМО (тоже 25 лет преподавательского стажа!), присвоение ученого звания профессора, приглашение на работу в НИУ ВШЭ, годы активной экспертной работы в Научном совете при Совете Безопасности РФ, плотного взаимодействия с Экспертным советом ШОС, с Российским советом по международным делам (РСМД), с Советом по внешней и оборонной политике (СВОП), с Валдайским клубом и многими другими организациями.

За свою профессиональную карьеру в качестве ученого и эксперта в сферах внешней и внутренней политики КНР, вопросов становления и развития ШОС, БРИКС, РИК, региональной безопасности в АТР и проблем развития современной Монголии С.Г. Лузянин удостоен значительного количества благодарственных писем, грамот и наград, среди которых государственная награда «За заслуги в обеспечении безопасности Российской Федерации», медаль «За вклад в становление и развитие ШОС», диплом лауреата премии ТАСС «10 российских и китайских выдающихся деятелей гуманитарного сотрудничества».

В российском научно-экспертном сообществе С.Г. Лузянин пользуется заслуженным авторитетом. Сегодня богатейший опыт одного из «патриархов» российского китаеведения в полной мере востребован в экспертно-аналитическом сопровождении внешнеполитического курса нашей страны. Профессор С.Г. Лузянин всемерно содействует раскрытию потенциала научной дипломатии и способен предлагать на различных политологических площадках новые конструктивные подходы к решению ключевых международных проблем.

В заключение следует отдельно отметить многогранность талантливой личности юбиляра, который вдобавок ко всему виртуозно играет на фортепиано, гитаре и поет. В экспертной среде востоковедов известен «Гимн китаеведа» (стихи К.М. Барского, музыка и вокал С.Г. Лузянина), история создания которого тесно связана с судьбой юбиляра.

Редакция журнала «Российское китаеведение» искренне поздравляет Сергея Геннадьевича Лузянина с 70-летним юбилеем, желает успеха как на научно-академическом треке, так и в экспертно-аналитической сфере, новых источников вдохновения и реализации самых смелых идей и проектов!

С.В. Уянаев[1], *К.М. Барский*[2]

Ученый и педагог С.Г. Лузянин

S • V • 乌亚纳耶夫[3]，*K • M • 巴尔斯基*[4]

学者和教育家 S • G • 卢贾宁

Sergey V. Uyanaev[5], *Kirill M. Barsky*[6]

Scientist and educator S.G. Luzyanin

23 июля 2026 г. исполнилось 70 лет со дня рождения видного отечественного ученого-востоковеда, доктора исторических наук, профессора НИУ «Высшая школа экономики» и МГИМО МИД России Сергея Геннадьевича Лузянина.

Без малого полувековой путь С.Г. Лузянина в науке – как университетской, так и академической – служит наглядным примером последовательного, целеустремленного развития и самосовершенствования, способного привести к достижению и серьезных педагогических целей, и весомых научных результатов.

Этот путь начался у берегов Байкала, где выросший в небольшой сибирской деревне выпускник Иркутского педагогического института (ИГПИ), избрал будущей

[1] *Уянаев Сергей Владимирович*, кандидат исторических наук, заместитель директора Института Китая и современной Азии РАН

[2] *Барский Кирилл Михайлович*, заведующий кафедрой дипломатии МГИМО МИД России, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ

[3] 谢尔盖·弗拉基米罗维奇·乌亚纳耶夫，历史学副博士，俄罗斯科学院中国与现代亚洲研究所副所长

[4] 基里尔·米哈伊洛维奇·巴尔斯基，特命全权大使，莫斯科国际关系学院外交教研室主任

[5] *Sergey V. Uyanayev*, Candidate of Historical Sciences, Deputy Director of the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.

[6] *Kirill M. Barsky*, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, Head of the Department of Diplomacy at MGIMO University.

профессией отнюдь не самую простую – научную стезю. Особый интерес был проявлен к историко-политологическим дисциплинам. Свою роль при этом не могла не сыграть семейная традиция: жизненная дорога отца Сергея Геннадьевича – Геннадия Ивановича Лузянина, доктора исторических наук, специалиста по новейшей истории Канады и других стран Запада, долгое время возглавлявшего это направление исследований в ИГПИ, а также в Магнитогорском государственном техническом университете, без сомнения, оказала влияние и на интересы сына.

После окончания исторического факультета ИГПИ молодой **аспирант вплотную приступил к целенаправленным востоковедческим исследованиям. «**Восток тогда пришел ко мне через Чингисхана, его великую империю, загадочный Каракорум и ламаизм с его церемониями и пышными обрядами», – вспоминал позднее Сергей Геннадьевич, подчеркивая, что «где-то рядом уже тогда фигурировал и Китай»[7]. Хорошим подспорьем в подготовке кандидатской диссертации на тему «Русско-монгольские отношения в 1911–1917 гг.» стали начатые еще в студенчестве неоднократные языковые и этнографические стажировки в соседней Монголии. Диссертационное исследование в итоге было успешно защищено в 1984 г. в Томском государственном университете.

Дальнейшее становление молодого ученого проходило в головном профильном учреждении страны – Институте востоковедения АН СССР/РАН. Здесь С.Г. Лузянин приступил к написанию докторского труда на тему «Россия – Монголия – Китай (1911–1946 гг.). Политические взаимоотношения». Исследование, научным консультантом при работе над которым выступил возглавлявший в те годы Институт востоковедения крупный советский дипломат, член-корреспондент АН СССР/РАН М.С. Капица, было защищено в 1997 г.

Вскоре С.Г. Лузянин был приглашен на работу в Институт Дальнего Востока РАН, где, совмещая научную деятельность с преподаванием в МГИМО МИД РФ и Высшей школе экономики, трудился свыше 20 лет. За это время был пройден большой научный и научно-организационный путь. Начав его с должности заместителя руководителя Центра «Внешней политики КНР и российских отношений», которым руководил академик РАН В.С. Мясников, Сергей Геннадьевич затем долгое время являлся первым заместителем директора ИДВ РАН по науке. В 2015 г. по инициативе многолетнего руководителя ИДВ академика М.Л. Титаренко С.Г. Лузянин возглавил Институт – вначале в должности исполняющего обязанности, а летом 2016 г. – директора Института.

При активном участии С.Г. Лузянина в 2000–2020 гг. в ИДВ РАН были инициированы и наполнялись реальным исследовательским содержанием многие научные проекты, которые и сегодня имеют не только серьезное научное, но и практическое значение. В частности, речь идет о концептуальном развитии и практическом продвижении выдвинутой в 1998 г. академиком Е.М. Примаковым идеи трехстороннего стратегического взаимодействия России, Индии и Китая. В сентябре 2001 г. в ИДВ

[7] «Не копить пепел прожитых лет, а передать горящий факел будущему поколению!» Интервью С.Г. Лузянина. 25.06.2026. URL: https://oborona.ru/product/zhurnal-nacionalnaya-oborona/ne-kopit-pepel-prozhityh-let-a-peredat-goryashchij-fakel-budushchemu-pokoleniyu-47629.shtml (дата обращения: 01.09.2026).

РАН состоялась 1-я трехсторонняя конференция ученых и отставных дипломатов трех стран, свой вклад в проведение и формулирование итогов которой внес Сергей Геннадьевич[8]. Конференция стала признанной отправной площадкой, позволившей вскоре вывести трехсторонний диалог на официальный уровень (формат РИК): в 2002 г. стартовали встречи глав трех дипломатических ведомств, а затем – и высших руководителей трех стран.[9]

Заметным было участие С.Г. Лузянина и в других направлениях исследований ИДВ, в том числе – в изучении ключевой для Института темы современных российско-китайских отношений, а также в разработке вопросов развития Шанхайской организации сотрудничества и БРИК/БРИКС. Как отмечал сам нынешний юбиляр, актуальность этих тем диктовалась самим ходом событий и явлений, включая «достаточно новую тогда идею возвращения России на “Большой Восток”, инициированную президентом»[10].

В 2007–2013 гг. из-под пера С.Г. Лузянина выходит ряд монографий, посвященных современной политике России в Азии, в том числе отношениям с КНР – «Восточная политика Владимира Путина»; «Россия и Китай в Евразии»; «Шанхайская Организация Сотрудничества. 2013–2015»[11]. Логическим продолжением этих работ стал выпущенный в 2018 г. индивидуальный труд «Россия – Китай: формирование обновленного мира»[12]. А уже позже (2024 г.) вышла в свет написанная в соавторстве с нынешним директором ИКСА РАН (ранее ИДВ РАН) профессором К.В. Бабаевым монография «Поворот на Восток: восточноазиатский вектор России 2014–2024».[13]

Эти книжные издания, сочетающие академический анализ с доступной публицистической формой изложения, получили достойную оценку широкой читательской аудитории. Неслучайно первая из перечисленных монографий пять раз переиздавалась солидными тиражами, а последняя в июле 2026 г. была включена в список лучших в ежемесячном книжном обзоре авторитетного сайта «Terrabooks»[14]. Всего же в послужном списке С.Г. Лузянина семь индивидуальных и целый ряд коллективных

[8] Лузянин С.Г., Шаумян Т.Л. Россия – Индия – Китай: новые вызовы и угрозы XXI века (к итогам трехсторонней российско-китайско-индийской международной научной конференции) // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 6. С. 6–25.

[9] Уянаев С.В. Россия – Индия – Китай. В контурах нового миропорядка. (К 90-летию академика Евгения Максимовича Примакова) / Отв. редактор академик РАН В.С. Мясников / Предисловие С.Г. Лузянин. М.: ИД «Форум». 2019. С. 108–114.

[10] «Не копить пепел прожитых лет, а передать горящий факел будущему поколению!» Интервью С.Г. Лузянина. 25.06.2026. URL: https://oborona.ru/product/zhurnal-nacionalnaya-oborona/ne-kopit-pepel-prozhityh-let-a-peredat-goryashchij-fakel-budushchemu-pokoleniyu-47629.shtml l (дата обращения: 01.09.2026).

[11] Лузянин С.Г. Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004–2008 гг.) М.: АСТ, Восток – Запад, 2007. 448 с.; Лузянин С.Г. Россия и Китай в Евразии. М.: ИД «Форум», 2009. 288 с.; Шанхайская Организация Сотрудничества 2013–2015: Прогнозы, сценарии и возможности развития. М.: ИДВ РАН, 2013. 87 с.

[12] Лузянин С.Г. Россия – Китай: формирование обновленного мира. М.: Весь Мир, 2018. 328 с.

[13] Бабаев К.В., Лузянин С.Г. Поворот на Восток: восточноазиатский вектор России 2014–2024. М.: РАН, 2024.

[14] Книга К.В. Бабаева и С.Г. Лузянина «Поворот на Восток» вошла в июльский обзор лучших книг на сайте Terrabooks. URL: https://www.iccaras.ru/news/kniga-kv-babaeva-i-sg-luzyanina-povorot-na-vostok-voshla-v-iyulskij-obzor-luchshih-knig-na-sajte-terrabooks.html (дата обращения: 01.09.2026).

монографий, а также свыше 300 научных статей в ведущих российских и зарубежных журналах, сборниках статей.

Не менее примечательно педагогическое измерение деятельности С.Г. Лузянина. Опираясь на опыт, полученный в ходе работы в 1990-е гг. в региональных вузах, Сергей Геннадьевич в начале 2000-х гг., уже работая в ИДВ РАН, на правах совместителя успешно влился в преподавательский коллектив МГИМО МИД РФ. Здесь в 2001–2009 гг. нынешний юбиляр являлся содиректором магистерской программы «Регионы Азии и Африки» по направлению «Международное регионоведение», а в 2005 г. получил звание профессора кафедры востоковедения. Помимо МГИМО, с 2011 г. С.Г. Лузянин стал также профессором в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» на факультете Мировой экономики и мировой политики. Многих учеников Сергея Геннадьевича сегодня можно встретить среди ответственных работников МИД РФ, в том числе в посольствах России в Китае, Индии, Монголии и других странах.

К своему 70-летнему юбилею С.Г. Лузянин подошел с большим багажом научных достижений и жизненного опыта. Результаты пройденного пути нашли отражение в немалом числе наград и поощрений. В 2011 г. решением тогдашнего секретаря Совета Безопасности Н.П. Патрушева С.Г. Лузянин был удостоен государственной награды «За заслуги в обеспечении безопасности Российской Федерации». Кроме этого, по линии Экспертного совета ШОС сегодняшний юбиляр награжден медалью «За вклад в становление и развитие ШОС». В 2018 г. С.Г. Лузянин стал обладателем диплома престижной премии ТАСС – «10 российских и китайских выдающихся деятелей гуманитарного сотрудничества», который вручался победителям, отобранным из более чем двух тысяч претендентов.

В этом же ряду – узнаваемость С.Г. Лузянина как авторитетного эксперта на площадках различных СМИ. Юбиляр не один год является регулярным участником многих политических программ на центральных телевизионных каналах, выступает на страницах ведущих газет.

Награды, как и достигнутые рубежи, были бы вряд ли возможны без присущих юбиляру качеств – сплава незаурядных способностей и трудолюбия, редкой самодисциплины, целеустремленности, а также товарищеской коммуникабельности, где находят место и дань признательности учителям, и уважение к коллегам, и внимание к ученикам.

70-летний юбилей – дата, заслуживающая уважения, однако отнюдь не располагающая лишь к подведению итогов. Энергия и творческий потенциал С.Г. Лузянина служат залогом того, что многие научные и жизненные вершины у заслуженного ученого и педагога еще впереди.

Рассказ о юбиляре был бы неполным, если не приоткрыть еще одну грань таланта Сергея Геннадьевича – грань музыкальную. С молодых лет на самодеятельной и клубной эстраде, он в дальнейшем никогда не забывал о своем увлечении, никогда не прекращал сочинять, писать к песням слова, делать аранжировки, играть и петь. В основе этого движения большой и чуткой души лежат прекрасный слух, удивительное чувство гармонии, приятный тембр голоса и потрясающая гитарная техника. И это при отсутствии базового музыкального образования!

До поры о творчестве Сергея Геннадьевича знали только близкие друзья, но затем на широкую публику вышел его изумительный по красоте и глубине романс «Алмаз Грибоедова», а потом появился цикл песен «Династия Тан». В одних произведениях с одноименного CD отчетливо просвечивают типично китайские интонации, на другие накинут стильный блюзовый флер. И везде – изящество мелодии и чистота исполнения. То мощная экспрессия, то щемящая нежность. Впервые слышавшие эти маленькие шедевры с трудом могли поверить в то, что и авторство музыки, и оркестровка, и вокал, и гитарные партии на этом диске принадлежали директору Института Дальнего Востока Российской академии наук, доктору исторических наук С.Г. Лузянину.

Поздравляя Сергея Геннадьевича со знаменательной датой, коллеги и друзья желают юбиляру здоровья и удачи!

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

DOI: 10.48647/ICCA.2026.96.20.002

Д.А. Ананьина, А.М. Ойдопова

«Кризис институциональной адаптации к демографическому старению» в АРВМ КНР

Аннотация. Статья посвящена анализу структурных особенностей демографического тренда, обозначаемого как «кризис институциональной адаптации к демографическому старению» в Автономном районе Внутренняя Монголия (АРВМ) КНР. Цель статьи заключается в выявлении того, как снижение преждевременной смертности и рост продолжительности жизни одновременно порождают новые системные вызовы, связанные со старением населения и адаптацией социальной инфраструктуры. Теоретико-методологическую основу исследования составляют теория эпидемиологического перехода А. Омрана, а также подходы к анализу смертности, чувствительной к эффективности системы здравоохранения (amenable mortality), разработанные в исследованиях Э. Нолте и М. Макки. Методология включает анализ возрастных распределений смертности по данным переписей населения, анализ стандартизированных коэффициентов смертности от основных хронических неинфекционных заболеваний, а также анализ официальной статистики и эпидемиологических исследований. Эмпирическую базу составили материалы 5-й, 6-й и 7-й Всекитайских переписей населения (2000, 2010, 2020 гг.), данные Национального бюро статистики КНР и правительства АРВМ (2000–2022 гг.), включая «Статистический ежегодник здравоохранения АРВМ», а также результаты лонгитюдных и популяционных исследований по региону. Результаты демонстрируют, что во Внутренней Монголии сформировалась модель «кризиса институциональной адаптации к демографическому старению», для которой характерны смещение модального возраста распределения зарегистрированных смертей в старшие возрастные группы, устойчивое снижение стандартизированной смертности от болезней системы кровообращения, новообразований и хронических респираторных заболеваний, сокращение вероятности преждевременной смерти от четырех основных хронических неинфекционных заболеваний. В то же время регион сталкивается с вызовами депопуляции, стремительного старения населения, ограниченного развития медицинского сегмента долговременного ухода и территориальными диспропорциями, усугубляемыми высокой внутренней миграцией. Сделан вывод, что «кризис институциональной адаптации к демографическому старению» требует качественной трансформации системы здравоохранения и социальной защиты.

Ключевые слова: институциональная адаптация, продолжительность жизни, социальная политика, демографические тренды, старение, Внутренняя Монголия.

Авторы: *Ананьина Дарья Александровна*, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Забайкальский государственный университет, старший научный сотрудник, Забайкальский научный центр ИИАЭ ДВО РАН. E-mail: ananina_1989@mail.ru
Ойдопова Арюна Мункобаировна, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы, Забайкальский государственный университет. E-mail: karyuna@mail.ru

D·A·阿纳宁娜, A·M·奥伊多波娃

中国内蒙古自治区的“人口老龄化制度适应危机”

*摘要：*本文分析了中国内蒙古自治区“人口老龄化制度适应危机”这一人口趋势的结构特点。文章旨在探讨过早死亡率下降和寿命延长如何同时引发与人口老龄化和社会基础设施适应相关的新的系统挑战。本研究的理论和方法基础是 A·奥姆兰（A·Omran）的流行病学转变理论，以及 E·诺尔特（E. Nolte）和 M·麦基（M. McKee）研究中提出的对卫生系统有效性敏感的死亡率（amenable mortality）的分析方法。研究方法包括基于人口普查数据的死亡率年龄分布分析、主要慢性非传染性疾病标准化死亡率分析，以及官方统计数据和流行病学研究的内容分析。本研究的实证基础包括中国第五次、第六次和第七次全国人口普查（2000 年、2010 年和 2020 年）的数据，及中华人民共和国国家统计局和内蒙古自治区政府的数据（2000-2022 年），其中包括《内蒙古卫生健康统计年鉴》，以及在该地区纵向研究和群体研究的成果。本研究结果表明，内蒙古已出现“人口老龄化的制度适应危机”模式，其特征是：登记死亡的众数年龄向老年群体偏移；心血管疾病、肿瘤和慢性呼吸系统疾病的标准化死亡率持续下降；四种主要慢性非传染性疾病导致的过早死亡概率降低。与此同时，该地区还面临着人口减少、人口快速老龄化、长期医疗护理发展不足以及因大量内部人口迁移而加剧的地区发展不平衡等挑战。本文结论认为，应对“人口老龄化的制度适应危机”需要对医疗卫生和社会保障体系进行根本性改革。

*作者：*达里娅·亚历山德罗夫娜·阿纳宁娜，哲学副博士，外贝加尔国立大学哲学教研室副教授，俄罗斯科学院远东分院历史、考古与民族学研究所外贝加尔学术中心高级研究员。E-mail：ananina_1989@mail.ru
阿留娜·蒙科巴伊罗夫娜·奥伊多波娃，哲学副博士，外贝加尔国立大学社会工作教研室副教授。E-mail：karyuna@mail.ru

Darya A. Ananyina, Aryuna M. Oydopova

“Crisis of Institutional Adaptation to Demographic Aging” in the Inner Mongolia Autonomous Region of the People’s Republic of China

Abstract. This article analyzes the structural characteristics of the demographic trend identified as the “crisis of institutional adaptation to demographic aging” in the Inner Mongolia Autonomous Region (IMAR) of the PRC. The study aims to examine how the decline in premature mortality and the rise in life expectancy simultaneously generate new sys-

temic challenges related to population aging and the adaptation of social infrastructure. The theoretical and methodological framework is based on A. Omran's theory of epidemiological transition and approaches to analyzing "amenable mortality" (mortality sensitive to healthcare system effectiveness) developed by E. Nolte and M. McKee. The methodology involves analyzing age-specific mortality distributions from census data, examining standardized mortality rates for major chronic non-communicable diseases, and conducting a content analysis of official statistics and epidemiological studies. The empirical basis comprises data from the 5th, 6th, and 7th National Censuses of China (2000, 2010, and 2020); data from the National Bureau of Statistics of China and the IMAR government (2000–2022), including the IMAR Health Statistical Yearbook; and results from longitudinal and population-based studies conducted in the region. The findings demonstrate that a "crisis of institutional adaptation to demographic aging" model has emerged in Inner Mongolia, characterized by a shift in the modal age of recorded deaths toward older age groups, a sustained decline in standardized mortality rates from circulatory system diseases, neoplasms, and chronic respiratory diseases, and a reduction in the probability of premature death from the four major chronic non-communicable diseases. At the same time, the region faces challenges such as depopulation, rapid population aging, limited development of the long-term care sector, and territorial disparities exacerbated by high levels of internal migration. It is concluded that the "crisis of institutional adaptation to demographic aging" necessitates a qualitative transformation of the healthcare and social protection systems.

Keywords: institutional adaptation, life expectancy, social policy, demographic trends, aging, Inner Mongolia.

Author: *Darya A. Ananyina*, Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy, Trans-Baikal State University; Senior Researcher, Trans-Baikal Scientific Center, Institute of Historical and Ethnographic Studies, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Email: ananina_1989@mail.ru
Aryuna M. Oydopova, Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor, Department of Social Work, Trans-Baikal State University. Email: karyuna@mail.ru

Введение

Автономный район Внутренняя Монголия (далее АРВМ) представляет интерес как аналитически значимый региональный кейс, в котором одновременно развиваются несколько взаимосвязанных демографических процессов, таких как снижение преждевременной смертности, старение населения, сокращение его численности и высокая внутренняя мобильность. В совокупности они формируют новые требования к институциональной адаптации системы здравоохранения. Особую остроту эти вызовы приобретают в приграничных и периферийных районах, где демографическая динамика напрямую влияет не только на региональное развитие, но и на геополитический и экономический потенциал страны в целом. АРВМ представляет собой показательный случай трансформации демографических процессов. С одной стороны, регион демонстрирует устойчивое снижение смертности по ряду показателей общественного здоровья и увеличение ожидаемой продолжительности жизни. С другой стороны, эти успехи сопряжены с новым комплексом проблем, а именно стремительным старением населения, ростом нагрузки хронических неинфекционных заболева-

ний (ХНИЗ) и вызовами, которые быстрорастущая возрастная когорта ставит перед существующей инфраструктурой здравоохранения и социальной защиты. В ответ на эти вызовы государство активно продвигает реформу первичного звена, в частности через создание интегрированных медицинских сообществ на уровне округов, что должно повысить координацию и доступность помощи для сельского и стареющего населения [Guojia Weisheng Jiankang Weiyuanhui, 2023, p. 27–32]. Эти меры являются частью государственной стратегии «Здоровый Китай 2030», которая ставит целью увеличение ожидаемой продолжительности жизни до 79 лет к 2030 г. и снижение преждевременной смертности от основных хронических заболеваний на 30% [Zhonggong Zhongyang; Guowuyuan, 2016, p. 9–11].

Существующие исследования проблем старения в регионах, подобных Внутренней Монголии, преимущественно сосредоточены на вопросах совершенствования организации медицинской помощи и повышения эффективности системы здравоохранения в рамках государственной концепции «Здорового старения». Этот подход реализуется по двум основным направлениям. Во-первых, операционализация политики через лонгитюдные проекты, такие как IMAGINS (Inner Mongolian Healthy Aging Study), нацеленные на предиктивное управление рисками хронических заболеваний у стареющего населения [Xi.., 2022, p. 5–9]. В рамках этих проектов фиксируются, в частности, низкие показатели осведомленности о лечении и контроле хронических заболеваний в АРВМ, что указывает на необходимость адресных программ [Xi.., 2022, p. 2]. Во-вторых, анализ регионального неравенства в доступности и качестве медицинских услуг, которое связывается с уровнем экономического развития и требует «тонкой настройки» системы [Dai, 2023, p. 8]. Важным дополнением к этому дискурсу выступают геопространственные исследования, показывающие, что традиционные деревни в АРВМ концентрируются в наименее развитых аграрных районах с низкой плотностью дорог, что косвенно подтверждает, как массовый миграционный отток молодежи ведет к «демографическому истощению» и ускоренному старению периферии [Li.., 2023, p. 24–25; Zhou, Feng, 2023, p. 1–2]. Параллельно с этим российские исследователи акцентируют внимание на демографических проблемах Северо-Востока Китая, фиксируя устойчивую депопуляцию, старение населения и отток молодежи из провинций Ляонин, Цзилинь и Хэйлунцзян [Баженова, Островский, 2021, с. 73; Веремейчик, 2011, с. 51–52; Мищук, Линь, 2024, с. 135–136]. Эти процессы, хотя и имеют региональную специфику, обнаруживают типологическое сходство с тем, что происходит во Внутренней Монголии. Однако, при всей глубине разработанности проблемы, сохраняется концептуальное ограничение. Несмотря на значительное число исследований демографического старения, недостаточно внимания уделяется институциональным последствиям изменения возрастной структуры населения. В частности, остается недостаточно исследованным вопрос о том, каким образом увеличение продолжительности жизни и рост доли населения старших возрастов изменяют требования к системе здравоохранения и долговременного ухода. В настоящей статье данный феномен рассматривается как «кризис институциональной адаптации к демографическому старению», т.е. ситуация, при которой достижения общественного здоровья требуют ускоренной адаптации системы здравоохранения и долговременного ухода к изменившейся возрастной структуре населения. Для

преодоления указанного концептуального пробела в данной работе предпринят анализ кейса Внутренней Монголии, реализующей активную социальную политику в условиях периферийного и приграничного положения.

Теоретико-методологические основы исследования

Данное исследование опирается на две взаимодополняющие концепции, каждая из которых операционализирована в конкретных аналитических процедурах. Теория эпидемиологического перехода А. Омрана задает аналитическую рамку для интерпретации изменений структуры смертности населения АРВМ [Омран, 2019, с. 3–4]. В соответствии с этой теорией, одним из индикаторов перехода (от смертности от инфекционных и внешних причин к смертности от хронических неинфекционных заболеваний (ХНИЗ)) является смещение возрастного профиля смертности в старшие возраста. Для эмпирической верификации этого сдвига в работе анализируются распределения умерших по возрастным группам на основе данных 5-й, 6-й и 7-й Всекитайских переписей населения (2000, 2010, 2020 гг.), визуализируемые с помощью пирамид смертности. Также показатели доли умерших в возрасте до 40 лет, а также 80 лет и старше рассматриваются как дополнительные показатели изменения возрастной структуры смертности. Подход к анализу смертности, чувствительной к медицинской помощи (amenable mortality), разработанный в работах Э. Нолте и М. Макки, используется в настоящем исследовании как методологический инструмент для интерпретации изменений смертности по отдельным причинам, потенциально чувствительным к своевременной и эффективной медицинской помощи. При этом данный подход не отождествляется с концепцией предотвратимой смертности и не рассматривается как исчерпывающая характеристика эффективности системы здравоохранения, поскольку перечень соответствующих причин смерти определяется специальными классификациями. В связи с этим он используется исключительно как дополнительный аналитический инструмент при интерпретации динамики смертности по отдельным категориям причин [Nolte, McKee, 2003, p. 1–4]. В этой связи эмпирический анализ основан не на показателях смертности, которую можно предотвратить, а на опубликованных данных о стандартизированной смертности от четырех основных хронических неинфекционных заболеваний в АРВМ за 2014–2021 гг., включая среднегодовые темпы изменения (AAPC) и вероятности преждевременной смерти (30–69 лет) [Zheng…, 2024, p. 903]. Также в статье анализируется динамика медицинской инфраструктуры АРВМ на основе данных ежегодных статистических отчетов правительства АРВМ и Национального бюро статистики КНР за 2013–2022 гг., включающих сведения о числе медицинских и оздоровительных учреждений, больниц и специализированных клиник. Указанные данные используются для характеристики институциональных изменений системы здравоохранения и пространственного распределения медицинской инфраструктуры региона.

Эмпирическую базу составили три группы источников, включающие данные переписей населения, официальную статистику системы здравоохранения АРВМ, а также результаты эпидемиологических и демографических исследований по регио-

ну, использованные для верификации данных и интерпретации выявленных статистических тенденций. Использование указанных источников предполагает ряд методологических ограничений. Во-первых, используемые статистические материалы различаются по методологии формирования отдельных показателей, временным интервалам наблюдения и уровню статистической агрегации. Во-вторых, показатели числа медицинских учреждений используются в настоящем исследовании исключительно для характеристики институциональных изменений и пространственного распределения медицинской инфраструктуры и не позволяют оценить мощность медицинских организаций, качество оказываемой помощи или количественно определить вклад системы здравоохранения в снижение смертности. В-третьих, при интерпретации демографических показателей необходимо учитывать высокую внутреннюю мобильность населения и особенности регистрационной системы *hukou*. Используемые агрегированные данные не позволяют количественно оценить влияние этих факторов, а также установить строгие причинно-следственные связи между развитием медицинской инфраструктуры, динамикой смертности и другими социально-экономическими процессами. Целью статьи является анализ институциональной адаптации системы здравоохранения АРВМ к демографическому старению населения посредством исследования возрастной структуры смертности, динамики смертности от четырех основных хронических неинфекционных заболеваний и изменений медицинской инфраструктуры региона. Полученные результаты интерпретируются в рамках предложенной аналитической модели «кризиса институциональной адаптации к демографическому старению».

Успехи и новые вызовы демографической политики АРВМ

Автономный район Внутренняя Монголия представляет интерес как регион, в котором демографические изменения последних десятилетий отражают переход от решения задач снижения преждевременной смертности к задачам адаптации системы здравоохранения к старению населения. Анализ демографических тенденций АРВМ позволяет выявить характеристики и противоречия модели «кризиса институциональной адаптации к демографическому старению». Одновременно со старением населения регион сталкивается с тенденцией депопуляции. Сокращение численности населения обусловлено сочетанием низкой рождаемости, естественных демографических изменений и миграционного оттока, характерного для ряда периферийных территорий Китая. В результате институциональная нагрузка определяется не только увеличением доли пожилого населения, но и уменьшением численности населения трудоспособного возраста, что ограничивает кадровые и финансовые возможности системы здравоохранения и ставит под вопрос долгосрочный трудовой потенциал региона. Согласно данным седьмой Всекитайской переписи (2020 г.) за период с 2010 по 2020 г. доля населения в возрасте 60+ выросла на 8,3 п.п., достигнув 19,8%, при одновременном сокращении доли экономически активного населения (15–59 лет) на 8,3 п.п. [Neimenggu zizhiqu tongjiju, 2022, p. 1], тогда как по стране в целом показатель темпов демографического старения достиг 18,70% [Баженова, Островский, 2021, с. 75]. Полученные нами данные о возрастном составе населения АРВМ согласуются с региональными оценками ожи-

даемой продолжительности жизни. По данным исследования Чжан Лэй и Сун Лицзюань, для западного региона Китая (куда входит АРВМ) характерен устойчивый, хотя и замедляющийся в последние годы, рост ОПЖ. При этом разрыв в ОПЖ между западным и восточным регионами в 2020 г. составил 3,5–4,2 года в зависимости от пола [Zhang, Sun, 2023, p. 4]. По оценкам авторов, сама ожидаемая продолжительность жизни в западном регионе Китая в 2020 г. составляла около 73-74 лет для мужчин и около 79 лет для женщин, что отражает общий прогресс, но сохраняет значительный разрыв с восточными провинциями [Zhang, Sun, 2023, p. 7].

Важной особенностью современной демографической ситуации в АРВМ является высокая внутренняя мобильность населения. Согласно данным Седьмой Всекитайской переписи населения 2020 г., почти половина жителей региона (47,7%) фактически проживали вне места своей постоянной регистрации (*hukou*) (таблица 1).

Таблица 1

Население АРВМ по полу и статусу регистрации домохозяйства в 2020 г.

Категория населения	Всего, чел.	Мужчины, чел.	Женщины, чел.	Доля от общего населения, %	Соотношение мужчин/ женщин
Всего население	24 049 155	12 275 274	11 773 881	100,0	1,04:1
в том числе:					
Проживают в данном населенном пункте с регистрацией	12 500 329	6 371 165	6 129 164	52,0	1,04:1
Население, фактически проживающее не по месту регистрации хукоу	11 462 961	5 858 767	5 604 194	47,7	1,05:1
Проживают с временной регистрацией	61 321	32 788	28 533	0,3	1,15:1
Проживают за границей	24 544	12 554	11 990	0,1	1,05:1

Источник: составлено на основе данных Бюллетеня 7-ой национальной переписи населения АРВМ [Бюро статистики КНР].

Масштаб внутренней мобильности свидетельствует о высокой интенсивности пространственных перемещений населения, которые могут быть связаны как с процессами урбанизации, так и с региональной дифференциацией рынка труда. Такая особенность представляет самостоятельный интерес для анализа демографических процессов в регионе и одновременно требует осторожности при интерпретации агрегированных показателей смертности, поскольку используемые статистические материалы не позволяют проследить индивидуальные миграционные траектории и оценить их влияние на демографические показатели.

Одним из важных демографических проявлений современного этапа трансформации смертности в АРВМ является изменение возрастного профиля умерших. Если в 2000 году модальный возраст распределения зарегистрированных смертей приходился на группу 70–74 года (14,4% всех смертей), то к 2020 г. он сместился в группу 80–84 года (16,1%) (таблица 2). Доли умерших в возрасте 85–89 и 90–94 лет увеличились с 3,8% до 11,1% и с 1,0% до 4,0% соответственно.

Таблица 2

Распределение смертности в АРВМ по возрастным группам (% от общего числа умерших).

Возрастная группа	2000 г.	2010 г.	2020 г.	Изменение п.п. (2000–2020)
0 лет	5,10	0,76	0,25	**-4,85**
1–4	0,58	0,33	0,11	**-0,47**
5–9	0,39	0,18	0,08	**-0,31**
10–14	0,49	0,22	0,13	**-0,36**
15–19	0,93	0,49	0,16	**-0,77**
20–24	1,25	0,87	0,25	**-1,00**
25–29	1,84	1,11	0,43	**-1,41**
30–34	2,25	1,28	0,75	**-1,50**
35–39	2,81	2,46	1,13	**-1,68**
40–44	3,51	3,57	1,80	**-1,71**
45–49	4,68	4,91	3,69	**-0,99**
50–54	5,09	6,40	5,46	**+0,37**
55–59	6.26	8,05	7,11	**+0,85**
60–64	10,54	8,51	9,29	**-1,25**
65–69	13,13	10,02	11,77	**-1,36**
70–74	14,40	15,80	12,26	**-2,14**
75–79	12,93	15,73	13,09	**+0,16**
80–84	8,88	11,37	16,13	**+7,25**
85–89	3,82	5,81	11,12	**+7,30**
90–94	0,97	1,71	4,02	**+3,05**
95–99	0,15	0,32	0.84	**+0,69**
100+	0,02	0,08	0,14	**+0,12**

Источник: составлено на основе данных 5-й, 6-й,7 Всекитайских переписей населения (2000, 2010, 2020 гг.). [Бюро статистики КНР]. 普查数据 – 国家统计局

Как видно из таблицы 2, наиболее заметные изменения произошли в старших возрастных группах. Совокупная доля умерших в возрасте 80 лет и старше увеличилась с 13,8 % до 32,2 %, тогда как доля умерших в возрасте до 40 лет сократилась более чем втрое (с 19,0 % до 5,3 %). Подобный сдвиг отражает изменение возрастной

структуры смертности и согласуется с увеличением продолжительности жизни и процессом демографического старения населения. Визуально эта динамика иллюстрируется сдвигом пирамид смертности (рисунок 1).

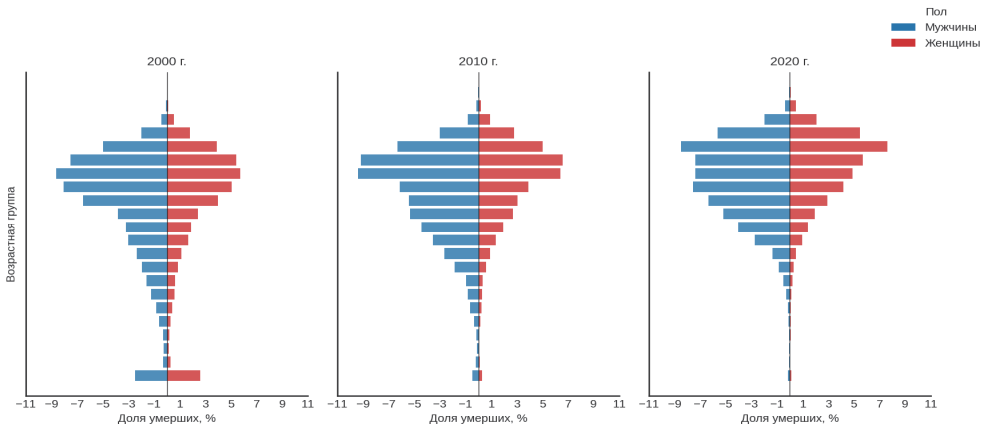

Рисунок 1. Эволюция пирамид смертности АРВМ, 2000, 2010, 2020 гг., в %

Анализ пирамид смертности свидетельствует о «постарении» смертности и смещении основной ее тяжести к старшим возрастам. Если в 2000 г. модальный возраст распределения зарегистрированных смертей приходился на возрастную группу 70–74 года (14,4%), то к 2020 г. он сместился к группе 80–84 года (16,1%). Заметно увеличилась доля умерших в группах 85–89 лет (с 3,82% до 11,12%) и 90–94 года (с 0,97% до 4,02%). Во всех возрастных группах до 60 лет наблюдается сокращение доли умерших, что свидетельствует об улучшении выживаемости населения.

Изменение возрастного распределения зарегистрированных смертей само по себе не является достаточным основанием для вывода о завершении эпидемиологического перехода, поскольку последний предполагает трансформацию структуры причин смерти. Поэтому возрастной анализ в настоящем исследовании дополняется анализом динамики смертности от четырех основных хронических неинфекционных заболеваний, представленной в исследованиях Чжэн, Си, Цяо и Хоу с соавторами [Zheng, Xi, Qiao, 2024, p. 903; Hou, Mu..., 2023, p. 2]. Согласно этим данным, стандартизованные коэффициенты смертности от сердечно-сосудистых заболеваний, злокачественных новообразований и хронических респираторных заболеваний в 2014–2021 гг. демонстрировали тенденцию к снижению [Zheng, Xi, Qiao, 2024, p. 906]. Несмотря на рост грубых показателей смертности (обусловленный старением населения), стандартизированные коэффициенты демонстрируют устойчивое снижение по ключевым патологиям [Hou, Mu..., 2023, p. 8]. Наиболее значимое снижение стандартизированной смертности наблюдается от сердечно-сосудистых заболеваний (AAPC = -3,97%) и злокачественных новообразований (AAPC = -4,18%), что может свидетельствовать об эффективности политики в области профилактики и ранней диагностики соответствующих заболеваний [Zheng, Xi, Qiao, 2024, p. 906]. При этом для диабета тренд снижения статистически не значим (AAPC = +1,10%), что указывает на растущую нагрузку от этого забо-

левания в условиях старения населения [Zheng, Xi, Qiao, 2024, p. 906]. Дополнительным показателем является вероятность преждевременной смерти от четырех основных хронических заболеваний, по данным Чжэн и соавторов, она снизилась с 19,84% в 2014 г. до 14,59% в 2021 г., то есть примерно на 26,5% (AAPC = −4,69%; p < 0,001) [Zheng, Xi, Qiao, 2024, p. 907]. Таким образом, наряду со снижением стандартизованных коэффициентов смертности наблюдается сокращение вероятности преждевременной смерти от четырех рассматриваемых групп хронических заболеваний.

Таблица 3

Динамика стандартизированной смертности от четырех основных ХНИЗ в АРВМ, 2014, 2021 гг. (на 100 тыс. населения).

Причина смерти	2014 г.	2021 г.	Изменение, %	Годовой тренд (AAPC, %)
БСК	342,5	267,3	- 22,0%	- 3,97
Злокачественные новообразования	144,1	107,5	- 25,4%	- 4,18
Хронические респираторные	49,4	30,8	- 37,7%	- 4,92
Диабет	9,8	9,0	- 8,2%	+ 1,10

Источник: составлено на основе статистических данных, приведенных в работе Zheng J, Xi Y, Qiao L, et al. (2024). Analysis of mortality of major chronic diseases in 2021 and its trend from 2014 to 2021 in Inner Mongolia Autonomous Region. DisSurveill. No. 39(7). P. 902–908.

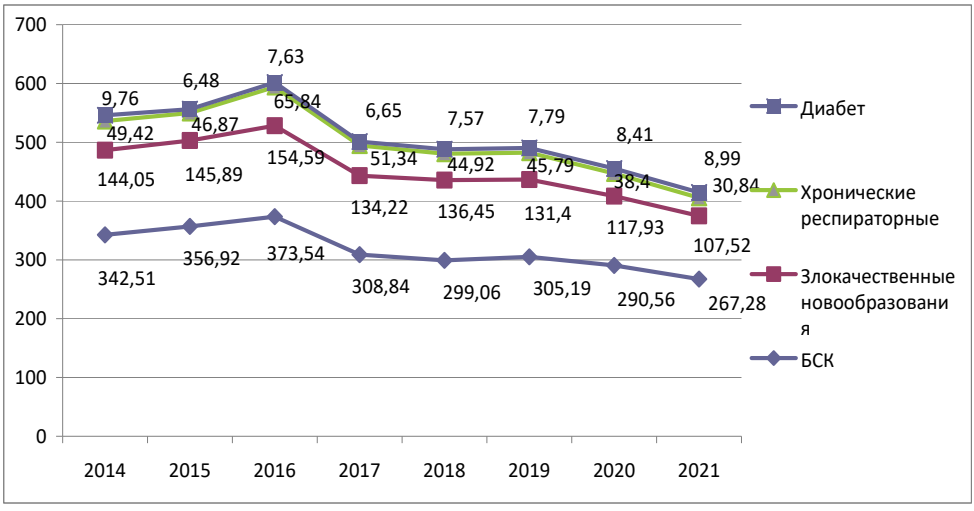

Рисунок 2. Динамика стандартизированной смертности от четырех основных ХНИЗ в АРВМ, 2014–2021 гг.

Источник: составлено на основе статистических данных, приведенных в работе Zheng J, Xi Y, Qiao L, et al. (2024). Analysis of mortality of major chronic diseases in 2021 and its trend from 2014 to 2021 in Inner Mongolia Autonomous Region. DisSurveill. No. 39(7). P. 902–908.

Положительная динамика демографических показателей, в том числе снижение стандартизированных показателей смертности от четырех основных хронических неинфекционных заболеваний, также может быть связана с развитием и укреплением системы здравоохранения АРВМ. За рассматриваемый период в регионе отмечается значительный рост числа медицинских и оздоровительных учреждений. В 2013–2022 гг. число больниц в АРВМ выросло на 43%, а специализированных клиник более чем в два раза (таблицы 4, 5).

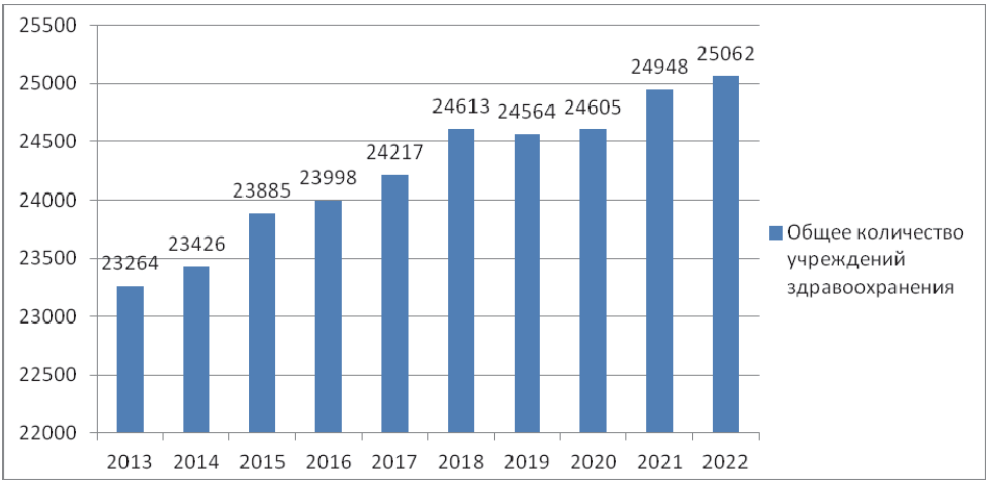

Рисунок 3. Общее количество медицинских и оздоровительных учреждений в АРВМ

Источник: составлено на основе данных Статистического ежегодника здравоохранения Внутренней Монголии за 2023 г. [Комиссия по здравоохранению АРВМ].

Таблица 4

Количество медицинских и оздоровительных учреждений в АРВМ

Год	Общее кол-во	Больница	Больница общего профиля	Больницы традиционной китайской медицины	Специализированные больницы	Первичные медицинские и оздоровительные учреждения	Центр общественного здравоохранения	Городские медицинские центры	Деревенские поликлиники	Поликлиника	Агентство общественного здравоохранения	Профилактические центры	Специализированная лечебно-профилактическая больница	Учреждения здравоохранения матери и ребенка	Управление санитарной инспекции	Другие учреждения здравоохранения
2013	23264	566	353	127	85	219844	1148	1332	14028	4944	620	119	53	116	101	78
2014	23426	639	379	147	111	22053	1180	1335	13835	5218	660	119	53	117	114	74
2015	23885	702	409	164	126	22420	1193	1322	13645	5584	664	119	53	114	114	99
2016	23998	720	402	181	134	22605	1194	1321	13632	5781	599	117	54	113	113	74
2017	24217	775	422	202	145	22868	1195	1312	13625	6029	507	119	51	113	115	67
2018	24613	818	424	228	159	23235	1197	1301	13539	6492	491	118	50	114	116	69
2019	24564	794	397	230	161	23238	1197	1271	13321	6860	466	119	43	114	117	66
2020	24605	777	377	235	159	23334	1200	1257	13087	7790	433	120	29	114	116	61
2021	24948	806	379	247	172	23683	1230	1251	12963	8238	402	121	14	114	117	57
2022	25062	809	377	249	174	23751	1240	1249	12824	8437	430	122	11	116	118	72

Источник: составлено на основе данных Статистического ежегодника здравоохранения Внутренней Монголии за 2023 г. [Комиссия по здравоохранению АРВМ].

Таблица 5

Количество лечебно-оздоровительных учреждений в районах АРВМ в 2022 г.

Область	Общее кол-во	Больницы							Первичные медицинские и оздоровительные учреждения							
		Итого	Больницы общего профиля	Больницы традиционной китайской медицины	Интегрированные больницы традиционной китайской и западной медицины	Этническая больница	Специализированные больницы	Учреждения сестринского ухода	Итого	Центр общественного здравоохранения	Общественная станция здравоохранения	Уличный центр здоровья	Городской медицинский центр	Деревенская поликлиника	Поликлиника	Поликлиники, фельдшерские кабинеты, сестринские посты
Итого	25062	809	377	142	14	93	174	9	23751	346	894	1	1249	12824	854	7583
Хух-Хото	2539	109	52	23	1	5	28	0	2538	38	191	0	78	982	151	918
Баотоу	2169	105	36	20	4	11	32	2	2007	68	113	0	65	447	235	1079
Ухай	315	25	15	2	0	1	6	1	275	13	6	0	3	13	13	227
Чифэн	4823	105	49	22	1	10	20	3	4672	39	76	1	240	3040	32	1244
Тунляо	4276	84	33	14	4	13	20	0	4153	23	156	0	157	3273	37	507
Ордос	1814	97	38	23	1	9	24	2	1670	38	72	0	89	572	101	798
Хулун-буир	1870	67	35	7	1	10	14	0	1746	30	121	0	132	707	116	640
Баян-Нур	1713	58	34	11	0	6	7	0	1626	22	21	0	103	706	36	738
Уланчаб	2119	61	37	11	1	4	7	1	2014	29	92	0	141	1348	14	390
Хинган	1660	35	17	4	0	6	8	0	1597	16	31	0	89	883	84	494
Шилин Гол	1427	45	21	4	1	12	7	0	1328	24	12	0	115	684	31	462
Алашань	337	18	10	1	0	6	1	0	305	6	3	0	37	169	4	86

Источник: составлено на основе данных Статистического ежегодника здравоохранения Внутренней Монголии за 2023 г. [Комиссия по здравоохранению АРВМ].

Анализ динамики медицинских учреждений АРВМ в 2013–2022 гг. показывает структурную перестройку системы здравоохранения. Общее число учреждений выросло на 7,7% (с 23 264 до 25 062), однако за этой динамикой скрываются разнонаправленные тенденции. Количество больниц увеличилось на 43% (с 566 до 809), причем наиболее быстро росли специализированные больницы (+105%) и больницы традиционной китайской медицины (+52% после 2015 г.), тогда как число больниц общего профиля почти не изменилось. Первичное звено трансформировалось таким образом, что количество деревенских поликлиник сократилось на 8,6%, тогда как городских поликлиник стало на 70% больше, что отражает тенденцию к урбанизации. Профилактическое звено в целом остается стабильным, рост центров общественного здоровья составляет 8%, число профилактических центров осталось на прежнем уровне. Вместе с тем официальная статистика системы здравоохранения фиксирует крайне небольшое число учреждений сестринского ухода (护理院), относящихся к медицинской инфраструктуре региона. Следует отметить, что данный показатель не охватывает всю систему долговременного ухода за пожилыми людьми, которая в Китае включает также учреждения системы социального обеспечения (养老机构, 敬老院, 社会福利院 и др.). Поэтому представленные данные не позволяют количественно оценить общую обеспеченность региона инфраструктурой долговременного ухода. Вместе с тем они свидетельствуют о том, что медицинская составляющая системы ухода остается одним из направлений, требующих дальнейшего развития в условиях демографического старения. Это особенно показательно на фоне требований стратегии «Здоровый Китай 2030», которая прямо предписывает «развивать долговременные услуги по уходу для пожилых людей на дому и поощрять создание учреждений, объединяющих медицинскую помощь и уход» [Zhonggong Zhongyang; Guowuyuan, 2016, p. 24–25]. Более того, региональный пятилетний план АРВМ декларирует необходимость «укрепления долгосрочной защиты пожилых людей с инвалидностью» и ставит целевой показатель доли специализированных коек в домах престарелых не менее 55% к 2025 г. [Neimenggu Zizhiqu Renmin Zhengfu, 2021, p. 99–100]. Таким образом, анализ медицинской инфраструктуры показывает, что при декларируемом государством курсе на развитие интеграции медицинской помощи и долговременного ухода, статистика системы здравоохранения отражает ограниченное развитие медицинского сегмента учреждений сестринского ухода. Вместе с тем используемые статистические материалы охватывают только организации, относящиеся к системе здравоохранения, и не позволяют оценить полноту всей системы долговременного ухода за пожилыми людьми, включающей также учреждения социальной защиты. В связи с этим данные результаты характеризуют состояние медицинской составляющей системы долговременного ухода и не могут рассматриваться как исчерпывающая оценка всей инфраструктуры ухода за пожилыми гражданами.

Пятилетний план АРВМ признает наличие территориальных диспропорций и ставит задачу повышения охвата базовыми общественными услугами в приграничных районах [Neimenggu Zizhiqu Renmin Zhengfu, 2021, p. 32]. Представленные статистические данные свидетельствуют о неравномерном территориальном распределении медицинской инфраструктуры. Наибольшее абсолютное число учреждений сосредоточено в наиболее населенных административных единицах региона, тогда как в пе-

риферийных аймаках их значительно меньше. Вместе с тем используемые показатели не позволяют судить об уровне обеспеченности населения медицинской помощью, поскольку не учитывают различия в численности населения и мощности медицинских организаций. Полученные результаты следует интерпретировать как свидетельство пространственной неоднородности размещения медицинской инфраструктуры, что в условиях демографического старения указывает на необходимость дальнейшего изучения и развития механизмов интеграции медицинской помощи и долговременного ухода, особенно в периферийных районах региона.

Заключение

Анализ показывает, что институциональные вызовы региона обусловлены не только старением населения, но и одновременным воздействием депопуляции, роста продолжительности жизни и высокой внутренней мобильности населения. В АРВМ «кризис институциональной адаптации к демографическому старению» проявляется в нескольких взаимосвязанных измерениях. Прежде всего, данные трех переписей (2000, 2010, 2020 гг.) фиксируют сдвиг модального возраста распределения зарегистрированных смертей из группы 70–74 года в группу 80–84 года, сокращение доли умерших до 40 лет более чем втрое (с 19% до 5,3%) и рост доли умерших в возрасте 80+ с 13,8% до 32,2%. Эти количественные маркеры перехода от экзогенных и предотвратимых причин смерти к эндогенным, связанным с накоплением хронической патологии, устойчивы и соответствуют классической модели А. Омрана. Одновременно система здравоохранения АРВМ продемонстрировала высокую эффективность в снижении преждевременной смертности. Стандартизированные коэффициенты смертности от болезней системы кровообращения, злокачественных новообразований и хронических респираторных заболеваний устойчиво снижались в 2014–2021 гг. Снижение смертности происходило на фоне расширения больничной сети (+43%), специализированных клиник (+105%), развития программ ранней диагностики и лонгитюдных проектов, таких как IMAGINS, нацеленных на предиктивное управление рисками хронических заболеваний. Однако имеющиеся данные не позволяют отделить вклад медицинской инфраструктуры от социально-экономических и поведенческих факторов.

Проведенный анализ показывает, что демографическая трансформация АРВМ определяется несколькими взаимосвязанными процессами. Наряду с увеличением продолжительности жизни и старением населения важную роль играют сокращение численности населения трудоспособных возрастов, высокая внутренняя мобильность населения и территориальная неоднородность развития медицинской инфраструктуры. Именно совокупное действие этих факторов формирует описанный в статье кризис институциональной адаптации системы здравоохранения. Полученные результаты свидетельствуют о том, что реализация целей стратегии «Здоровый Китай 2030» в периферийных регионах требует дальнейшей институциональной адаптации системы здравоохранения. Речь идет не только о развитии профилактики хронических заболеваний, но и о расширении медицинского сегмента долговременного ухода, развитии гериатрической помощи, совершенствовании механизмов интеграции ме-

дицинских и социальных услуг, а также учете высокой пространственной мобильности населения при планировании и статистическом мониторинге. Перспективным направлением дальнейших исследований представляется разработка методологических подходов к оценке влияния внутренней мобильности населения на демографические показатели, сравнительный анализ институциональной адаптации систем здравоохранения быстро стареющих регионов Китая, а также исследование эффективности различных моделей интеграции медицинской помощи и долговременного ухода.

Библиографический список

Баженова Е.С., Островский А.В. (2021). Сколько жителей в Китае? Итоги 7-й Всекитайской переписи населения 2020 года // Проблемы Дальнего Востока. № 4. С. 66–83.

Веремейчик А.С. (2011). Демографическое развитие Северо-Восточного Китая (1949–2010 гг.) // Ойкумена. № 4. С. 46–53.

Мищук С.Н., Линь Цзыюй. (2024). Современная демографическая ситуация в северо-восточных провинциях Китая // Проблемы развития территории. Т. 28. № 6. С. 123–140.

Омран А.Р. (2019). Теория эпидемиологического перехода: взгляд 30 лет спустя // Демографическое обозрение. Т. 6. № 1. С. 177–216.

References

Bazhenova, E.S.; Ostrovskiy, A.V. (2021). Skol'ko zhitelei v Kitae? Itogi 7-i Vsekitaiskoi perepisi naseleniya 2020 goda [How Many People Live in China? Results of the Seventh National Population Census of 2020]. Problemy Dal'nego Vostoka. No. 4. P. 66–83. (In Russian).

Mishchuk, S.N.; Lin, Ziyu (2024). Sovremennaya demograficheskaya situatsiya v severo-vostochnykh provintsiyakh Kitaya [Current Demographic Situation in the Northeastern Provinces of China]. Problemy razvitiya territorii. Vol. 28, No. 6. P. 123–140. (In Russian).

Omran, A.R. (2019). Teoriya epidemiologicheskogo perekhoda: vzglyad 30 let spustya [The Theory of Epidemiological Transition: A View 30 Years Later]. Demograficheskoe obozrenie. Vol. 6, No. 1. P. 177–216. (In Russian).

Veremeichik, A.S. (2011). Demograficheskoe razvitie Severo-Vostochnogo Kitaya (1949–2010 gg.) [Demographic Development of Northeast China (1949–2010)]. Oikumena. No. 4. P. 46–53. (In Russian).

* * *

Dai X., Jiang Y., Li Y., Wang X., Wang R., Zhang Y. (2023). Evaluation of community basic public health service effect in a city in Inner Mongolia Autonomous Region – based on entropy weight TOPSIS method and RSR fuzzy set. Archives of Public Health. Vol. 81, No. 1. P. 149: 1–10.

Guojia Weisheng Jiankang Weiyuanhui 国家卫生健康委员会 (2023). Zhonghua Renmin Gongheguo Guojia Weisheng Jiankang Weiyuanhui Gongbao 中华人民共和国国家卫生健康委员会公报 [Bulletin of the National Health Commission of the People's Republic of China]. No. 12. (In Chinese).

Hou R., Mu Z., Kang W., Liu Z., Na B., Niu W. (2023). Cancer mortality in 2020 and its trend analysis in Inner Mongolia during four time periods from 1973 to 2020. Frontiers in Oncology. Vol. 13. Article 1096968.

Li D., Gao X., Lv S., Zhao W., Yuan M., Li P. (2023). Spatial Distribution and Influencing Factors of Traditional Villages in Inner Mongolia Autonomous Region. Buildings. Vol. 13, No. 11. Article 2807. P. 1–29.

Neimenggu weisheng jiankang tongji nianjian 2023 内蒙古卫生健康统计年鉴 (2023). [Statistical Yearbook of Health of Inner Mongolia 2023]. Hohhot: Inner Mongolia Autonomous Region Health Commission. (In Chinese).

Neimenggu zizhiqu diliu ci quanguo renkou pucha lingdao xiaozu bangongshi; Neimenggu zizhiqu tongjiju. (2012). Neimenggu zizhiqu 2010 nian renkou pucha ziliao 内蒙古自治区2010年人口普查资料 [Tabulation on the 2010 Population Census of the Inner Mongolia Autonomous Region]. Beijing: Zhongguo Tongji Chubanshe. (In Chinese).

Neimenggu zizhiqu diqici quanguo renkou pucha lingdao xiaozu bangongshi; Neimenggu zizhiqu tongjiju. (2022). Neimenggu zizhiqu renkou pucha nianjian 2020 内蒙古自治区人口普查年鉴2020 [Population Census Yearbook of the Inner Mongolia Autonomous Region 2020]. Beijing: Zhongguo Tongji Chubanshe. (In Chinese).

Neimenggu Zizhiqu Renmin Zhengfu 内蒙古自治区人民政府 (2021). Neimenggu Zizhiqu guomin jingji he shehui fazhan di shisi ge wunian jihua he 2035 nian yuanjing mubiao gangyao 内蒙古自治区国民经济和社会发展第十四个五年规划和2035年远景目标纲要 [Outline of the Fourteenth Five-Year Plan for National Economic and Social Development of the Inner Mongolia Autonomous Region and the Long-Range Objectives through the Year 2035]. Hohhot. (In Chinese).

Neimenggu zizhiqu tongjiju; Neimenggu zizhiqu diwu ci quanguo renkou pucha bangongshi. (2002). Neimenggu zizhiqu 2000 nian renkou pucha ziliao 内蒙古自治区2000年人口普查资料 [Tabulation on the 2000 Population Census of the Inner Mongolia Autonomous Region]. Beijing: Zhongguo Tongji Chubanshe. (In Chinese).

Nolte E., McKee C.M. (2003). Measuring the health of nations: analysis of mortality amenable to health care. BMJ. Vol. 327. P. 1129–1132.

Xi Y., Tian Q., Na B., Han K., Duan M., Zhang X., Wang W., Wang Y. (2022). Protocol of the Inner Mongolian Healthy Aging Study (IMAGINS): a longitudinal cohort study. BMC Public Health. Vol. 22. Article 115. P. 1–10.

Zhang L., Sun L. (2023). Life expectancy inequalities between regions of China 2004–2020: contribution of age- and cause-specific mortality. Frontiers in Public Health. Vol. 11. Article 1271469.

Zheng J., Xi Y., Qiao L., Na B., Shang, S., Kang W. (2024). Analysis of mortality of major chronic diseases in 2021 and its trend from 2014 to 2021 in Inner Mongolia Autonomous Region. Disease Surveillance. Vol. 39, No. 7. P. 902–908.

Zhonggong Zhongyang; Guowuyuan 中共中央、国务院 (2016). Jiankang Zhongguo 2030 guihua gangyao《"健康中国2030"规划纲要》 [Outline of the Healthy China 2030 Plan]. Beijing. (In Chinese).

Zhou X., Feng W. (2023). Investigating the Impact of Demographic and Personal Variables on Post-Retirement Migration Intention of Rural Residents: Evidence from Inner Mongolia, China. Sustainability. Vol. 15, No. 19. Article 14050. P. 1–17.

Поступила в редакцию: 13.06.2026. Received: 13 June 2026.
Принята к публикации: 14.07.2026. Accepted: 14 July 2026.

DOI: 10.48647/ICCA.2026.40.92.003

С.Н. Гончаров

Внутренний спрос, реформа системы прописки и искусственный интеллект (ИИ) в Китае как возможная основа для качественно нового этапа отношений между КНР и США[1]

Аннотация. В статье на основе анализа некоторых тенденций экономического и политического развития Китая предлагается прогноз развития отношений Пекина и Вашингтона. Среди основных тенденций, способных повлиять на эти отношения, выделяется реформа системы прописки (хукоу), способная привести к росту потребительского спроса населения, который, в свою очередь, замедлит рост китайского экспорта и тем самым сократит торговый дефицит США как важнейший фактор разногласий. Особое внимание уделяется малоизвестным материалам ежегодного Форума развития Китая высокого уровня, в котором автор неоднократно принимал личное участие. В заключение автор размышляет об интересах и перспективах развития России, которые связаны с возможным развертыванием этого сценария.

Ключевые слова: Китай, система прописки, внутренний спрос, искусственный интеллект, США, Россия.

Автор: Гончаров Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Китая Института востоковедения РАН. ORCID: 0000-0001-8774-0869. E-mail: goncharovsn@gmail.com

[1] В процессе подготовки этого текста его содержание стало предметом обсуждения с П.П. Скороспеловым. Выражаю ему самую искреннюю признательность за целый ряд очень точных и глубоких замечаний, которые хотя и не привели к полному изменению моих взглядов на некоторые из затрагиваемых вопросов, все же побудили еще раз задуматься над ними и несколько их скорректировать. Также очень благодарен П.П. Скороспелову за то, что он привлек мое внимание к целому ряду интересных публикаций, которые затем были использованы в тексте. Тематика, которая рассматривается в этом тексте, дважды докладывалась на семинарах «Китай и мир» в Институте Востоковедения РАН, проводимых С.В. Дмитриевым. Состоявшаяся во время этих заседаний весьма оживленная и плодотворная дискуссия была исключительно полезной для переосмысления многих из аспектов освещаемой темы (*прим. автора*).

S • N • 贡恰罗夫

中国国内需求、户籍制度改革与人工智能：中美关系质变新阶段的可能基础

*摘要：*本文基于对中国经济和政治发展若干趋势的分析，对中美关系的未来发展趋势进行了预测。其中，户籍制度改革是可能影响中美关系的关键趋势之一。户籍制度改革可能会刺激居民消费需求增长，进而减缓中国出口增速，导致减小美对华贸易逆差这一中美争端的关键因素。本文特别关注了作者曾多次出席的中国发展高层论坛上一些鲜为人知的资料。最后，作者探讨了与中美关系未来可能局面相关的俄罗斯国家利益和发展前景。

*关键词：*中国；户籍制度；国内需求；人工智能；美国；俄罗斯

*作者：*谢尔盖·尼古拉耶维奇·贡恰罗夫，历史学副博士，俄罗斯科学院东方学研究所中国部首席研究员。ORCID：0000-0001-8774-0869。E-mail：goncharovsn@gmail.com

Sergey N. Goncharov

Domestic Demand, Reform of the Household Registration System, and Artificial Intelligence (AI) in China as a Possible Basis for a Qualitatively New Stage in China–U.S. Relations[2]

Abstract. Drawing on an analysis of selected trends in China's economic and political development, the article offers a forecast of the future trajectory of relations between Beijing and Washington. Among the principal trends likely to affect bilateral relations, particular attention is given to reform of the household registration (hukou) system, which could stimulate growth in household consumer demand. In turn, stronger domestic consumption could slow the expansion of Chinese exports and thereby reduce the U.S. trade deficit, one of the most important sources of bilateral disagreement. Particular attention is devoted to relatively little-known materials from the annual high-level China Development Forum, in which the author has personally participated on several occasions. In conclusion, the author considers Russia's interests and development prospects in the context of the possible unfolding of this scenario.

[2] In the course of preparing this article, its arguments were discussed with P.P. Skorospelov. I would like to express my sincere gratitude to him for a number of highly perceptive and substantive comments which, although they did not lead me to revise completely my views on some of the issues addressed here, nevertheless prompted me to reconsider them and to make certain adjustments. I am also very grateful to P.P. Skorospelov for drawing my attention to a number of valuable publications that were subsequently used in the article. The issues examined in this article were presented on two occasions at the "China and the World" seminars held at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences and organized by S.V. Dmitriev. The lively and productive discussions that took place during these seminars proved exceptionally valuable in prompting me to reconsider many aspects of the subject addressed here. (*Author's note*.)

Keywords: China, household registration system, domestic demand, artificial intelligence, United States, Russia.

Author: *Sergey N. Goncharov*, PhD in History, Leading Research Fellow, Department of China, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0001-8774-0869. E-mail: goncharovsn@gmail.com.

Огромный объем информации, который обрушивается на ту часть публики, которая интересуется происходящим в окружающем мире, сопровождается еще более значительным объемом разъяснений от всеведущих сетевых комментаторов, готовых запросто изобрести геополитическую подоплеку для событий, фактического смысла которых они порой не понимают. За этим девятым валом информации (а также преднамеренной и непреднамеренной дезинформации) зачастую ускользают от внимания фундаментальные процессы, происходящие в настоящее время и способные определить наше будущее в куда более значительной степени, чем визитно-пропагандистская суета, которая, как водится, всегда вылезает на авансцену. Глубоко убежден, что именно к таким фундаментальным процессам относятся некоторые тенденции, наблюдаемые во внутреннем и внешнеполитическом развитии такой дружественной и важной для нас страны, как Китайская Народная Республика. В этом тексте попробую привлечь внимание читателей к некоторым из подобных процессов.

Сразу хотел бы подчеркнуть, что ни в коем случае не пытаюсь углубленно раскрывать затрагиваемые в статье сложнейшие темы. Намереваюсь только пунктиром обозначить их, а также высказать некоторые совершенно предварительные связанные с ними суждения. Смею надеяться, что это сможет стать еще одним предметом размышлений для более компетентных и профессиональных умов.

При освещении вопросов, связанных с развитием китайской стратегии, буду в значительной части полагаться на открыто опубликованные материалы «Форума развития Китая высокого уровня» (中国发展高层论坛)[3].

Этот Форум занимает особое место среди международных мероприятий, в ходе которых обсуждаются наиболее актуальные проблемы экономического и политического развития КНР. Первое его заседание было проведено по инициативе премьер-министра Чжу Жунцзи в 2000 г., когда наступил решающий этап переговоров относительно условий присоединения Китая ко Всемирной торговой организации (как известно, это произошло в 2001 г.). Первоначально мероприятие носило достаточно камерный и закрытый характер. В ходе него немногочисленные китайские чиновники и зарубежные эксперты обсуждали самые актуальные для КНР социально-экономические проблемы. К концу первого десятилетия нашего века ситуация радикально изменилась – Форум превратился в ключевое собрание, в ходе которого с установочным докладом выступает премьер Госсовета КНР, озвучивают свои идеи китайские вице-премьеры, руководители Государственного комитета по развитию и реформам, министры и заместители министров. В Форумах также участвуют высшие руководи-

[3] 中国发展高层论坛 – 论坛动态 (China Development Forum – News/Dynamics). URL: https://en.cdf.org.cn/hydt/index.htm (accessed: 31.08.2026)

тели крупнейших международных компаний, наиболее известные зарубежные экономисты и публицисты. Проходит все это на различных виллах Государственной резиденции «Дяоюйтай» в Пекине. В качестве организатора выступает «Центр по изучению развития» при Госсовете КНР. Форум проводится ежегодно в последней декаде марта. Одной из главных его задач является донесение до зарубежных партнеров содержания решений, принимаемых в ходе сессий китайского парламента (Всекитайского Собрания Народных Представителей), которые, как известно каждый год проводятся в первой декаде марта. Доклады, с которыми выступают участники заседаний Форума, позволяют значительно лучше понять внутреннюю логику и смысл принимаемых китайским руководством решений.

Экономика: реформа системы прописки и внутренний спрос

Можно констатировать, что к настоящему моменту практически исчерпаны движущие силы развития Китая, которые были использованы в результате того, что руководство этой страны правильно определило и максимально эффективно задействовало некоторые объективно существовавшие внутри китайского общества и на международной арене «пружины роста». К таковым можно отнести индустриализацию и урбанизацию внутри страны, а также ее полное включение в мировую экономическую систему.

Здесь нет необходимости еще раз напоминать о том, что способность руководства КНР «оседлать» эти объективно существовавшие тенденции принесла Китаю феноменальные успехи, радикально изменив сущность китайского общества и место страны на международной арене. Для целей настоящего повествования важно другое – уже к середине 10-х гг. нашего века выяснилось, что китайская индустриализация принесла с собой такие пагубные для экономики результаты, как огромный переизбыток производственных мощностей и серьезное разрушение окружающей среды. Китайский вариант урбанизации привел к возникновению кризиса в сфере недвижимости, а также к такому изменению социальных приоритетов, который, как признают китайские эксперты, делает практически невозможным выход из негативного тренда демографической эволюции общества, заданный утвержденной Дэн Сяопином политикой ограничения рождаемости. Наконец, курс на включение в мировую экономическую систему привел к тому, что именно наращивание экспорта в конечном счете стало главным источником экономического роста. Это в свою очередь вызвало резкий рост напряженности в отношениях Китая практически со всеми его основными экономическими партнерами и прежде всего с Соединенными Штатами. В результате к настоящему времени в основном прекратился процесс переноса производств (и связанный с этим процесс передачи передовых технологий) из развитых государств в Китай.

Нельзя также не обратить внимание и на то, что до прихода к власти Си Цзиньпина его предшественники придерживались курса на создание внутриполитической основы для интеграции в мировую экономику. Этой цели прежде всего должен был служить широкий доступ к власти представителей новой буржуазии, появившейся

в период реформ. Такой подход, безусловно, способствовал ускорению экономического роста, но одновременно послужил питательной почвой для разрастания коррупции и дискредитации идеалов, которым изначально следовала китайская компартия.

После своего прихода к власти Си Цзиньпин первоначально провозгласил курс на то, что основные экономические проблемы страны будут решаться на путях углубления рыночных преобразований. Широкую популярность приобрела формулировка из решения 3-го Пленума ЦК КПК 18-го созыва (ноябрь 2013 г.) о том, что рынок должен играть решающую роль в распределении ресурсов, при этом одновременно должна лучше использоваться и роль государства (使市场在资源配置中起决定性作用和更好发挥政府作用)[4]. Как впоследствии пояснял сам Си Цзиньпин, решающая роль рынка в распределении ресурсов не означает его исключительной, всеобъемлющей роли (市场在资源配置中起决定性作用，并不是起全部作用) – необходимо задействовать как рыночные механизмы, так и роль государства (既要发挥市场作用，也要发挥政府作用). Вообще во время этого Пленума была утверждена обширная и впечатляющая программа рыночных реформ.

Следует в полной мере осознавать, что в условиях такой огромной и сложной страны, как Китай, проведение в жизнь радикальных рыночных преобразований является неимоверно сложным делом. Неудивительно, что в период правления Си Цзиньпина наметилась следующая закономерность: энергичные и смелые попытки рыночных реформ приводят к обострению ситуации в обществе, в результате чего властям в ряде случаев приходится корректировать политику, отступать и порой возвращаться к применению командно-административных методов[5].

Именно такая судьба постигла основные решения вышеупомянутого 3-го пленума. Основные конкретные причины для этого, как представляется, были следующими.

Во-первых, постепенно кампания по борьбе с коррупцией приобрела во внутриполитической стратегии Си Цзиньпина самодовлеющее значение, явно превосходящее важность углубления рыночных реформ. Это произошло по той причине, что такая борьба стала во все большей степени рассматриваться не только как метод для преодоления тяжелого коррупционного наследия прошлого (в чем действительно существовала необходимость), но и как важное мероприятие по укреплению власти политического руководства во главе с Си Цзиньпином. Такое определение приоритетов не могло не привести к прогрессирующему возрастанию значения административных методов в деятельности руководства КНР.

Во-вторых, уже очень скоро выяснилось, что реальное воплощение в жизнь многих направлений углубления рыночных реформ, намеченных 3-м пленумом 18-го созыва, потребует для своей реализации очень продолжительного времени, явится, мяг-

[4] *См.* 中共中央央关于全面深化改革若干重大问题的决定 （2013 年 11 月 12 日中国共产党十八层中央委员会第三次全体会议通过），十八层三中全会“决定”，公报，说明（全文），中国经济网 (Решение ЦК КПК относительно некоторых важных проблем всестороннего углубления реформ. Принято Пленарным заседанием 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва 12 ноября 2013 г. «Решение», Коммюнике и Пояснение (полные тексты). Китайский экономический интернет-портал. 18 ноября 2013 г.). URL: http://www.ce.cn/xwzx/gnsz/szyw/201311/15/t20131115_1760116.shtml (accessed: 31.08.2026).

[5] Daniel H. Rosen. China’s Economic Reckoning. The Price of Failed Reforms. Foreign Affairs. Vol. 100, No. 4 (July/August 2021). P. 23, 27.

ко говоря, некомфортным для общества и объективно приведет к трансформации отношений между обществом и властью, к существенному изменению роли компартии в системе управления. На фоне весьма болезненного процесса борьбы с коррупцией китайскому руководству оказалось трудно принять ответственность за такие непростые меры, которые были чреваты непредсказуемыми для него результатами. В итоге из всего обширного перечня реформ, намеченных 3-м пленумом 18-го созыва (ноябрь 2013 г.), было выбрано такое направление, результаты на котором могли быть достигнуты путем применения административных методов, и которое никак не вело к изменению структуры существующих властных отношений – ликвидация профицита производственных мощностей. Здесь руководству КНР удалось добиться очень существенных экономических успехов (о чем, например, ярко свидетельствует общая стабилизация обстановки в китайской металлургии и в других отраслях)[6], однако в целом программа рыночных преобразований реализована не была.

В-третьих, огромную роль сыграла пандемия COVID-19. На протяжении всего периода этой пандемии китайское руководство разработало и жестко осуществляло развитую систему командно-административных мер, направленных на ужесточение всеобъемлющего контроля над экономикой и обществом. На фоне катастрофических последствий пандемии для Соединенных Штатов и Европы, в КНР в то время пропагандировался тезис о том, что подобная система государственного контроля является стратегическим преимуществом китайского социально-политического устройства. В Китае стали продвигать мысль о том, что такое устройство может и должно стать оптимальным ориентиром для развития отдельных государств и международной системы в «постковидном мире». Этот подход еще более ослабил рыночный реформенный потенциал, заложенный в решениях 3-го пленума 18-го созыва.

Стратегия обретения лидирующих позиций в мире, основываясь на успехе в борьбе с COVID, потерпела неудачу в результате очень болезненного выхода КНР из пандемии в конце 2022 – начале 2023 гг. [Гончаров, 2024а, с. 168–170]. Руководство КНР более не использует пример борьбы с пандемией в качестве доказательства очевидного превосходства своей модели социально-экономического устройства. Вместе с тем оно вынуждено признавать, что основные из существовавших в обществе структурных проблем – демографическая, кризис недвижимости, экспорт как главный источник экономического роста – не только не решены, но и еще более обострились.

Из-за существующей в КНР жесткой системы прописки сотни миллионов людей, переселившихся из сельской местности в города, фактически поражены в потребительских правах и не могут пользоваться услугами страховых компаний, образования и здравоохранения, приобретать в городах жилье на льготных условиях.

[6] Весьма характерным примером здесь является алюминиевая промышленность. К концу 2015 г. из-за огромного переизбытка производственных мощностей (значительная часть которых была построена без санкции со стороны властей) стоимость первичного алюминия на китайском рынке стала более низкой, чем себестоимость его производства. После того, как центральным правительством начиная с 2017 г. были предприняты решительные меры (например, были закрыты несанкционированные мощности объемом 4 млн 200 тыс. тонн и установлен потолок производства алюминия на уровне 45 млн 500 тыс. тонн), ситуация в отрасли нормализовалась. (中国电解铝产能天花版的前世今生). URL: https://xueqiu.com/5798578993/357223208 (accessed: 31.08.2026).

Ввиду того, что населению приходится самостоятельно оплачивать значительную часть услуг образования и здравоохранения, из-за высоких расходов на воспитание детей и содержание престарелых родителей, люди вынуждены откладывать средства на эти цели, изымая их из сферы потребительских расходов.

В результате, при сохранении курса на приоритетное стимулирование внутреннего спроса и, соответственно, повышение уровня жизни «широких народных масс», власти вынуждены в реальности делать ставку на рост экспорта, в значительной степени поддерживаемый относительной слабостью собственной валюты. Такая политика, как уже упоминалось, не может не вызывать растущей напряженности в отношениях между Китаем и его основными торговыми партнерами – прежде всего с Соединенными Штатами[7].

Не менее важное значение для китайского руководства имеет внутриполитический аспект этой проблемы. Сохранение в стране сотен миллионов людей, фактически ущемленных в социальных правах, является серьезным источником напряженности, которая может только усугубляться в случае долгосрочного сохранения и обострения неравенства в обществе.

Необходимость решения этих серьезнейших вопросов побудила руководство КНР вернуться к курсу на проведение глубоких рыночных реформ, которые затрагивают основы социально-экономической системы страны с учетом опыта, накопленного после провозглашения первого раунда экономических реформ во время 3-го пленума 18-го созыва.

Исходя из стратегических потребностей экономики и конкретной политической конъюнктуры (здесь придется в очередной раз напомнить об обострении противоречий с развитыми государствами и в особенности с Соединенными Штатами) на ключевую роль в системе реформ была выдвинута задача принятия существенных мер по наращиванию внутреннего спроса и превращения его (вместо наращивания экспорта) в главный мотор долгосрочного и стабильного экономического роста.

Очень рельефно планы реформ, разрабатывавшиеся в это время в КНР, были выражены в докладе Ян Вэйминя (на момент этого выступления он занимал должность заместителя руководителя Центра по изучению развития Госсовета КНР, а до этого находился на ключевом посту заместителя заведующего канцелярией Комиссии Центрального Комитета Компартии Китая по финансам и экономике) весной 2024 г. во время очередной сессии Форума развития Китая высокого уровня[8].

Именно тот факт, что Ян Вэйминь еще совсем недавно занимал руководящую должность в высшей партийной структуре, призванной формулировать стратегические предложения для руководства страны, привлек к его докладу повышенное и за-

[7] Keith Bradsher. China’s Weak Currency is Powering it’s Exports and Drawing Criticism. The New York Times. December 7, 2025. URL: https://www.nytimes.com/2025/12/07/business/china-rmb-currency.html (accessed: 31.08.2026).

[8] Краткое изложение выступления Ян Вэйминя см. 全球经济增长趋势专题研讨会（专题发言一），中国发展高层论坛 2024 年年会“持续发展的中国” 第二十二期简报 (Специальная панель для обсуждения тенденций в развитии глобальной экономики. Первое специализированное выступление. Ежегодный Форум развития Китая высокого уровня 2024 г. Устойчиво развивающийся Китай. Краткий бюллетень. № 22, 24 марта 2024 г.). Автор принимал участие в сессии Форума, в ходе которой прозвучал доклад Ян Вэйминя.

служенное внимание слушателей. В нем содержались такие важные идеи, как законодательное оформление синхронизации роста ВВП с ростом доходов населения, проведение серьезной административной реформы, предполагающей сокращение партийно-государственного управленческого аппарата и направление высвободившихся средств на стимулирование внутреннего спроса, снижение стоимости финансовых услуг для того, чтобы сделать их доступными для широких слоев потребителей, а также принятие мер для того, чтобы предприятия частного сектора вновь превзошли государственный сектор по количеству создаваемых рабочих мест.

При всей самостоятельной значимости каждого из этих направлений реформирования наибольшее внимание привлекли последние два положения доклада Ян Вэйминя:

«6) В настоящее время численность городского населения Китая составляет 930 миллионов человек. Из них примерно 300 миллионов не имеют городской прописки. Эти люди не могут полностью удовлетворять свои потребности в приобретении жилья и в трудоустройстве. Кроме того, из остающейся группы в 600 миллионов человек весьма значительная часть проживает в старых, разваливающихся и маленьких домах, имеет потребность в улучшении жилищных условий. Сельское население может концентрироваться в городах. Нужно серьезно совершенствовать систему финансирования жилищного строительства.

7) Содействие переселению крестьян в города и их превращению в городских жителей. Здоровое развитие жилищного сектора тесно связано с процессом урбанизации, нужно дать возможность желающим этого крестьянам переселяться в города. Однако же выяснилось, что после того, как в некоторых городах ослабили или же сняли ограничение на прописку, крестьяне вовсе не горят желанием переселяться. Причина состоит в том, что деревенская прописка тесно связана с системой коллективной собственности, существующей в сельской местности. При наличии такой прописки можно брать землю в аренду, приобретать и иметь в собственности жилье в этой местности и получать право собственности на часть хозяйственной собственности сельского коллектива. Поэтому нужно придумать принципиально иной путь и способствовать заселению крестьян в города путём реформы действующей системы регистрации населения. Все это должно существенно повысить потребительский потенциал китайского населения»[9].

[9] Тезисы доклада Ян Вэйминя относительно серьезной реформы системы регистрации населения (прописки) в течение долгих лет серьезно прорабатывались китайскими властями. Так, в середине 2022 г. был опубликован официальный план китайского правительства по этому вопросу, который впоследствии получил название «политики модернизации нового типа» (新型城镇化政策). В разделе пятом этого документа содержались следующие основные предложения по реформе системы прописки: полная отмена этой системы в городах с населением менее трех миллионов человек; «всестороннее ослабление» ограничений на прописку в городах с населением в 3-5 млн человек; «совершенствование» политики прописки/регистрации в городах с населением свыше 5 млн человек; создание рыночного механизма выхода селян, переезжающих в города, из прав собственности на земли, на земли, взятые в подряд, на права пользования сельским жильем и доли в производственных пред-

Предлагаемые здесь решения, связанные с масштабным обновлением жилья в деревне, предоставлением городской прописки селянам, переселившимся в города (и значит превращения их в полноценных потребителей товаров и услуг), а также фактически с монетизацией находящейся в деревне собственности людей, переселяющихся в города, затрагивают жизни сотен миллионов граждан КНР.

Зарубежные наблюдатели отмечают, что именно такие меры, как реформа системы прописки, являются самыми трудными для осуществления; однако же именно они способны оказать наибольшее стимулирующее воздействие на расширение внутреннего спроса. Для того чтобы хотя бы примерно представить себе масштабы расширения внутреннего спроса в результате осуществления таких мер, следует принять во внимание следующие данные. Как уже говорилось, в настоящее время примерно 300 млн крестьян проживают в городах, не имея городской прописки.

Поскольку они не пользуются правами горожан в получении услуг в таких сферах, как образование, культура, здравоохранение и приобретение товаров длительного пользования, то каждая такая семья, не имеющая городской прописки, затрачивает на потребление на 30,7% меньше, чем семья с пропиской.

В июле 2024 г. состоялся 3-й пленум ЦК КПК 20-го созыва[10]. Спустя десятилетие после 3-го пленума 18-го созыва КПК сформулировала новую программу осуществления рыночных преобразований. Одной из важнейших инноваций, зафиксированных в «Решении» пленума, стало формулирование принципиально нового подхода к проблемам урбанизации. Вскоре после пленума Госсовет КНР принял Пятилетний план действий по урбанизации нового типа, в котором была поставлена цель по итогам пяти лет довести долю постоянного городского населения до уровня, приближающегося к 70%[11]. Это призвано содействовать решению острой проблемы недвижимости и резко стимулировать внутренний спрос. В «Решении» также предусмотрен курс на развитие суперкрупных и «особенно крупных» городов, а также на ускоренную интеграцию крупных городов с их пригородами.

Согласно решению пленума, ключевой задачей реформ остается превращение внутреннего спроса в главную движущую силу экономического роста. Нельзя не обратить внимания на то, что по сравнению с докладом Ян Вэйминя, который, судя по всему, представлял собой «программу-максимум» в наборе реформенных мер, при-

приятиях коллективной собственности». 中华人民共和国发展改革委员会，“十四五”新型城镇化实施方案 (Комитет по развитию и реформам КНР, План реализации Урбанизации нового типа в период 14-й пятилетки, июль 2022 г.). URL: https://www.ndrc.gov.cn/xxgk/zcfb/tz/202207/P020220712357038234914.pdf (accessed: 31.08.2026)

[10] 中共中央关于进一步全面深化改革，推进中国式现代化的决定 (2024 年 7 月 18 日中国共产党第二十届中央委员会第三次全体会议通过). 中华人民共和国商务部 (Ministry of Commerce, People's Republic of China) (Решение ЦК КПК относительно дальнейшего всестороннего углубления реформы и продвижения модернизации китайского типа) (Принято Пленарным заседанием 3-го пленума ЦК КПК 20-го созыва 18 июля 2024 г.).

[11] 国务院办公厅关于印发深入实施新型城镇化战略五年行动计划的通知 (Уведомление Канцелярии Госсовета КНР об опубликовании Пятилетнего плана действий по глубокому осуществлению стратегии урбанизации нового типа) – цитата: 经过 5 年的努力……常住人口城镇化率提升至接近 70% («По итогам пяти лет усилий... доля постоянного городского населения должна приблизиться к 70%»). URL: https://www.mee.gov.cn/zcwj/gwywj/202408/t20240801_1083101.shtml (accessed: 31.08.2026).

званных обеспечить расширение внутреннего спроса, в текст решения 3-го пленума 20-го созыва не попали такие позиции, как законодательное утверждение синхронизации темпов роста доходов населения с темпами роста экономики; реформы территориально-административного деления и административного управления с целью снижения управленческих расходов; реформы со стороны предложения в финансовом секторе с целью снижения расходов населения на финансовые услуги; вывод частного сектора на ведущие позиции в обеспечении занятости населения.

При этом и практическое воплощение реформы системы прописки стало куда менее радикальным, чем предлагалось в докладе Ян Вэйминя. Официальное руководство к действию по этой теме было опубликовано китайским правительством в самом конце июля 2024 г. (то есть практически одновременно с выходом в свет «Решения» 3-го пленума ЦК КПК 20-го созыва)[12]. В пункте 2.1 данного документа, посвященного реформе системы прописки, предложения Госкомитета по развитию и реформе, отраженные в документе 2022 г. (см. сноску 10 к данному тексту) излагались в самом общем и усеченном виде. Самое главное состояло в том, что были вообще исключены тезисы о монетизации той личной и коллективной собственности, которой обладают в сельской местности люди, переселяющиеся из деревень в города. Это с одной стороны самым серьезным образом сдерживало процесс первоначального накопления и масштабирования производства в сельской местности, а с другой стороны ослабляло стимулы для деревенского населения перебираться в города, лишало его необходимого стартового капитала для создания собственного бизнеса на новом месте жительства.

Вполне понятна основополагающая причина, в силу которой власти КНР фактически устранили столь важные компоненты из плана реформы системы прописки.

Реальное проведение в жизнь такой реформы невозможно без получения местными властями огромных дополнительных средств, предназначенных для обеспечения социальных льгот для сотен миллионов новых полноправных горожан. Как отметил в своем выступлении во время Форума развития Китая 2025 г. бывший вице-президент Академии общественных наук Китая Гао Пэйюн, в этой ситуации требуется проведение новой радикальной налоговой реформы, которая фактически восстановила бы ситуацию, существовавшую до реформы 1994 г.[13] Проведенная тогда налоговая реформа привела к серьезному перераспределению налоговых поступлений в пользу центральных властей при сохранении за местными властями обязательств по финансированию образования и здравоохранения. В результате местные власти вынуждены были перейти к зарабатыванию средств путем сдачи в аренду или продажи земель-

[12] 国务院关于印发“深入实施以人为本的新型城镇化战略五年行动计划”的通知 (Уведомление Госсовета КНР относительно выпуска (документа) «Начало серьезной практической реализации пятилетнего плана действий по урбанизации нового типа, которая берет за основу (интересы) человека»), 1августа 2024 г. URL: https://www.mee.gov.cn/zcwj/gwywj/202408/t20240801_1083101.shtml (accessed: 31.08.2026).

[13] “改革激发增长新动能专题研讨会 (小组讨论一)” 中国发展高层论坛 2025 年年会，全面发展动能， 共促全球经济稳定增长” (Специальное обсуждение темы «Стимулирование новых движущих сил через реформу», Ежегодный Форум развития Китая высокого уровня 2025 г.: «Всесторонне высвободить движущие силы, совместно содействовать стабильному развитию глобальной экономики», 23 марта 2025 г. Краткий бюллетень № 8. С. 2.).

ных участков под строительство промышленных предприятий, жилья и транспортной инфраструктуры[14].

Совершенно очевидно, что китайское руководство совершенно не готово к проведению радикальных налоговых преобразований подобного рода. В связи с этим из предложений о реформе системы прописки каждый раз устраняются наиболее радикальные предложения, требующие значительных затрат в сжатые сроки. Вместе с тем очевидно и то, что центральное правительство КНР вынуждено будет постепенно наращивать финансовые ресурсы местных властей – прежде всего с целью преодоления серьезнейшей проблемы финансовой задолженности последних. На этом фоне будет осуществляться вариант постепенного внедрения в практику изменений в системе прописки.

Такое постепенное изменение финансовых приоритетов будет приводить к смене акцентов в основных международных программах, реализуемых ныне Китаем. Так, например, стратегия «Пояса и пути», проводимая КНР начиная с 2013 г., является интегральной частью курса, в рамках которого основной задачей было наращивание экспорта. Эта стратегия включала в себя не только строительство за рубежом логистической инфраструктуры, создающей оптимальные условия для китайских импорта и экспорта, но и предполагала систему мер по поднятию материального и культурного уровня значительных слоев населения развивающихся стран, взращивая тем самым новый слой потребителей китайских товаров и услуг.

Начиная примерно с 2023–2024 гг. приоритеты в воплощении этой стратегии в жизнь претерпели некоторые изменения. Теперь в Пекине стали делать акцент на реализации в рамках ее проектов, которые являются «небольшими, но прекрасными» (小而美)[15]. Под таковыми имеются в виду сравнительно небольшие объекты, не требующие значительных инвестиций, но быстро приносящие очевидную пользу значительным группам местного населения. Появление такого подхода, безусловно, было вызвано не только печальным опытом Китая в строительстве и эксплуатации ряда мегапроектов в сфере транспортной инфраструктуры и энергетики, но и стремлением сократить общие расходы на «Пояс и путь», поскольку очень значительные средства требуются на меры по повышению внутреннего спроса – в том числе на такую ключевую из них, как реформа системы регистрации (прописки). Как будет показано ниже, эти реформы, направленные на расширение внутреннего спроса, создают основу и для других корректировок во внешнеполитическом курсе КНР.

Несмотря на отмеченное снижение изначально замышлявшегося радикализма реформы системы прописки и, соответственно, замедление темпов ее реализации, китайские власти продолжают последовательную линию на ее воплощение в жизнь. Так, 22 мая 2026 г. вышел документ Госсовета КНР, в котором излагались следующие

[14] 分税制致大部分财权归中央，地方被迫靠卖地等找钱，人民网 (Система раздельного сбора налогов привела к тому, что большая часть финансовых прав отошла к центру, места вынуждены были изыскивать деньги, полагаясь на продажу земель и на другие методы. Народный портал. 25 августа 2014 г.).

[15] На официальном интернет-портале стратегии «Пояса и пути» （中国一带一路网） появился специальный раздел для проектов, отнесенных к этой категории. URL: https://www.yidaiyilu.gov.cn/list/c/xrmxm (accessed: 31.08.2026).

конкретные меры по уравниванию в правах «полноценных горожан» и крестьян, проживающих в городах без прописки[16]:

– обеспечение образования для детей мигрантов, не имеющих прописки;

– расширение охвата их программами социального арендного жилья;

– совершенствование социального страхования по месту жительства;

– развитие базового медицинского страхования по месту работы;

– усиление базовых государственных услуг в сфере занятости;

– совершенствование базовых социальных гарантий для наиболее уязвимых групп.

Китайские эксперты критикуют этот документ за то, что в нем обойден самый острый и важный вопрос – не прописан механизм, посредством которого государственный бюджет будет компенсировать местным правительствам средства, потраченные на реализацию этих мер[17]. Невзирая на это, нельзя не признать, что перед нами – еще один шаг вперед в деле наделения сотен миллионов людей, проживающих в городах без прописки, полноценными потребительскими правами. Это несомненно будет стимулировать постепенное наращивание внутреннего спроса и серьезно изменит социально-экономический облик Китая.

Китайские власти не могли не прийти к выводу о том, что проведение реформы системы прописки путем применения чисто экономических методов является делом весьма затратным и долгосрочным. Экспорт, а не внутренний спрос, продолжал оставаться основным мотором экономического роста – практически все международные аналитики сходятся в том, что в 2025 г. Китай смог выйти на заявленные на высшем уровне 5-процентные темпы прироста ВВП в значительной мере за счет наращивания экспорта (по итогам года положительное сальдо внешней торговли Пекина достигло рекордных за всю историю 1 трлн 190 млрд долл. США), поддерживаемого сохраняемым слабым курсом национальной валюты, а отнюдь не благодаря расширению внутреннего спроса. Долгосрочное сохранение подобной ситуации становилось для китайских руководителей совершенно нетерпимым, поскольку создавало не только внутри-, но и внешнеполитические проблемы.

В связи с этим стали получать все большее распространение взгляды, согласно которым эффективное и достаточно быстрое решение проблем внутреннего спроса возможно только при сочетании экономических преобразований с самым широким, управляемым и направляемым властями, инновационным применением высоких технологий, позволяющих резко повысить производительность труда и поднять на новый уровень управление социальными процессами. Принимая такой подход, китайские руководители, несомненно, руководствовались опытом достаточно успешного решения проблемы ликвидации профицита избыточных производственных мощностей, в ходе которого позитивный результат обеспечили не рыночные механизмы, а применение государственного регулирования.

[16] “国务院他印发“关于推行常驻地提供基本公共服务的实施意见“ 央视网 （Госсовет опубликовал и разослал «Мнение о предоставлении базовых общественных услуг по месту постоянного проживания. Портал Центрального телевидения, 22 мая 2026 г.).

[17] см. Телеграмм-канал «Атлас Байцзэ». 26 мая 2026 г. URL: https://t.me/cceis_china/510 (accessed: 31.08.2026).

Следует отметить, что еще в 2017 г. Госсовет КНР опубликовал программу развития искусственного интеллекта (ИИ), согласно которой:

– к 2020 г. индустрия ИИ в Китае должна находиться «на уровне» самых развитых в этом отношении стран. При этом общая стоимость промышленной продукции в «ключевых отраслях», в изготовлении которой «непосредственно задействован» ИИ, должна превысить 150 млрд юаней (22,5 млрд долл. США), а стоимость продукции, производимой в отраслях, «связанных» с ИИ, должна превысить 1 трлн юаней (около 150 млрд долл. США);

– к 2025 г. Китай должен достичь «мирового лидерства» в некоторых сферах, связанных с ИИ, причем стоимость продукции, в изготовлении которой «непосредственно задействован» ИИ, должна превзойти 400 млрд юаней (60 млрд долл.), а стоимость продукции, созданной в отраслях, «связанных» с ИИ, должна будет превзойти 5 трлн юаней (750 млрд долл.);

– к 2030 г. Китай должен превратиться в основной мировой центр инноваций в области ИИ, причем стоимость продукции, изготовленной в отраслях, где «непосредственно задействован» ИИ, превысит 1 трлн юаней, а стоимость продукции, произведенной в отраслях, «связанных» с ИИ, превысит 10 трлн юаней (1,5 трлн долл. США).

Если исходить из выводов, сделанных в 2017–2018 гг. такими авторитетными структурами, как PwC и McKinsey Global Institute, в сравнительно сжатые сроки Китай за счет применения ИИ способен нарастить ВВП на 26% и автоматизировать 51% работ, выполняемых сейчас в стране. Таким образом, прогнозировали эти аналитические центры, в значительной степени могут быть решены проблемы, связанные со старением и сокращением населения КНР [Ding, 2019, p. 43–45].

В этом контексте нельзя не обратить внимание на то, что, начиная с 2025 г. китайские участники упоминавшегося выше «Форума развития Китая высокого уровня», пожалуй, впервые, стали делать чрезвычайно примечательные заявления о грядущей глобальной роли искусственного интеллекта (ИИ) в промышленном и социальном развитии страны.

Совершенно четко такую мысль применительно к грядущему развитию Китая сформулировал бывший президент компании Чжунцзинь (China International Capital Corporation Limited) Чжу Юньлай: «Со времени начала реформ и политики открытости средняя доля ВВП на душу населения в нашей стране с 223 долларов США возросла до 13 400 долларов США, приблизилась к порогу государств с высоким уровнем дохода и демонстрирует тенденцию к поступательному росту. По мере повышения доли рабочей силы высокого качества и в особенности в связи с переменами, связанными с воздействием ИИ на потенциал рабочей силы, которое невозможно оценить; грядущая мощь экономического развития нашей страны будет все более расширяться»[18].

[18] «改革激发增长新动能专题研讨会（小组讨论二）”，中国发展高层论坛 2025 年年会，全面发展动能， 共促全球经济稳定增长 “(Специальное обсуждение темы «Стимулирование новых движущих сил через реформу». Обсуждение в группе, часть 2. «Ежегодный «Форум развития Китая» высокого уровня 2025 г.: «Всесторонне высвободить движущие силы, совместно содействовать стабильному развитию глобальной экономики», 23 марта 2025 г. Краткий бюллетень. № 9. С. 2.).

Еще более рельефно эта тема стала звучать во время Форума развития Китая 2026 г. Если в ходе Форума 2025 г. обсуждению проблематики ИИ было посвящено два «Кратких бюллетеня», то по итогам Форума 2026 г. было издано пять бюллетеней, посвященных данному сюжету. Кроме того, вопросы, связанные с ИИ, постоянно затрагивались в докладах, которые делались на сессиях, которые не были специально посвящены этой теме.

Наращивание и удовлетворение спроса рассматриваются в Китае как приоритетные задачи, которые планируется решать с помощью ИИ. Руководитель Шанхайской лаборатории ИИ Чжоу Бовэнь в своем выступлении сообщил, что среди ключевых сфер применения искусственного интеллекта в период 15-й пятилетки (2026–2030 гг.) фигурируют такие программы, как «ИИ плюс повышение качества потребления» и «ИИ плюс благосостояние народа»[19].

Во время Форума 2026 г. развитие ИИ впервые рассматривалось как новое средство производства, которое в период 15-й пятилетки должно будет применяться в промышленных масштабах. Также важнейшее значение имеет то, что такое широчайшее применение ИИ оценивается китайскими экспертами как вполне реализуемое на практике в силу того, что Китай создал уникальный потенциал в сфере генерации электроэнергии. Так, например, в своем выступлении, которое можно рассматривать как программное, директор Государственного управления данных Лю Лехун говорил о том, что имеется стратегия создания мощнейшей базы вычислительных мощностей и дата-центров в западных регионах Китая, обладающих огромным потенциалом для дальнейшего развития солнечной и ветровой генерации, а также для строительства новых угольных электростанций. Из его доклада также следовало, что у китайского правительства имеется план ускоренного и масштабного развития ИИ, скоординированный с программой наращивания генерирующих энергетических мощностей[20].

Заместитель начальника Государственного энергетического управления КНР Ван Цзинсун отметил, что во время предстоящей пятилетки ИИ станет одним из основных факторов развития генерации в КНР новых видов энергии. В свою очередь, наращивание новых видов генерации энергии должно будет сыграть главную роль в наращивании потенциала ИИ[21].

Основатель и председатель Совета директоров инвестиционной холдинговой группы новой энергетики «Минъян» Чжан Чуаньвэй заявил о том, что в течение грядущих 30 лет глобальный спрос на электроэнергию возрастет в 10 раз – не в послед-

[19] 人工智能产业化应用专题研讨会（小组讨论下半场）(Специальное обсуждение темы производственного применения ИИ. Вторая часть обсуждения в группе. Форум развития Китая высокого уровня 2026 г., 23 марта 2026 г. Краткий бюллетень. №23. С.1.).

[20] 刘烈宏，深化数据赋能人工智能发展，加快培育智能经济新态势。在中国发展高层论坛 2026年年会上的演讲(全文) (Лю Лехун, «Углублять развитие цифрового ИИ, ускорять становление новой ситуации в становлении интеллектуальной экономики, выступление на ежегодном Форуме развития Китая 2026 г. (Полный текст), 国家数据局 (National Data Administration), 23 марта 2026 г.).

[21] 新能源产业发展与国际合作专题研讨会 （主题发言和小组讨论上半场）（Специальное обсуждение темы «Развитие промышленности, основанной на новых видах энергии и международное сотрудничество». Основное выступление и первая половина обсуждения в группе. Ежегодный Форум развития Китая 2026 г., 22 марта 2026 г. Бюллетень. №12. С.1.).

нюю очередь из-за развития ИИ. По мнению этого эксперта, именно новые виды энергетической генерации призваны будут удовлетворить этот спрос[22].

Наконец, бывший заместитель министра промышленности и информатизации КНР Су Бо отметил, что в настоящее время Китай получил уникальный шанс для выхода на лидирующие позиции в силу того, что эта страна лучше всего подготовлена для максимального использования в своих интересах того обстоятельства, что сейчас «четвертая промышленная революция» (внедрение ИИ в производство) наложилась на «третью энергетическую революцию» (стремительный рост новых видов генерации электроэнергии)[23].

Очень важно принять во внимание то, что идеи, сформулированные в вышеупомянутых выступлениях, в целом совпадают с оценками таких ведущих бизнесменов, занимающихся ИИ, как Сэм Альтман и Илон Маск[24]. Согласно оценкам экспертов «РЭНД Корпорэйшн», для эксплуатации дата-центров, обслуживающих ИИ, в мире в совокупности потребуется 67 гигаватт электроэнергии в 2027 г. и 327 гигаватт в 2030 г. Речь идет о суммарной глобальной потребности, а не о нагрузке, которую должна нести энергосистема одной отдельно взятой страны; при этом, как отмечается в том же докладе, США уже сегодня переносят часть своей ИИ-инфраструктуры за рубеж – туда, где доступна более дешевая энергия. Тем не менее, обладая одной из крупнейших и наиболее динамично растущих энергосистем в мире (в том числе за счет стремительного развития новых видов генерации), Китай располагает существенным потенциалом для наращивания вычислительных мощностей, обслуживающих ИИ. Это может позволить ему отчасти компенсировать свое отставание в разработке и производстве компьютерных чипов и претендовать на лидерство в промышленном внедрении ИИ – а значит, и в глобальной экономической конкуренции.

Следует отметить, что вся эта история с постановкой ИИ в центр китайской стратегии развития как универсального средства, способного решить ключевые проблемы страны без проведения слишком болезненных социально-экономических реформ, несколько напоминает сюжет с внедрением компьютеризации в экономическое планирование при Советском Союзе [Пионеры цифровизации…, 2019; Лукин, 2021, с. 79]. Первоначально Госплан СССР стремился использовать компьютерную технику для практического осуществления экономических реформ, инициированных А.Н. Косыгиным. После того, как эти преобразования захлебнулись, использование вычислительной техники для управления экономикой стали рассматривать как оптимальный метод планового управления народным хозяйством без всяких рыночных преобразований.

---

[22] 新能源产业发展与国际合作专题研讨会 （主题发言和小组讨论下半场） (Специальное обсуждение темы «Развитие промышленности, основанной на новых видах энергии и международное сотрудничество» (Основное выступление и вторая половина обсуждения в группе), Ежегодный Форум развития Китая 2026 г., 22 марта 2026 г., Бюллетень № 13, с. 2.

[23] «制造业数智化转型专题研讨会“（小组讨论二） (Специальное обсуждение темы «Трансформация обрабатывающей промышленности в результате цифровизации и внедрения искусственного интеллекта»), Ежегодный Форум развития Китая 2026 г., Бюллетень № 17, 23 марта 2026, с. 2.

[24] “Is cheap energy the key to China gaining AI supremacy? Leaders are hoping it will make for its weakness in chips,” “The Economist”, March 18, 2026, URL: https://www.economist.com/china/2026/03/18/is-cheap-energy-the-key-to-china-gaining-ai-supremacy (accessed: 31.08.2026).

Внешняя политика: «ловушка Фукидида» и необходимость взаимодействия

Очень показательно, что именно вопросы наращивания Китаем внутреннего спроса (неявно), а также разработки и практического применения ИИ (совершенно явно) стали важнейшими элементами, определившими содержание переговоров между Си Цзиньпином и Д. Трампом в мае 2026 г. в Пекине. Рассмотрим несколько связанных с этим немаловажных сюжетов[25].

1. Ловушка Фукидида и перспектива устранения материальной основы для конфликта. Открывая переговоры с президентом США, Си Цзиньпин заявил, что едва ли не главной задачей, которая стоит сейчас перед двумя странами, является избежание их попадания в «ловушку Фукидида». Это – политологический термин, описывающий неизбежный рост напряженности и высокую вероятность войны, в ситуации, когда новая, стремительно усиливающаяся держава начинает бросать вызов существующему мировому гегемону. Концепция названа в честь древнегреческого историка Фукидида, который объяснил причины разрушительной Пелопонесской войны (V в. до н.э.) следующим образом: «Истинным поводом к войне (хотя и самым скрытым), по моему убеждению, был страх лакедемонян перед растущим могуществом Афин, что и вынудило их воевать» [Фукидид, 1981, с. 14].

Эта концепция была введена в современный политологический оборот американскими учеными в 10-х гг. нашего столетия прежде всего применительно к отношениям между США и Китаем [Allison, 2017].

Советники разъяснили Трампу, что имел в виду китайский руководитель, говоря о «ловушке Фукидида». Они же подготовили своему президенту вариант ответа, и на следующий день американский лидер во время общения со СМИ заявил, что Си Цзиньпин позволил себе элегантно намекнуть на то, что США являются гегемоном, переживающим упадок (подобным Спарте), а Китай – быстро развивающейся державе, претендующей на то, чтобы стать новым гегемоном благодаря низвержению существующего (подобно Афинам). В ответ Трамп «мудро и остроумно» заметил, что такое определение США было справедливым только для периода администрации Байдена, сейчас же Соединенные Штаты переживают подъем, а не упадок[26].

[25] Изложение официальных итогов переговоров между Си Цзиньпином и Д. Трампом, которые состоялись в Пекине 13–15 мая 2026 г., дается на основании «王毅向媒体介绍中美元首会晤情况和共识»，外交部网 (Ван И ознакомил СМИ с обстоятельствами встречи глав государств Китая и США и (достигнутыми) договоренностями). Интернет-портал МИД КНР, 26 мая 2026г.; Fact Sheet: President Donald J. Trump Secures Historic Deals with China, Delivering for American Workers, Farmers and Industry, The White House, May 17, 2026.

[26] Leo Sands. Xi Warned of the “Thucydides Trap”. What is It? The New York Times. May 12, 2026. URL: https://www.nytimes.com/2026/05/14/world/asia/trump-xi-thucydides-trap-us-china.html (accessed: 31.08.2026); Isaac Arnsdorf, Michael Birnbaum, Michelle Ye Hee Lee. In pageantry and politics, China summit yields Xi’s goal – equal footing with the U.S. The Washington Post. May 15, 2026. URL: https://www.washingtonpost.com/politics/2026/05/15/beijing-summit-yields-chinese-goal-equal-footing-with-us/ (accessed: 31.08.2026).

Говоря о «ловушке Фукидида», Си Цзиньпин не мог не рассчитывать на то, что если не сам президент Трамп, то уж точно его советники обладают информацией не только о том, каким образом зародилась ситуация, связанная с ней, но и как она разрешилась. Как известно, в конечном счете Спарта победила в кровопролитной войне с Афинами. Торжество победы было крайне омрачено тем, что боевые действия роковым образом подорвали силы спартанцев. В итоге ускорился упадок и спартанской монархии, и афинской полисной системы. На этом фоне вновь стала усиливаться Персидская империя, а в IV в. Македония установила господство над большей частью Греции, а позднее подавила сопротивление Спарты.

Крайне существенно то, что, как сообщил министр иностранных дел КНР Ван И, непосредственно перед упоминанием о «ловушке Фукидида» Си Цзиньпин заявил о том, что нынешний год – первый год китайской 15-й пятилетки[27]. Между тем в послании Лу Хао (руководитель Центра изучения развития Госсовета КНР, сопредседатель «Форума развития Китая») в адрес Форума 2026 г., следующим образом раскрыто основное содержание китайской стратегии в период этой пятилетки: «…Китайская урбанизация нового типа, цифровизация и внедрение искусственного интеллекта, переход к зеленому и низкоуглеродному производству заключают в себе огромный новый объем внутреннего спроса, совершенно очевидной является тенденция к потреблению, связанному с развитием и со сферой услуг»[28].

Таким образом, решение Пекином таких задач, как превращение внутреннего спроса в основной двигатель экономического развития (основным элементом такого решения должно стать реформирование системы прописки), на самом деле способно стать материальной основой для нового этапа в двусторонних отношениях с Вашингтоном, постепенно выбивая материальную основу из-под грядущего конфликта.

Здесь нужно отметить, что Си Цзиньпин также продемонстрировал, что в случае позитивного развития отношений с США Китай мог бы быть для них полезен, например инвестируя в американскую экономику. Отражением этого явилось согласие китайского лидера на создание двусторонних органов – Совета по торговле и Совета по инвестициям.

При всей критической важности фактора положительного сальдо Китая в его торговле с Соединенными Штатами ни в коем случае нельзя сводить движущие силы этих отношений только к нему. И в Китае, и в США руководители исходят из того, что противоречия между этими государствами имеют также геополитические и идеологические причины. В силу этого возможное ослабление китайского экспортного давления на экономику США способно несколько смягчить противостояние между двумя государствами, но не устранить его.

---

[27] 王毅向媒体介绍中美元首会晤情况和共识 (Ван И информирует СМИ о ходе и договоренностях встречи глав государств Китая и США). 15 мая 2026 г. URL: https://un.china-mission.gov.cn/zgyw/202605/t20260515_11911513.htm (accessed: 31.08.2026).

[28] 陆浩， 中国发展高层论坛 2026 年年会中方主席信(Лу Хао, «Послание китайского сопредседателя в адрес ежегодного «Форума развития Китая» 2026 г. Телеграфное агентство «Синьхуа». 21 марта 2026 г.). URL: https://www.21jingji.com/article/20260322/herald/8b23af5b3c4fc6d8391a809535826d04.html (accessed: 31.08.2026)

2. Новый статус двусторонних отношений. Исходя из того, что наметилась экономическая основа для избежания пагубного для обеих сторон конфликта, а также стремясь создать концептуальную основу для осуществления сотрудничества в будущем, стороны согласовали новую формулировку, определяющую характер их двусторонних связей: «конструктивные отношения стратегической стабильности» (建设性战略稳定关系)[29].

Новая формула отношений предполагает создание критериев и правил, которые должны обеспечивать ведение конкуренции в определенных рамках, а также установление контроля над имеющимися разногласиями по важнейшим вопросам. Можно предполагать, что во время этой встречи в верхах уже начался процесс эмпирического нащупывания основного содержания таких критериев и правил[30]

Выработка такой формулы отношений, очевидно, стала возможной в результате переоценки элитами двух стран пределов возможного в попытках воздействовать на партнера. Для американской элиты стала очевидной тщетность попыток путем конвергенции преобразовать социально-политический строй Китая в подобие американского, сделать Китай младшим партнером в рамках руководимой США глобальной системы, либо сдержать развитие Китая путем применения санкций или ведения торговых войн. Для китайской элиты стала понятной тщетность попыток в обозримом будущем превзойти США по экономической, технологической или военной мощи, доказать абсолютное превосходство китайской модели развития, прежде всего для стран Азии, Африки и Латинской Америки[31].

При всем при этом, по мнению практически всех наблюдателей, этот возможный этап в отношениях представляет собой не начало некоего, ранее невиданного длительного периода взаимодействия между Соединенными Штатами и Китаем, основным содержанием которого станет ориентация на сотрудничество, а не на противостояние и сдерживание. Напротив, все считают, что перед нами скорее всего некий переходный период «передышки» в противостоянии, которое сменится обострением, как только через некоторое время соотношение сил станет меняться в пользу одной из них.

Из такой посылки исходит, например, У. Митчелл, которого считают одним из идеологов внешнеполитической стратегии первой администрации Трампа. Он пола-

[29] Fact Sheet: President Donald J. Trump Secures Historic Deals with China, Delivering for American Workers, Farmers, and Industry. May 17, 2026. URL: https://www.whitehouse.gov/fact-sheets/2026/05/fact-sheet-president-donald-j-trump-secures-historic-deals-with-china-delivering-for-american-workers-farmers-and-industry (accessed: 31.08.2026).

[30] Достаточно точно содержание этой новой формулы китайско-американских отношений было раскрыто А. Ломановым: «Новая характеристика китайско-американских связей никоим образом не сводится к ядерной сфере, к разоружению. Это общие отношения стабильности, которые предполагают отказ от провокаций. торговых войн, введения пошлин, технологической блокады, в том числе от чрезмерного сближения США с Тайванем. Иными словами, это стратегическая стабильность, которая охватывает все сферы существующих и возможных разногласий. “Ловушка Конфуция” – полная противоположность “ловушке Фукидида”». Интервью А. Ломанова Ф. Лукьянову. Сайт журнала «Россия в глобальной политике». 01.06.2026.

[31] A. Wess Mitchell. A Grand Strategy of Consolidation. How Trump Can Revitalize American Power. Foreign Affairs. May/June, 2026. Published on April, 21, 2026. URL: https://www.foreignaffairs.com/united-states/trump-grand-strategy-consolidation-wes-mitchell (accessed: 31.08.2026).

гает, что в настоящее время Соединенные Штаты должны проводить «стратегию консолидации», призванную сократить объем глобальных обязательств Вашингтона, добиться некоторого улучшения отношений с Китаем и Россией и проведения мер по «ре-индустриализации» США[32]. Делается все это для того, чтобы, накопив силы и улучшив международные позиции, еще более успешно противостоять Китаю в будущем.

Сторонники подобного подхода выражают определенные надежды на то, что в нынешней ситуации удастся в какой-то мере повторить опыт США в их отношениях с Японией. Как известно, в течение 70–80-х гг. именно Японию считали в США главной экономической угрозой (проявлением которой считали торговый дефицит США, достигнувший 3% от ВВП в 80-х гг. прошлого века). В сентябре 1985 г. в отеле Plaza в Нью-Йорке было подписано соглашение между США, Японией, ФРГ, Францией и Великобританией, призванное обеспечить снижение курса доллара США по отношению к японской иене и германской марке. Это позволило сократить торговый дефицит США на две трети к 1989 г. Однако же условия соглашения, наряду с другими факторами, привели к затяжной стагнации в японской экономике[33].

Китай, конечно же, не заинтересован в таком варианте решения проблемы и потому стремится урегулировать ее за счет суверенных решений по расширению внутреннего спроса, которые не собирается согласовывать с кем-либо.

С другой стороны, когда американские политологи моделируют современную тактическую линию КНР в отношении США, то пишут о том, что китайская сторона действует, руководствуясь идеями, заложенными в работе Мао Цзэдуна «о затяжной войне», написанной в 1938 г. во время войны с Японией. Как полагают некоторые американские аналитики, по мнению китайской стороны, Китай и США переживают сейчас этап «стратегического тупика», за которым должно последовать победоносное китайское наступление. При этом американский автор приводит фрагмент из текста, написанного министром государственной безопасности КНР Чэнь Исинем в декабре 2025 г., согласно которому в настоящее время американская демократия все возрастающими темпами переживает мутации, экономика приходит в упадок, а общество разваливается на части; в глобальных масштабах доверие к США обанкротилось, их гегемония рушится, а их миф коллапсирует[34].

Судя по всему, такие элементы конфронтационности никогда не исчезнут из отношений между Пекином и Вашингтоном даже при появлении предпосылок для смягчения экономических противоречий.

---

[32] A. Wess Mitchell. A Grand Strategy of Consolidation. How Trump Can Revitalize American Power. Foreign Affairs. May/June, 2026. Published on April, 21, 2026. URL: https://www.foreignaffairs.com/united-states/trump-grand-strategy-consolidation-wes-mitchell (accessed: 31.08.2026).

[33] Michael Starr. The Last Time We Fixed the Trade Deficit: Lessons from the Plaza Accord. American Affairs. Summer 2026. Volume X, Number 2. URL: https://americanaffairsjournal.org/2026/05/the-last-time-we-fixed-the-trade-deficit-lessons-from-the-plaza-accord (accessed: 31.08.2026); Alicia Garcia-Herrero and Jianwei Xu. Will China's economy follow the same path as Japan's? Policy Brief. Issue n'09/25, February 2025. URL: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/322590/1/1930096925.pdf (accessed: 31.08.2026).

[34] Jullan Gewirtz. Xi Is Planning for China's Final Victory Over the U.S. The New York Times. May 13, 2026. URL: https://www.nytimes.com/2026/05/13/opinion/xi-trump-summit-china-us.html (accessed: 31.08.2026).

3. Элементы неопределенности и конфликтности. Стремясь насытить отношения с США качественно новым содержанием, китайская сторона в полной мере учла уроки проведения встреч на высшем уровне в течение по крайней мере последнего десятилетия. Дело в том, что отношения с Китаем являются в Соединенных Штатах чрезвычайно острой и болезненной темой. Причиной прежде всего является то, что в американском общественном мнении именно перенесение производств в КНР, а также конкуренция со стороны дешевой китайской продукции расцениваются как едва ли не главные причины деградации американской промышленности. В силу всего этого, как только в Америке становятся известными позитивные результаты очередных переговоров между главами государств КНР и США, в этой стране поднимается мощная волна критики, направленной против попыток расширить сотрудничество с Пекином. Это, как правило, приводит к выхолащиванию или даже к фактическому аннулированию Вашингтоном только что достигнутых договоренностей. Стремясь предотвратить такое развитие ситуации применительно к нынешнему саммиту, китайская сторона разработала особую тактику. Во время нынешних переговоров была достигнута принципиальная договоренность о том, что Си Цзиньпин посетит США с ответным государственным визитом осенью 2026 г. С учетом этого китайская сторона таким образом выстроила переговоры по всем политическим и экономическим вопросам во время недавнего саммита, что по всем из них были достигнуты весьма многообещающие, но только предварительные соглашения. Практически все они должны будут быть окончательно подготовлены и подписаны только в ходе возможного визита Си Цзиньпина. Если после нынешнего саммита американская сторона не допустит неприемлемых, по мнению китайской стороны, нападок на КНР или ревизии достигнутых договоренностей, то успешные результаты осеннего визита Си Цзиньпина могут стать для Трампа позитивным фактором в улучшении позиций накануне осенних промежуточных выборов. Если же американская сторона станет, как это было много раз до этого, изменять достигнутым взаимопониманиям, то визит Си Цзиньпина может или вообще не состояться, или обернуться для Трампа подлинным бедствием.

4. Создание новых правил в сфере двусторонней торговли. Одной из важных контрмер в торговой войне против Соединенных Штатов был введенный Китаем запрет на поставки в США редкоземельных металлов и магнитов. Уже ко времени встречи Трампа и Си Цзиньпина в Пусане, которая состоялась 30 октября 2025 г., стало очевидным, что эти ограничения наносят серьезнейший удар по целому ряду высокотехнологичных отраслей американской промышленности. В связи с этим во время переговоров в Южной Корее был достигнут компромисс: китайская сторона отменяет запрет на экспорт в США редкоземельных металлов и магнитов, американская сторона снимает запрет на экспорт в Китай ряда высокотехнологичных изделий. Нужно отметить, что американцы предпочитают публично говорить только о китайских обязательствах, предпочитая умалчивать о своих. Ко времени нынешних переговоров потребность американцев в редкоземельных металлах и магнитах еще более возросла в связи с острой потребностью в производстве вооружений на замену тем, которые были израсходованы для ударов по Ирану. Во время пребывания Трампа в

Пекине была достигнута договоренность о том, чтобы продлить снятие некоторых китайских и американских ограничений – теперь до времени возможного визита Си Цзиньпина в Вашингтон. Китайская сторона, судя по всему, хочет добиться придания этой ситуации характера «новой нормальности».

Судя по всему, новые торговые правила, формирующиеся между КНР и США, сводятся к тому, чтобы на взаимной основе не создавать новых ограничительных правил, постепенно снижая и устраняя уже существующие.

5. Создание новых правил применительно к «тайваньской проблеме». И накануне встречи в верхах, и в ее ходе китайская сторона неоднократно заявляла о том, что главной проблемой китайско-американских отношений и, соответственно, главной темой переговоров между главами государств является тайваньская проблема. Суммируя итоги встречи, министр иностранных дел КНР Ван И отметил, что между КНР и США должна воцариться «долгосрочная стабильность», «не могут происходить конфликты, конфронтация или даже войны» (不能发生冲突对抗甚至战争), поскольку ни одна из сторон не сможет выдержать последствия китайско-американских конфликта и конфронтации (中美冲突对抗的后果谁都不能承受的)[35]. Это совершенно трезвая и реалистичная оценка: согласно имеющимся экспертным оценкам, последствия возможного вооруженного конфликта вокруг Тайваня способны нанести огромный, даже непоправимый урон и Китаю и Соединенным Штатам [Гончаров, 2024b, с. 42–49].

Если суммировать известную информацию об обмене мнениями по тайваньской проблеме между Си Цзиньпином и Трампом[36], то можно констатировать следующее.

Как следует из соображений, высказанных представителями китайской стороны, воплощение в практику принятой на саммите формулы двусторонних отношений способно обеспечить мир между двумя странами, а значит – мир в Тайваньском проливе. Конкретизируя этот тезис, китайская сторона подчеркнула, что совершенно нет проблем в том, чтобы обеспечить мир сначала на три оставшихся года администрации Трампа, а затем – на более длительный период. Таким образом пытаются развеять очень распространенные в США и Европе разговоры о том, что Китай предпримет вторжение в 2027 г., когда исполнится 100 лет со дня образования НОАК.

Как можно понять из имеющихся данных, Пекин предлагает США для обеспечения сохранения мира в Тайваньском проливе, сделать по крайней мере две серьезные вещи.

Во-первых, фигурирует требование о том, чтобы категорически исключить возможность провоцирования конфликта между США и КНР из-за Тайваня в «результате действий третьей стороны». Конкретно речь идет о том, что, как намекает Пекин, он вынужден будет пойти на вооруженное вмешательство в случае, если тайваньские

[35] 王毅向媒体介绍中美元首会晤情况和共识 (Ван И информирует СМИ о ходе и договоренностях встречи глав государств Китая и США). 15 мая 2026 г. URL: https://www.mfa.gov.cn/wjbzhd/202605/t20260515_11911513.shtml (accessed: 31.08.2026).

[36] См. например Chris Buckley and Amy Chang Chien. Trump's Taiwan Gambit is Already a Gift to China. The New York Times. May 21, 2026; «王毅向媒体介绍中美元首会晤情况和共识»，外交部网 (Ван И ознакомил СМИ с обстоятельствами встречи глав государств Китая и США и (достигнутыми) договоренностями. Интернет-портал МИД КНР, 26 мая 2026 г.).

власти в той или иной форме объявят о независимости острова. Трамп уже откликнулся на это, заявив, что не хотел бы вести войну за 9500 миль от территории США, потому что «кто-то стал независимым», и призвал Китай «остыть»[37]. На это были вынуждены откликнуться тайваньские власти, заявившие, что факт существования «Китайской Республики (Тайваня)» в качестве суверенного, демократического государства является «самоочевидным». Кроме того, Трампу напомнили, что «продажи американского оружия Тайваню являются частью обязательств США в области безопасности согласно Закону об отношениях с Тайванем и ключевым элементом коллективного сдерживания против региональных угроз»[38].

Во-вторых, в настоящее время на рассмотрении администрации Трампа пакет поставок вооружений Тайваню на 14 млрд долл. Насколько можно понять, во время пекинских переговоров перед Трампом был поставлен вопрос о том, чтобы не одобрять его до визита Си Цзиньпина в США. Представители КНР требуют от США выполнения своих обязательств по так называемым «трем коммюнике», с которых они обязались постепенно сокращать поставки вооружений на остров и не поставлять наиболее передовые их виды. Насколько можно понять, администрация Трампа еще не приняла определенного решения по этой острой проблеме[39].

Перспективы диалога в сфере разработки и использования ИИ и будущее международных отношений

Ранее мы упоминали только о грандиозных планах применения Китаем ИИ для решения важнейших социальных и экономических проблем. Вместе с тем зарубежные наблюдатели издавна уделяли самое серьезное внимание перспективам внедрения Китаем ИИ в военную сферу [Kania, 2017; Sarukh, 2025]. При этом, по их оценкам, вооруженные силы КНР уделяют основное внимание применению ИИ в следующих сферах военного дела: интеллектуальные и автономные безлюдные системы, занимающиеся, например, сбором «роевой» разведывательной информации; поддерживаемый ИИ сбор и анализ информации; применение ИИ в разного рода моделированиях военных действий и для тренировок; использование ИИ для обороны, нападения и командования в компьютерных войнах; интеллектуальная поддержка в процессе принятия командных решений.

Западные наблюдатели также отмечали, что развитие ИИ в Китае будет использоваться для тотального контроля над населением и что развитие ИИ будет тормозиться интернет-цензурой, а также чрезмерной ролью государственных органов в процессе разработки ИИ и его использования [Lewis, 2019, p. 100–101].

[37] Trump warns Taiwan not to expect blank check from US military after intense Xi summit. May 15, 2026. URL: https://www.foxnews.com/media/trump-warns-taiwan-expect-blank-check-us-military-intense-xi-summit (accessed: 31.08.2026).

[38] MOFA response to US President Trump's comments to the media following the Trump-Xi summit. May 16, 2026. URL: https://en.mofa.gov.tw/News_Content.aspx?n=1330&s=122298 (accessed: 31.08.2026).

[39] Рубио: пакет вооружений для Тайваня на $14 млрд все еще рассматривается. 3 июня 2026 г. URL: https://www.rti.org.tw/ru/news?uid=3&pid=212372 (accessed: 31.08.2026).

Невзирая на такие не самые притягательные аспекты проблемы развития ИИ в Китае, еще в конце 10-х гг. нашего века американские специалисты стали выдвигать предложения о необходимости налаживания диалога по этому вопросу с КНР как с потенциально основным, наряду с США, глобальным игроком в области разработки и применения искусственного интеллекта [Chan, 2019, p. 119].

В 2024 г., во время администрации Байдена, в Женеве состоялась первая и на тот период единственная встреча между американскими и китайскими официальными лицами, посвященная проблеме ИИ. Диалог получился не слишком удачным. Со стороны США в нем участвовали технические специалисты, которые старались довести до китайской стороны вероятность катастрофических последствий, которые способно принести неконтролируемое развитие ИИ. Основу китайской делегации составляли представители МИД, которые сосредоточились на необходимости ослабления США ограничений и запретов на передачу Китаю новых и высоких технологий[40]. Судя по всему, эти переговоры не привели к каким-либо результатам.

В апреле – мае 2026 г., накануне визита Д. Трампа в Пекин, произошел целый ряд важных событий, которые резко изменили ситуацию вокруг китайско-американского диалога по проблемам ИИ[41].

Группа разработчиков из американской компании Anthropic 7 апреля 2026 г. открыто опубликовала презентацию языковой программы Claude Mythos Preview, основанной на принципах генеративного ИИ. Как отметил американский Forbes, эта программа способна выявлять и затем использовать критические уязвимости, в том числе уязвимости нулевого дня, во всех основных операционных системах и веб-браузерах по указанию пользователя. Многие из них существовали в течение десятилетий и оставались незамеченными при повторных тестированиях, проводимых людьми[42].

[40] Jonathan Gibson. Trump and Xi Confront a Changing AI Landscape. Recent AI advancements have prompted renewed dialogue between U.S. and China on how to prevent worst-case scenarios. The Dispatch. May 19, 2026. URL: https://thedispatch.com/article/trump-xi-jinping-china-artificial-intelligence-escalation/ (accessed: 31.08.2026).

[41] Описание этих событий основывается на следующих материалах: Nicolas Carlini, Newton Chen, Keane Lucas, Michael Moore, Milad Nasr, Vinay Prabhushankar, Winnie Xiao, Hakeem Angulu, Jackie Bow, Keir Bradwell, Ben Buchanan, David Forsythe, Daniel Freeman, Alex Gaynor, Xianyang Ge, Logan Graham, Kyla Guru, Hasnian Lakhani, Matt McNiece, Motjaba Mehrara, Renee Nichol, Adnan Pirzada, Sophia Porter, Andreas Terzis, Kevin Troy. Assessing Claude Mythos Preview's cybersecurity capabilities, red.anthropic.com. April 7, 2026. URL: https://red.anthropic.com/2026/mythos-preview/ (accessed: 31.08.2026); Our evaluation of Claude Mythos Preview's cyber capabilities. AISI (AI Security Institute). April 13, 2026. URL: https://www.aisi.gov.uk/blog/our-evaluation-of-claude-mythos-previews-cyber-capabilities (accessed: 31.08.2026); Андрей Злобин. Bloomberg узнал о взломе ИИ-модели Mythos от Anthropic со способностью к кибератакам. Forbes. 22 апреля 2026. URL: https://www.forbes.ru/tekhnologii/559680-bloomberg-uznal-o-vzlome-ii-modeli-mythos-ot-anthropic-so-sposobnost-u-k-kiberatakam (accessed: 31.08.2026); Елена Худаева. WSJ сообщила о «хаосе» в администрации США из-за Mythos от Anthropic. Forbes. 22 апреля 2026. URL: https://www.forbes.ru/tekhnologii/560649-wsj-soobsila-o-haose-v-administracii-ssa-iz-za-mythos-ot-anthropic (accessed: 31.08.2026).

[42] What Is Claude Mythos – And Why Anthropic Won't Let Anyone Use It. April 8, 2026. URL: https://www.forbes.com/sites/jonmarkman/2026/04/08/what-is-claude-mythos-and-why-anthropic-wont-let-anyone-use-it/ (accessed: 31.08.2026).

Компания Anthropic признала, что эта программа может стать опасным оружием «в руках шпионов и хакеров» и потому не стала делать ее достоянием широкого круга пользователей.

Представляется, что совсем не случайно на фоне таких дискуссий и новостей, 20 апреля 2026 г. был обнародован документ, в котором были высказаны совершенно новые взгляды на грядущую глобальную военно-политическую роль ИИ. Речь идет о «Манифесте», отражающем взгляды руководства компании «Палантир», которая является одним из главных подрядчиков спецслужб США и Пентагона во внедрении ИИ в военное дело[43]. Приведем несколько тезисов из этого документа, которые, как представляется, очень важны для понимания американо-китайских договоренностей на высшем уровне (в моем переводе с английского тезисы приводятся под теми номерами, под которыми они фигурируют в «Манифесте»).

4. ***Вопрос состоит не в том, будут ли созданы вооружения на основе ИИ, а в том, кто создаст их и с какой целью.*** *Наши противники не будут выдерживать паузы для того, чтобы заниматься театрализованными дебатами относительно достоинств развития технологий с ключевыми функциями, связанными с военным делом и национальной безопасностью. Они будут делать это.*

12. Ядерный век кончается. *Одна эра сдерживания, ядерный век, кончается, и должна начаться новая эра сдерживания, основанная на ИИ.*

21. Некоторые культуры породили жизненно важный прогресс; другие остаются дисфункциональными и регрессивными. *Сейчас все культуры равны. Критика и суждения о ценностях запрещены. Однако же эта новая догма упускает из виду тот факт, что некоторые культуры и также субкультуры …сотворили чудеса. Другие доказали, что они являются посредственными, и, хуже того, регрессивными и наносящими ущерб.*

Конечно, ничто не свидетельствует о том, что вышеприведенные тезисы в полной мере отражают официальную позицию администрации Трампа. Вместе с тем похоже на то, что в них в очень общем плане воплощен дух размышлений американских лидеров относительно самых острых проблем, связанных с ИИ. Также похоже на то, что китайская сторона некоторыми своими действиями и заявлениями постаралась ответить на такого рода настроения. Во всяком случае, во время майских переговоров на высшем уровне в Пекине и американскому, и китайскому руководству была прекрасно известна ситуация вокруг программы Mythos и содержание манифеста «Палантира».

Интересно, что незадолго до майского визита Д. Трампа в Пекин, министр финансов США С. Бессент, который в американском правительстве курирует вопросы ИИ, резко раскритиковал сенатора Б. Сандерса за то, что последний организовал встречу между американскими и китайскими исследователями для обсуждения того, как две страны могут сотрудничать в предотвращении рисков, связанных с ИИ[44].

[43] Brent D. Griffits. Palantir's summary of CEO Alexander Karp's manifesto is generating buzz. Read the 22 bullet points. Business Insider. April 20, 2026. URL: https://www.aol.com/articles/palantirs-summary-ceo-alexander-karps-143732000.html (accessed: 31.08.2026).

[44] Vivian Wang. Why A.I. is the Hidden Minefield of Trump's China Visit. The New York Times. May 13, 2026. URL: https://www.nytimes.com/2026/05/13/world/asia/us-china-trump-xi-beijing-ai.html (accessed: 31.08.2026).

В то же время высказывалось и авторитетное экспертное мнение о том, что с Китаем необходимо вести диалог по проблемам кибербезопасности[45].

В ходе китайско-американской встречи в верхах официальная позиция США по данному вопросу претерпела кардинальное изменение: во время переговоров Д. Трамп предложил Си Цзиньпину проведение новых консультаций по вопросам ИИ, целью которых является предотвращение попадания программ, подобных вышеупомянутой, «в руки негосударственных акторов». Китайская сторона приняла это предложение[46]. Вероятно, причиной такой перемены явилась переоценка Вашингтоном общей ситуации, вызванная развитием событий вокруг программы Mythos.

Совершенно очевидно, что здесь речь идет о консультациях на куда более серьезную тему, чем те, которые происходили в период администрации Байдена. Судя по всему, американская администрация стремилась обеспечить серьезный успех такого диалога и с этой целью подготовила для китайских партнеров серьезный «материальный стимул».

Дело в том, что в самый последний момент к делегации Трампа присоединился Дженсен Хуан – президент компании «Nvidia», являющейся лидером в изготовлении продвинутых компьютерных процессоров для вычислительной техники, обслуживающей программы ИИ. По оценке Хуана аналогичные китайские процессоры являются в восемь раз менее производительными и выпускают их в КНР в 10 раз меньше, чем продвинутых аналогичных изделий в Соединенных Штатах. «Nvidia» получила лицензию на поставку в Китай 750 000 процессоров типа H200, применение которых, по оценке Хуана, способно втрое увеличить существующие вычислительные мощности КНР. Это, очевидно, призвано было стать весьма серьезным аргументом, убеждающим китайскую сторону в искренности и серьезности намерений американской стороны в новом диалоге по проблемам ИИ. К удивлению американцев Си Цзиньпин, во время переговоров заявил, что китайская сторона не заинтересована в закупке американских процессоров, поскольку уверена в том, что вскоре сможет самостоятельно производить аналогичные. Существуют разные объяснения такому поведению китайской стороны. Некоторые эксперты склоняются к тому, что Председатель КНР просто попытался создать еще одну «зависшую сделку» для оказания дополнительного давления на Трампа и, если отношения будут развиваться в целом благоприятно, сделку все-таки можно будет совершить. Есть мнение, что китайцы не желают связываться с американскими чипами исходя из требований безопасности[47].

---

[45] A. Wess Mitchell. A Grand Strategy of Consolidation. How Trump Can Revitalize American Power. Foreign Affairs. May/June, 2026. Published on April, 21, 2026. URL: https://www.foreignaffairs.com/united-states/trump-grand-strategy-consolidation-wes-mitchell (accessed: 31.08.2026).

[46] Jonathan Gibson. Trump and Xi Confront a Changing AI Landscape. Recent AI advancements have prompted renewed dialogue between U.S. and China on how to prevent worst-case scenarios. The Dispatch. May 19, 2026. URL: https://thedispatch.com/article/trump-xi-jinping-china-artificial-intelligence-escalation/ (accessed: 31.08.2026).

[47] Media Briefing: Making Sense of the Trump-Xi Summit. Council on Foreign Relations. May 15, 2026. URL: https://www.cfr.org/event/media-briefing-making-sense-of-the-trump-xi-summit (accessed: 31.08.2026); Meaghan Tobin and Tripp Mickle. Trump Approved a Nivida Chip for Sale in China. Beijing Doesn’t want It. The New York Times. May 21, 2026. URL: https://www.nytimes.com/2026/05/21/business/china-nvidia-chip-trump-ai.html (accessed: 31.08.2026).

Попробуем, исключительно основываясь на известных нам фактах и логических умозаключениях, высказать некоторые предположения о содержании и возможных перспективах инициирования американцами обмена мнениями по ключевым проблемам, связанным с ИИ.

1. Когда журналисты пишут сейчас о новой гонке вооружений, связанной с ИИ, то, как правило, выражают достаточно традиционный взгляд на эту проблему. Говорится обычно о разработке автономных ударных (или оборонительных) платформ или установок (всевозможные разновидности дронов), а также о сборе и анализе различной информации и принятии на ее основе оптимальных командных решений. Отмечается, что, если в первой области передовые позиции занимают Россия и Украина, в силу понятных причин накопившие наибольший опыт применения беспилотных систем, то во второй сфере лидирующие позиции – за США и Китаем[48].

2. При всей несомненной важности этих направлений представляется, что не они являются основным содержанием «новой эпохи сдерживания», которая, по мнению специалистов «Палантир» (тезис 12 «Манифеста»), должна прийти на смену сдерживанию ядерному. Побудительным мотивом для начала консультаций между США и Китаем стало появление на свет такой основанной на ИИ программы, которая способна отыскать слабости в системах защиты, взломать и парализовать эти системы. При дальнейшем развитии подобных систем, которое считают неизбежным разработчики, такие разрушительные возможности, как можно понять, могут относиться к любым видам программного обеспечения – от управления энергетическими потоками и гражданскими авиаперевозками до обеспечения наведения и пуска носителей ядерного оружия. Если принять во внимание имеющиеся сейчас спутниковые и иные ресурсы, то такое парализующее и деструктивное воздействие может, очевидно, быть оказано даже на управление теми системами вооружения, которые не имеют связи с глобальным Интернетом. Только достижение такого состояния вполне может быть определено как «эпоха сдерживания путем применения ИИ, пришедшая на смену эпохе ядерного сдерживания», о котором говорится в манифесте «Палантира».

3. Американцы предложили подобные консультации по той причине, что убеждены: китайская сторона занимается разработкой подобных программ и сможет создать их (Тезис 4 «Манифеста»). Здесь также присутствует убеждение в том, что в предстоящие годы именно США и Китай далеко оторвутся от всех других стран в разработке и применении ИИ как для решения важнейших военных, так и гражданских вопросов. При этом каждая сторона будет использовать собственные уникальные преимущества. Для Соединенных Штатов это – возможность использовать самые светлые умы со всего мира и передовые чипы, для Китая – возможность задействовать огромные энергетические ресурсы. В таких условиях есть шансы на то, что наметившийся сейчас диалог приобретет стратегический характер и превратится для Пекина и Вашингтона в канал общения по важнейшей для них сфере сотрудничества.

4. Существует масса причин, в силу которых сформулированный здесь прогноз может не оправдаться. Прежде всего нужно считаться с тем, что не сбудутся предска-

[48] См. например, Sheera Frankel, Paul Mozur and Adam Satariano. Mutually Automated Destruction: The Escalating Global A.I. Arms Race. The New York Times. April 12, 2026, URL: https://www.nytimes.com/2026/04/12/technology/ai-arms-race.html (accessed: 31.08.2026).

зания о том, что эпоха ядерного сдерживания сменится эпохой сдерживания посредством ИИ. Здесь скептики могут заявить, что такие страшилки продвигаются «Палантиром» для того, чтобы повысить собственную ценность в глазах пентагоновских заказчиков. С другой стороны, мне неизвестны опровержения такого тезиса со стороны представителей профессионального сообщества. В подходе к этой ключевой проблеме остается только следить за мнением профессионалов.

5. Весьма серьезной является вероятность того, что не получит никакого развития китайско-американский диалог по ИИ. Это может произойти как в силу неисчислимого множества краткосрочных сиюминутных факторов, так и в силу того, что американцы в более долгосрочном плане разочаруются в реальном желании и способности китайской стороны посредством наращивания внутреннего спроса ослабить экспортное давление на американскую экономику, в силу каких-то других причин [McMahon, Polk, 2025, p. 125][49]. Это приведет к тому, что КНР и США вступят в тотальное соперничество в сфере ИИ, не регулируемое никакими правилами или ограничителями. Такая ситуация, однако же, мало что изменит для представителей «деструктивных культур», обладающих ядерным оружием. И Китай, и США будут совсем не против того, чтобы обуздать таких состоявшихся или потенциальных обладателей ядерных потенциалов, которые готовы с поводом и без повода напоминать оппонентам о своей способности превратить их в радиоактивную пыль. Также, по-моему, наивно было бы ожидать, что Пекин и Вашингтон проявят готовность поделиться с кем-либо своими наступательными и оборонительными возможностями в сфере ИИ.

6. Возможны многочисленные варианты прогнозирования описанной в этом тексте ситуации и автор не ставит целью полемизировать с ними. Хотелось бы просто отметить, что не стоит игнорировать и такой вариант грядущего развития событий, который был описан выше. Как представляется, для реализации подобного сценария имеются некоторые фактические и логические основания.

Интересы России

Далее хотелось бы поделиться некоторыми размышлениями об интересах и перспективах развития России, которые связаны с тем, что было сказано выше. При этом исхожу из того, что при раскрытии такого рода тем ни в коем случае нельзя руководствоваться эмоциями, упрекая партнеров в пренебрежении чувствами дружбы и забвении славных исторических традиций.

Если обозреть историю советско/российско-китайского сотрудничества, то легко обнаружить, как по мере стремительного развития Китая, приводящего к его все

[49] Прогнозируя развитие китайской экономики, некоторые американские эксперты весьма скептически оценивают перспективы того, что внутренний спрос сменит экспорт в качестве самого мощного «мотора» ее развития; при этом, говоря о расширении внутреннего спроса, они вообще не упоминают реформу системы прописки в качестве важного средства для достижения такой цели (Dinny McMahon and Andrew Polk, 2035 Scenarios for China’s Economic Future, in China’s Economic Transition. Debt, Demography, Deglobalisation and Scenarios for 2035, Published by the Center for Strategic and International Studies (CSIS) (2025), p. 125).

большему экономическому и технологическому превосходству над Россией, менялась качественная основа двустороннего взаимодействия в конкретных областях.

Первый этап этого процесса пришелся на вторую половину 80-х гг. прошлого века, когда после двух десятилетий противостояния стал набирать обороты процесс нормализации отношений между Москвой и Пекином. В это время в Советском Союзе очень рассчитывали на то, что КНР предоставит советской стороне возможность реконструировать 156 крупнейших промышленных предприятий, которые были построены при содействии Москвы в Китае в течение 50-х гг. прошлого века. Этим надеждам не суждено было сбыться. Право на реконструкцию подавляющего большинства предприятий получили партнеры из США, Западной Европы и Японии. Причина состояла в том, что китайские эксперты пришли к выводу об отставании СССР от западных государств по основным технологическим направлениям.

Второй этап охватывает 90-е гг. прошлого века – 10-е гг. нынешнего века. В это время из периметра советско-китайского сотрудничества последовательно исчезали такие позиции, как станкостроение, легковое и грузовое автомобилестроение, гражданское авиастроение, горно-шахтное, строительное и транспортное оборудование, оборудование для тепловых и атомных электростанций, оборудование для космических полетов. На 10-е гг. пришлось весьма существенное сокращение объемов и номенклатуры военно-технического сотрудничества. Причины состояли либо в том, что китайская сторона приобретала способность производить соответствующее оборудование, либо в том, что советские поставки замещались поставками из США, Европы и Японии.

Третий этап развертывается перед нашими глазами. В широких кругах читающей публики не очень известно то обстоятельство, что вплоть до второй половины 80-х гг. прошлого века сырая нефть являлась одним из главных экспортных товаров Китая. Ситуация резко изменилась в 1993 г., когда Пекин превратился из нетто-экспортера в нетто-импортера нефти. С этого момента крупнейшие китайские компании приступили к активному поиску нефтегазовых ресурсов за рубежом с целью обеспечения гарантированных стабильных поставок, необходимых для обеспечения ускоренного развития экономики Срединного государства.

В 2003 г. была произведена весьма существенная корректировка этой новой международной стратегии КНР. После состоявшегося в этом году вторжения американских войск в Ирак высшее китайское руководство задумалось о рискованности ставить собственное экономическое развитие в зависимость от поставок нефти из ближневосточных ресурсов, которые находятся под прямым или косвенным контролем со стороны Соединенных Штатов. Тогдашний Председатель КНР Ху Цзиньтао высказывал, например, обеспокоенность в связи с тем, что в любой момент Китай может быть отрезан от поставок нефти из зоны Персидского залива в том случае, если вооруженные силы США перекроют узкий Малаккский пролив. В рамках этой корректировки премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао заявил, что Китай должен получать не менее 50% импортируемой нефти с Севера – то есть из России и государств Центральной Азии. После этого произошла резкая активизация переговоров, конечным результатом которых стала прокладка нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан» с ответвлением на Китай, нефтепровод из Казахстана до Синьцзяна и системы газопроводов из Туркменистана, Узбекистана и Казахстана в западные регионы Китая.

Сейчас, спустя более чем 20 лет, судя по всему, наступило время для нового фундаментального пересмотра энергетической стратегии Пекина. Это, конечно же, связано с вооруженным конфликтом между США, Израилем и Ираном и с перекрытием Ормузского пролива. Долгосрочные последствия этих событий, как представляется, в основном сводятся к следующему:

– несмотря на все бравые заявления иранской пропаганды, Соединенные Штаты продемонстрировали способность вооруженной силой контролировать экспорт нефти и сжиженного природного газа из зоны Персидского залива;

– неизбежно начнется ускоренное создание государствами Залива новой инфраструктуры, включающей систему нефте- и газопроводов, выходящих в Средиземное море через побережья Сирии и Израиля. Маршруты, завершающиеся на побережье Красного моря, будут пользоваться куда меньшей популярностью из-за враждебного хуситского присутствия. Такая ситуация создаст оптимальные условия для превращения европейских государств в основных потребителей нефти и СПГ из региона Залива;

– какая-то часть нефтегазовых ресурсов будет по-прежнему экспортироваться морским путем через Ормузский пролив. Весьма вероятно, что главным потребителем этой доли углеводородного сырья будет выступать Индия, очень выгодно расположенная для этого географически.

Если исходить из того, что нам известно о логике китайского стратегического мышления, все эти обстоятельства не могут не привести к очередной корректировке энергетической стратегии КНР, которая будет не менее серьезной, чем в 1993 и в 2003 гг. На сей раз эта стратегическая перестройка, скорее всего, будет связана с ещё более энергичным развитием солнечной и ветряной генерации электроэнергии (Китай уже сейчас является здесь безусловным мировым лидером), гидравлической и ядерной генерации, а также управляемого термоядерного синтеза (в Китае имеются планы пуска в эксплуатацию пилотной установки по выработке электроэнергии таким методом в начале 30-х гг. нашего столетия).

Кроме того, вполне логичным выглядело бы решение Пекина о постепенном сведении всего нефтегазового импорта к таким объемам, которые могут быть получены из континентальной Евразии (Россия и Центральная Азия) по существующим уже сейчас нефте- и газопроводам при незначительном наращивании объемов (не предполагающем строительство новых «проектов века»). Этот вариант, на самом деле, может стать вполне реалистичным в случае постепенного сокращения доли углеводородов в энергобалансе в результате упомянутого в пункте первом форсированного наращивания альтернативных видов генерации электроэнергии.

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время Россия, скорее всего, уперлась в «потолок» нефтегазовых поставок в Китай. Косвенным свидетельством этому стало то, что по итогам майского визита В.В. Путина в Пекин не было достигнуто никаких «прорывных» договоренностей о реализации новых проектов в сфере поставок нефти и природного газа.

Имеется еще один процесс, который заслуживает самого серьезного внимания. Такие серьезные явления, как сокращение и старение китайского населения, реформа системы прописки/регистрации и продолжение роста доли городского населения,

неизбежно приведут к образованию значительного дополнительного фонда земель, пригодных для ведения сельскохозяйственного производства. Учитывая значительный потенциал, уже накопленный КНР в сфере автоматизированного (безлюдного) аграрного производства, можно с уверенностью прогнозировать, что Китай будет способен с избытком обеспечивать себя продуктами питания. Таким образом, окажутся несколько ограниченными возможности поставок в КНР сельхозпродукции из-за рубежа (в том числе из России).

Позитивным для нашей страны результатом всех этих тектонических сдвигов может послужить то, что окончательно будет выбита основа из-под рассуждений о территориальных претензиях Китая к России. Российская территория станет интересовать китайцев прежде всего как пространство для создания транспортных коммуникаций, объединяющих Евразию, а также как место для туристического отдыха. В этом плане Китай, несомненно, будет заинтересован в сохранении природной среды РФ.

В складывающейся новой ситуации представляется достаточно архаичной и достаточно безнадежной традиционная стратегия России, направленная на то, чтобы связывать страну с основными рынками сбыта нефте- и газопроводами. Существует значительный потенциал выработки электроэнергии в Восточной и Западной Сибири за счет строительства там экологически чистых электростанций, использующих природный газ. Исходя из той ситуации, которая сложилась сейчас вокруг развития ИИ, было бы логичным создавать рядом с электростанциями дата-центры, которые проводили бы вычисления в интересах развития и использования ИИ (еще одним преимуществом Сибири в этой сфере является холодный климат). После этого зарубежным партнерам могли бы направляться результаты этих вычислений.

Предшествующий опыт общения с китайскими партнерами продемонстрировал, что они вряд ли пойдут на такое взаимодействие, исходя из соображений безопасности и стремясь избежать необходимости делиться с Россией результатами развития ИИ. Как ни невероятно это звучит в нынешних обстоятельствах, объективно в таком сотрудничестве с Россией могла бы быть заинтересована Европа, которая таким образом приобрела бы мощную «энергетическую карту» в развитии ИИ. К сожалению, сейчас такой вариант кажется совершенно умозрительным. Для его осуществления пришлось бы разгрести огромные горы геополитических завалов.

Для РФ характерна «компрадорская» идеология при использовании сжиженного природного газа (СПГ). Все основные заводы по его производству строятся в портовых городах и отправляют свою продукцию на экспорт. Внутри страны СПГ практически не используется в качестве моторного топлива для автотранспорта. Между тем, в конечном счете могла бы оказаться востребованной система автотранспортных коммуникаций, которая через российскую территорию соединила бы Европу с США, Канадой и Китаем. При этом мог бы использоваться прежде всего транспорт на газомоторном топливе. Конечно, и для этого необходимо будет проводить долгую, кропотливую и зачастую неблагодарную работу по расчистке геополитических проблем и восстановлению взаимного доверия. Создание такой транспортной системы, между прочим, способно было бы стать мощным фактором, «сшивающим» страну в единое целое.

Совершенно по-иному может смотреться и российская роль в поставках сельскохозяйственной продукции. Одной из важнейших проблем Европы уже сейчас являет-

ся мощный миграционный поток из стран глобального Юга. В этой ситуации европейцы вполне могут платить России и Украине за поставки продовольствия в эти страны с тем, чтобы стабилизировать ситуацию там, а Китай мог бы способствовать развитию там различных производств, направленных на обеспечение внутренних потребностей.

Эта принципиально новая роль России в мире ни в коем случае не должна рассматриваться, как утрата страной «величия» или «субъектности». Способность сыграть такую роль будет всего лишь означать жизненную силу страны и ее элиты, способность играть по принципиально новым правилам в принципиально новых условиях.

Комментарий редакции

Мы публикуем материал известного российского специалиста по Китаю С.Н. Гончарова с некоторыми сомнениями. Сергей Николаевич, обладая огромным опытом научной и практической работы, в том числе в качестве заведующего сектором советско-китайских отношений ИДВ АН СССР, заместителя директора Первого департамента Азии МИД России, советника-посланника Посольства России в КНР, руководителя представительства ПАО «НК “Роснефть”» в Юго-Восточной Азии и представительства ПАО «РУСАЛ» в Пекине, как никто другой разбирается и в вопросах экономики и внешней политики КНР. Поэтому его анализ китайской системы прописки и китайско-американских отношений представляется весьма ценным.

В то же время в данной статье многое нам представляется спорным. И прежде всего, это взаимосвязь между отдельными элементами выстроенной автором цепи зависимостей. Логика автора примерно такая: реформа системы китайской прописки (хукоу) приведет к росту внутреннего спроса, что, в свою очередь, приведет к снижению экспортного давления. Это будет способствовать ослаблению конфликта с США и развитию сотрудничества двух держав в сфере ИИ. Так сложится новая модель американо-китайских отношений.

Однако нам представляется, что все переходные части автором недостаточно обоснованы, ко всем есть вопросы, и в единую схему они не выстраиваются. Так, реформа хукоу действительно может расширить доступ мигрантов к социальным услугам и поддержать потребление, но в статье не доказано, что это существенно изменит общий внутренний спрос. Возможно, это и так, но это надо доказывать, моделировать и просчитывать. Далее, даже если рост потребления в результате такой реформы и вырастет, это не означает автоматического сокращения экспорта: Китай может одновременно расширять внутренний рынок, производство и внешние поставки. Снижение экспортной зависимости, в свою очередь, способно смягчить отдельные торговые противоречия между США и КНР, но не устраняет технологическую конкуренцию, тайваньскую проблему, военно-стратегическое соперничество и борьбу за цепочки поставок (редкие металлы и пр.). Поэтому вывод о том, что реформа хукоу «выбивает материальную основу» из-под конфликта с США, подтвердить довольно сложно.

Не доказана и связь между хукоу и ставкой на ИИ. ИИ может повышать производительность, но это не равнозначно росту доходов и потребления. Автоматизация

способна также сокращать занятость и усиливать противоречия между расширением производства и платежеспособным спросом.

Даже рост потребления не означает автоматического сокращения производства и экспорта. Возможное уменьшение торговых дисбалансов, в свою очередь, может смягчить отдельные экономические противоречия между КНР и США, но не устранит технологическое и военно-стратегическое соперничество, а также не ослабит борьбу за контроль над критически важными цепочками поставок.

Новая формула «конструктивных отношений стратегической стабильности» также не доказывает, что США отказались от сдерживания Китая. Пекин, в свою очередь, не отказался от стремления усилить свои позиции, в том числе и в технологической сфере. Это скорее управление рисками, а не перемирие, поэтому большинство китайских экспертов комментирует формулу очень осторожно. Выступления участников Форума развития Китая являются важным источником для изучения экспертной дискуссии, но сами по себе не раскрывают содержание закрытых переговоров и не доказывают наличия у Пекина единой утвержденной стратегии. На основе изложенных автором оценок невозможно достоверно судить о новых правилах по Тайваню или согласовании поведения Китая и США в региональных конфликтах.

Самый серьезный разрыв в статье возникает при переходе от обычных консультаций по рискам ИИ к предположению о замене ядерного сдерживания «сдерживанием посредством ИИ» и фактическим созданием «Группы двух» (G2), то есть системы американо-китайского сотрудничества по решению мировых проблем. Что касается создания G2, то Китай всегда отвергал подобные предложения, как и на официальном уровне не принимает идеи «гегемонизма» крупных держав, противопоставляя ей собственную концепцию «нового типа отношений между крупными державами», США же никогда не выдвигали подобного предложения на официальном уровне, оно лишь обсуждалось некоторыми экспертами.

Высказанная автором гипотеза о том, что системы ИИ могут прийти на смену ядерному оружию в качестве основы стратегической стабильности и взаимного сдерживания, носит предварительный характер и пока не подтверждается текущими событиями. Однако сама постановка вопроса весьма интересна и, безусловно, заслуживает дальнейшего профессионального обсуждения. Это особенно важно в контексте растущей зависимости сохранения суверенитета от развития и поддержания на должном уровне не только военного, но и технологического потенциала государства в более широком плане.

Раздел, посвященный будущей роли России, также следует рассматривать как самостоятельный сценарный прогноз, а не как прямое следствие всего предшествующего анализа. Таким образом, затронутые автором темы, по мнению редакции, связаны лишь в самом общем смысле. Потенциально каждая тема может косвенно влиять на любую другую. Однако нет убедительных данных, которые позволяли бы судить о механизме такого влияния, его масштабах, а также об условиях, при которых одна внутренняя реформа могла бы столь радикально изменить характер китайско-американских отношений и, по сути, весь мир. Тем не менее многие мысли автора неординарны, крайне интересны и важны хотя бы в качестве материала для обсуждения. К нему мы и призываем, и просим считать эти наши замечания призывом к его началу.

Библиографический список

Гончаров С.Н. Китай и специальная военная операция России (февраль 2022 – апрель 2023). СПб.: Нестор-История, 2024.

Гончаров С.Н. Немирный вариант «воссоединения Тайваня с родиной»: реальная стратегия и политические спекуляции // Российское китаеведение. 2024. № 4(9). С. 42–49.

Лукин А.В. Политическая система современного Китая и типология коммунистических режимов // Сравнительная политика. 2021. № 3. С. 63–84.

Пионеры цифровизации / Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. М., 2019.

Фукидид. История. Л.: Наука, 1981.

References

Goncharov S.N. (2024a). Kitai i spetsial'naia voennaia operatsiia Rossii (fevral' 2022 – aprel' 2023) [China and Russia's Special Military Operation (February 2022 – April 2023)]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia. (In Russian).

Goncharov S.N. (2024b). Nemirnyi variant “vossoedineniia Taivania s rodinoi”: real'naia strategiia i politicheskie spekuliatsii [A Non-Peaceful Scenario for “Taiwan’s Reunification with the Motherland”: Real Strategy and Political Speculation]. Rossiiskoe kitaevedenie [Russian China Studies]. No. 4(9). P. 42–49. (In Russian).

Lukin A.V. (2021). Politicheskaia sistema sovremennogo Kitaia i tipologiia kommunisticheskikh rezhimov [The Political System of Contemporary China and the Typology of Communist Regimes]. Sravnitel'naia politika [Comparative Politics Russia]. No. 3. P. 63–84. (In Russian).

Pionery tsifrovizatsii [Digitalization Pioneers] (2019). Analytical Center for the Government of the Russian Federation. Moscow. (In Russian).

Fukidid (1981). Istoriia [History]. Leningrad: Nauka. (In Russian).

* * *

Allison G. (2017). Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap? New York: HarperCollins.

Chan B.A. (2019). Artificial Intelligence and U.S.-China Relations. In Artificial Intelligence, China, Russia, and the Global Order. Air University Press.

Ding J. (2019). The Interests behind China's Artificial Intelligence Dream. In Artificial Intelligence, China, Russia, and the Global Order. Air University Press.

Kania E.B. (2017). China's Rise in Artificial Intelligence and Future Military Capabilities. In Battlefield Singularity. Center for a New American Security.

Lewis J.A. (2019). Artificial Intelligence and China's Unstoppable Global Rise: A Skeptical Look. In Artificial Intelligence, China, Russia, and the Global Order. Air University Press.

McMahon D., Polk A. (2025). 2035 Scenarios for China's Economic Future. In China's Economic Transition: Debt, Demography, Deglobalisation and Scenarios for 2035. Washington, DC: Center for Strategic and International Studies (CSIS).

Sarukh N. (2025). Militarization of AI and the U.S.-China Competition. Strategic Studies (Islamabad). Vol. 45. No. 1 (Summer).

Поступила в редакцию: 20.08.2026. Received: 20 August 2026.
Принята к публикации: 01.09.2026. Accepted: 01 September 2026.

DOI: 10.48647/ICCA.2026.95.18.004

Д.Л. Адамова

Токен как лингвистический маркер: особенности формирования и стандартизации ИИ-терминологии в китайском языке

Аннотация. Статья рассматривает проблему перевода на китайский язык термина *token* как пример формирования национальной терминологии искусственного интеллекта (ИИ) в КНР. Материалом исследования послужили нормативные документы, академические публикации, а также тексты, отражающие профессиональную и общественную дискуссию. Цель работы состоит в выявлении принципов, по которым конкурирующие варианты перевода оцениваются профессиональным сообществом и государственными институтами. Предложенные эквиваленты классифицированы по нескольким стратегиям номинации: сохранение английской формы и транскрипция, межотраслевой перенос, описательное обозначение, использование существующих лингвистических терминов, создание лингвистически, концептуально и культурно мотивированных неологизмов. Особое внимание уделено термину 词元 (*цыюань),* рекомендованному в 2026 г. в качестве эквивалента токена, и аргументам в его пользу, включая соответствие принципам точности, понятности, системности и словообразовательной продуктивности. На материале дискуссии выявляются особенности китайской модели научно-технической терминологической стандартизации, которая основана на взаимодействии государственных органов, экспертного сообщества и технологической индустрии. Делается вывод, что выбор *цыюань* является не идеальным решением, а прагматически наиболее устойчивым компромиссом между технической точностью, лингвистической прозрачностью, культурной укорененностью и институциональной поддержкой. Кампания по поиску китайского названия для ИИ выявляет дополнительное измерение проблемы. На официальном уровне терминологическая локализация связывается с языковой самостоятельностью и правом формировать технологический дискурс. Рассмотренный случай отражает стремление Китая перейти к более активному участию в формировании понятийного аппарата глобальной индустрии ИИ.

Ключевые слова: китайский язык, искусственный интеллект, научно-техническая терминология, терминообразование, терминологическая стандартизация, токен, цыюань, неологизмы, языковая политика, цифровой суверенитет.

Автор: *Адамова Дарья Львовна*, преподаватель, МГИМО МИД России. ORCID ID: 0000-0003-2250-8457. E-mail: d.adamova@my.mgimo.ru

D. L.阿达莫娃

作为语言标记的词元：中文人工智能术语创建与标准化的特点

*摘要：*本文以“token”一词的中文翻译为例，探讨了人工智能（AI）中国本土术语创建的相关问题。本研究采用了规范文件、学术出版物以及反映专业和社会讨论的资料。研究旨在明确行业内和政府机构评估各种互相竞争的翻译方案的原则。本文根据以下几种命名策略对提出的对应词方案进行了分类，包括保留英文形式并进行转写；跨行业移植；描述性命名；使用现有语言术语；创造符合语言学、概念和文化背景的新词等。本文重点关注了 2026 年的 token 推荐对应词“词元”，并分析了支持该词的论据，包括其符合准确性、易懂性、系统性和构词效率等原则。在讨论资料的基础上本文着重阐述了中国科技术语标准化模式的特点，该模式基于国家机关、专家群体和技术产业间的互动。结论认为，“词元”并非理想选择方案，而是在技术准确性、语言透明度、文化融入性和制度支持之间最务实和稳固的折衷方案。人工智能中文名称的遴选活动揭示了该问题的另一层面。在官方层面，术语本土化与语言自主性和塑造技术话语的权利息息相关。这一案例反映了中国希望在全球人工智能产业的概念框架构建中发挥更积极的作用。

*关键词：*汉语；人工智能；科技术语；术语构词法；术语标准化；token；词元；新词；语言政策；数字主权

*作者：*达里娅·利沃夫娜·阿达莫娃，莫斯科国际关系学院讲师。ORCID ID：0000-0003-2250-8457；E-mail：d.adamova@my.mgimo.ru

Daria L. Adamova

Token as a Linguistic Marker: The Formation and Standardization of AI Terminology in Contemporary Chinese

Abstract. This article examines the issue of translating the term *token* into Chinese as an example of the development of national terminology for artificial intelligence in the People’s Republic of China. The research drew on regulatory documents, academic publications and texts reflecting professional and public debate. The aim of the study is to identify the principles by which competing translation options are evaluated by the professional community and state institutions. The proposed equivalents are classified according to several naming strategies: retaining the English form and transcription, cross-disciplinary borrowing, descriptive labeling, the use of existing linguistic terms, and the creation of neologisms that are linguistically, conceptually and culturally justified. Particular attention is paid to the term 词元 (*ciyuan*), recommended in 2026 as an equivalent of *token*, and the arguments in its favor, including its compliance with the principles of precision, clarity, systematicity and derivational productivity. Based on the discussion, the paper highlights the distinctive features of the Chinese model of scientific and technical terminological standardization, which is founded on collaboration between government bodies, the expert community and the technology industry. It is concluded that the choice of *ciyuan* is not the ideal solution, but rather the most pragmatically sound compromise

between technical accuracy, linguistic transparency, cultural relevance and institutional support. The campaign to find a Chinese name for AI highlights an additional dimension of the problem. At an official level, terminological localization is linked to linguistic autonomy and the right to shape technological discourse. The case examined reflects China's aspiration to play a more active role in shaping the conceptual framework of the global AI industry.

Keywords: Chinese language, artificial intelligence, scientific and technical terminology, term formation, terminology standardization, token, ciyuan, neologisms, language policy, digital sovereignty.

Author: *Daria L. Adamova,* Lecturer, MGIMO University. ORCID ID: 0000-0003-2250-8457. E-mail: d.adamova@my.mgimo.ru

Введение

10 апреля 2026 г. почти целая полоса в органе ЦК КПК – газете «Жэньминь жибао» – была посвящена обсуждению методов «китаизации» зарубежной научно-технической терминологии. Основной вопрос, поставленный в статье, – способен ли китайский язык в эпоху быстрого прогресса высоких технологий не просто заменить английские обозначения китайскими, а осваивать новые понятия, формировать для них прозрачные и продуктивные китайские наименования и включать их в собственную понятийную систему [Chen Jingwen, 2026]. Незадолго до этого главная партийная газета в своем веб-приложении предложила читателям подобрать для искусственного интеллекта (ИИ) краткое и удобное китайское название [Du Wenwen, 2026], хотя нормативный термин 人工智能 (*жэньгун чжинэн*) задолго до этого был закреплен государственным стандартом GB/T 5271.28–2001 [Xinxi jishu cihui…, 2001] и затем подтвержден базовым терминологическим стандартом GB/T 41867–2022 (введен в действие 1 мая 2023 г.) [Xinxi jishu…, 2022].

За 76 лет до этого, в 1950 г. три публикации И.В. Сталина в газете «Правда» и вмешательство советского вождя в дискуссию по вопросам языкознания превратили, казалось бы, узкопрофессиональный спор марристов (сторонников теорий Н.Я. Марра) и антимарристов в событие со значительными политическими последствиями. Аналогия здесь, безусловно, есть: много лет спустя китайская компартия обращается к лингвистике и мобилизует общественность, потому что язык становится слишком значимым, чтобы оставлять его только лингвистам. Однако на подчеркивании стратегической роли языка прямая аналогия, пожалуй, заканчивается. Китайская дискуссия не является ни доктринальной идеологической кампанией, ни попыткой навязать некую всеобъемлющую марксистскую теорию языка. Ее предмет более узкий и прагматичный, но от этого не менее масштабный: он касается сознательного и суверенного терминологического выбора. Уровень проблемы, стоящей за этим выбором, вполне сопоставим, поскольку термины обычно рождаются там, где впервые разрабатываются соответствующие технические системы, и для Китая, начавшего в этой сфере с догоняющего развития, это создает асимметрию особого рода. Страна, которая уже

сейчас является одним из ведущих разработчиков и пользователей ИИ и технологий больших данных, продолжает при этом думать, рассуждать и проектировать с использованием категорий, пришедших из английского языка.

Одна из таких категорий – токен – кажется маловероятным объектом политического и общественного внимания: это специальная единица, с помощью которой большие языковые модели делят и обрабатывают информацию. Дискуссия о выборе китайского эквивалента английского термина *token*, которую мы анализируем в настоящей статье, представляет собой уникальное окно не только в мир китайской терминологии, но и в то, как Китай превращает терминологическую стандартизацию в один из инструментов утверждения собственного места в глобальной экосистеме искусственного интеллекта и как пытается наполнить технические термины китайским культурным содержанием.

Отечественная литература заложила основу для изучения китайской терминологии. В трудах отечественных китаеведов В.И. Горелова, О.П. Фроловой, А.А. Хаматовой и других специалистов рассмотрены основные механизмы современного китайского словообразования, калькирования, семантического заимствования и системной организации специальной лексики [Горелов, 1984; Фролова, 2011; Хаматова, 2003]. Учеными затрагивались вопросы развития некоторых китайских терминосистем (прежде всего экономической лексики), а также стандартизации и терминоведения [Ивченко, 2020; Очиров, 2013]. С точки зрения психолингвистики проблема восприятия ИИ исследуется в статье Ю.Е. Арекеевой и Ю.И. Бедненко [Арекеева, Бедненко, 2025], вместе с тем работы по китайской терминологии искусственного интеллекта пока носят фрагментарный характер.

Выбор китайского эквивалента термина токен до настоящего времени не становился предметом систематического изучения ни в отечественной, ни в англоязычной зарубежной научной литературе. Это прежде всего объясняется относительной новизной самой темы: официальная приоритетная рекомендация термина 词元 (*цыюань*) и последовавшая за ней профессиональная и общественная дискуссия являются недавними событиями. Настоящая статья стремится восполнить существующий пробел путем анализа конкурирующих китайских эквивалентов термина токен и причин выбора 词元. На основе дискуссии в журнале «Китайская научно-техническая терминология» (中国科技术语, *Чжунго кэцзи шуюй*) и других научных публикаций рассматриваются аргументы и контраргументы китайских лингвистов и терминоведов. Пример с китаизацией «токена» выявляет более общие принципы формирования терминологии искусственного интеллекта в КНР. Сочетание лингвистического анализа с изучением государственной политики, позиции академического сообщества и общественных настроений позволяет рассматривать термины и как языковые единицы, и как элементы китайской суверенной системы производства знания.

Токен в китайском языке: конкурирующие варианты перевода

Для понимания того, почему перевод термина токен на китайский язык оказался столь сложной задачей, необходимо выяснить, какую функцию токен выполняет в

системах ИИ, и прежде всего в сфере генеративного ИИ. В больших языковых моделях (*LLM*), в том числе используемых в *ChatGPT* и моделях семейства *DeepSeek*, токенизация представляет собой процесс разбиения текста на дискретные единицы, которые модель способна обрабатывать. Такими единицами могут быть отдельные символы, слова, знаки препинания, числа или части слов.

Применительно к китайскому языку процесс токенизации имеет собственную специфику. В отличие от русского или английского, где слова в предложениях естественным образом разделяются пробелами, которые могут выступать одним из ориентиров, китайский текст требует более сложной алгоритмической сегментации. В зависимости от используемого токенизатора один китайский иероглиф может составлять отдельный токен, тогда как несколько иероглифов могут объединяться в один токен. Такая вариативность делает само понятие особенно трудным для передачи единым китайским термином, тем более что оно должно охватывать и быстро развивающуюся сферу мультимодального искусственного интеллекта, где токенами могут называться также единицы представления изображений, звука и других данных.

Значение токена не ограничивается лишь технической обработкой информации. Как подчеркивал профессор Университета Цинхуа Ян Бинь, токен превратился в «базовую единицу измерения эпохи искусственного интеллекта», одновременно являясь информационной, вычислительной и расчетной единицей при предоставлении сервисов ИИ [Zhao, 2026].

Если в русском языке термин «токен» в значении единицы обработки данных был заимствован напрямую через транслитерацию и успешно прижился среди специалистов IT-сферы, в китайской практике изначально возникла конкуренция нескольких вариантов перевода. По нашему мнению, необычайно широкий спектр китайских эквивалентов термина токен стал результатом действия нескольких взаимосвязанных факторов.

Во-первых, исходный английский термин отличался высокой многозначностью и ко времени бума ИИ использовался в кибербезопасности, блокчейне, программировании и лингвистике. С распространением больших языковых моделей он приобрел новое, еще не вполне закрепившееся значение, что допускало вариативность перевода.

Во-вторых, широкое распространение ИИ-технологий в Китае вовлекло в обсуждение инженеров, лингвистов, интернет-платформы, специалистов по терминологии и обычных пользователей, причем каждая из этих групп акцентировала внимание на разных аспектах данного понятия.

В-третьих, интерес государства к стандартизации в сфере ИИ постоянно нарастал. Перспектива нормативного закрепления единого китайского эквивалента токена усиливала экспертную конкуренцию и тем самым стимулировала поиск наиболее точного и приемлемого наименования.

Наконец, характерное для китайского языка стремление к семантически прозрачным и морфологически правильно построенным терминам способствовало созданию собственно китайских сложных слов вместо использования транслитерации, что, в свою очередь, привело к появлению множества вариантов наименования.

Конкуренция различных способов передачи иностранного понятия сама по себе не является новым явлением для китайского языка. По крайней мере со второй поло-

вины XIX в. освоение западной научной и общественно-политической лексики нередко сопровождалось периодами «лингвистического плюрализма» – сосуществованием и соперничеством транскрипций, новых семантически мотивированных образований и традиционных слов, получавших новое значение [Lackner et al., 2001; Лукин, 2015].

Предлагаемую ниже классификацию следует рассматривать как рабочую аналитическую модель, а не как жесткую таксономию. Она основана прежде всего на доминирующем механизме, посредством которого каждый китайский эквивалент вошел в оборот: прямом сохранении или фонетической адаптации английского термина, переносе из другой технологической области, использовании существующей лингвистической категории либо создании нового семантически мотивированного сложного слова. Иными словами, классификация описывает различные модели лексического заимствования, семантического переноса и терминообразования, а не строго разграниченные классы слов.

При этом отдельные варианты могут сочетать признаки нескольких моделей. Например, термин может быть заимствован из другой области вычислительной техники и одновременно обладать внутренней формой, значимой в китайской языковой традиции, либо сочетать лингвистическую мотивированность с более широким концептуальным пониманием искусственного интеллекта. Поэтому выделенные категории отражают прежде всего основную стратегию номинации, воплощенную в каждом варианте, а не его единственный источник происхождения, место в хронологии, частотность употребления или степень признания.

Такой подход позволяет перейти от простого перечисления конкурирующих переводов к анализу различных способов, с помощью которых в Китае пытались переосмыслить и адаптировать английский термин, встроив его в существующие системы понятий и используя словообразовательные ресурсы китайского языка.

1. Сохранение английского термина, фонетическое заимствование, каламбурная транскрипция

Формы, сохраняющие английское обозначение либо воспроизводящие его звучание средствами китайского языка, были самым простым решением. Термин токен в неизменном виде широко употреблялся в технической документации, профессиональном жаргоне и даже в официальном дискурсе, поскольку обеспечивал преемственность международного узуса и позволял говорящему не связывать себя ни с одним конкретным китайским определением. Недостаток этого решения был столь же очевиден: оно не помогало читателям, незнакомым с международной технической лексикой, понять содержание понятия и плохо встраивалось в китайскую терминологическую систему.

托肯 (*токэнь*) представлял собой попытку решить проблему путем прямого фонетического заимствования. Подобно таким закрепившимся транскрипциям, как 比特 (*битэ*, «бит»), он позволял избежать ложной точности, возникающей при неудачном смысловом переводе. В качестве альтернативного варианта иероглифической записи иногда встречалась родственная форма 拓肯 (*токэнь*). Однако оба эти варианта могли рассматриваться как временное решение, поскольку они сохраняли «иностранное

звучание» и не раскрывали содержание понятия, а потому уступали сложившейся в китайском языке традиции создавать семантически понятные термины.

偷啃 (*тоукэнь*), буквально «украдкой откусывать» или «тайком грызть», сочетал фонетическое сходство с юмористическим образом токенизатора, который как бы «откусывает» небольшие кусочки от более крупного массива. Согласно другому объяснению, популярному на сетевых форумах, токены незаметно «съедают» деньги пользователей при оплате сервисов ИИ. Эту каламбурную адаптацию следует понимать скорее как фонетико-семантическую игру, чем как серьезного кандидата на научную стандартизацию. Для историка терминологии ценность данного варианта заключается в другом. Он показывает, что дискуссия вышла за пределы профессионального сообщества и стала предметом сетевого языкового творчества.

2. Межотраслевые заимствования из информатики, кибербезопасности и блокчейн-сферы

Речь идет о ситуации, когда ранее закрепившиеся эквиваленты слова токен переносились из смежных технологических областей в дискурс об искусственном интеллекте. В этой категории самым распространенным вариантом был 令牌 (*линпай*). В компьютерных сетях и кибербезопасности он обозначает объект или закодированное удостоверение, предоставляющее доступ или подтверждающее личность, как в сочетании 访问令牌 (*фанвэнь линпай*, «токен доступа»). Его буквальная связь с дощечкой или знаком полномочий делает логику термина легко понятной: обладание 令牌 (*линпай*) позволяет совершить определенную операцию. Однако здесь идея авторизации переносится в контекст больших языковых моделей, где токен никак не связан с авторизацией. Еще один кандидат – 权标 (*цюаньбяо*), «маркер полномочий» или «маркер привилегий», был намного теснее связан с правами доступа и управлением разрешениями, поэтому хуже переносился в сферу ИИ.

С развитием блокчейн-технологий широкое распространение получили термины 代币 (*дайби*, «токен» как цифровая валюта, «замещающая валюта») и 通证 (*тунчжэн*, «токен-сертификат», «обращающийся сертификат»). По мере коммерциализации искусственного интеллекта, когда токен превратился в расчетную единицу при оплате *API* больших языковых моделей, некоторые представители ИИ-отрасли начали использовать именно эти варианты. Однако данные термины несли слишком ярко выраженную ассоциацию с индустрией криптовалют, что затрудняло формирование у широкой аудитории адекватного представления о принципах работы языковых моделей. Сюй Фэй подчеркивал, что заимствования из технологий блокчейна, акцентируя коммерческую ценность токена, игнорируют его лингвистическую и вычислительную природу в технологиях ИИ. Кроме того, они несут ярко выраженную ассоциацию с криптоиндустрией и способны вызвать у широкой аудитории ошибочное представление о фундаментальных принципах работы моделей ИИ [Xu, 2026]. Нежелательная семантическая связь с технологией блокчейна ранее отмечалась и другими исследователями. Как писала Лю Цзиньтин, «в китайской терминологической практике различным понятиям, как правило, присваиваются разные китайские названия с максимально возможным соблюдением принципов однозначности и научности» [Liu, 2020, p. 67].

3. Описательные обозначения через понятия метки и знака

Варианты в этой категории представляли токен как метку, знак, обозначение или символ, при этом не содержали указания на его статус как вычислительной единицы.

Формы 标记 (*бяоцзи*), 记号 (*цзихао*) и 符号 (*фухао*) возвращались к более старому лексическому значению слова токен как метки или знака. Они были менее уязвимы для отраслевых искажений, чем 令牌 (*линпай*) или 代币 (*дайби*). Кроме того, они достаточно хорошо соответствовали терминологии компиляторов: лексический анализатор преобразует входной поток в последовательность распознаваемых элементов, которые в широком смысле можно описать как «метки» или «символы».

Однако широта семантического поля этих слов была одновременно их преимуществом и недостатком. Например, 标记 (*бяоцзи*) может обозначать практически любую метку, тег, знак или аннотацию. Изначально первый иероглиф означал «верхушку» или «конец дерева». В традиционном написании иероглиф 標 (бяо) состоит из ключа 木 «дерево» и фонетического компонента 票. Постепенно происходило расширение значения: сначала иероглиф стал обозначать выступающую и хорошо заметную часть предмета, затем заметный шест, позднее ориентир, знак или указатель. На этой основе у иероглифа появились глагольные значения «обозначать» и «помечать». Применительно к токену *бяоцзи*, передавая идею маркирования, в то же время не показывает, идет ли речь о входном фрагменте, элементе словаря, конкретном употреблении, числовом идентификаторе или управляющем символе. 记号 (*цзихао*) столь же обобщен и может создавать впечатление внешне добавленного обозначения, а не единицы, полученной в результате токенизации. 符号 (*фухао*) верно подчеркивает символическую форму, но значительно шире понятия токена: каждый токен может функционировать как символ, однако далеко не каждый символ является токеном.

Среди предлагавшихся переводов встречались и составные выражения из четырех иероглифов, призванные точнее передать отдельные свойства токена.

词汇标记 (*цыхуэй бяоцзи*), «лексический маркер», сужал значение, помещая единицу в лексикон. Он был более информативен в лексическом анализе, однако применительно к сфере ИИ, тем более в мультимодальных моделях, мог создавать излишне тесную ассоциацию со словарным составом естественного языка.

语义符号 (*юйи фухао*), «семантический символ», представлял собой попытку отличить токены от бессмысленных физических меток, подчеркнув их роль в передаче или порождении значения. Проблема состоит в том, что токен не обязательно обладает самостоятельно извлекаемым семантическим содержанием. Часть слова, знак препинания или служебный токен (обозначающий, например, начало либо конец последовательности) могут приобретать функцию только в сочетании с другими единицами. Значение часто возникает композиционно и контекстуально, а не содержится внутри каждого отдельного токена. Поэтому *юйи фухао* может сигнализировать о самостоятельной смысловой содержательности токена, которая не является его обязательным свойством. Кроме того, стремление к смысловой точности делало такие варианты из четырех иероглифов слишком громоздкими, тогда как базовый технический термин должен быть кратким и удобным в употреблении.

4. Существующие лингвистические термины и дисциплинарные приближения

При передаче значения термина «токен» делались попытки использовать обозначения, заимствованные из корпусной и структурной лингвистики либо основанные на традиционных единицах морфологического анализа.

Наиболее теоретически обоснованные альтернативы происходили из различия между *type* и *token* в философии, семиотике и корпусной лингвистике. В этой традиции *type* представляет собой повторяемую абстрактную форму, а *token* – конкретное употребление этой формы. Различие проще всего показать на примере фразы *rose is a rose*. В ней четыре отдельных употребления слов, то есть четыре токена, но только три разных слова: *rose, is* и *a*. Иными словами, токеном называется каждое конкретное появление слова в тексте, а типом – само слово как повторяющаяся единица языка [Wetzel, 2009].

В китайской научной литературе это различие обычно передавалось парой 类符 (*лэйфу*, «тип-форма») и 形符 (*синфу*, «форма-употребление»), хотя порядок компонентов и конкретная терминология могли различаться. У *синфу* есть важное концептуальное преимущество: он сохраняет значение конкретного экземпляра, присущее исходному лингвистическому понятию токен.

词例 (*цыли*), буквально «пример употребления слова» или «словоупотребление», выражает ту же идею более прозрачно. При подсчете в корпусе три появления одного и того же слова могут быть описаны как три *цыли*, относящиеся к одному словесному типу. Этот термин понятнее, чем *синфу*, однако сохраняет ограниченность, связанную со словом: токены современных моделей не обязательно являются словами или даже лингвистически целостными частями слов.

Более глубокая проблема заключается в том, что употребление слова токен в сфере ИИ уже не полностью совпадает с традиционным понятием конкретного экземпляра. В документации моделей токен может обозначать элемент словаря токенизатора, конкретное употребление этого элемента в последовательности, присвоенный ему числовой идентификатор или, по метонимическому переносу, единицу измерения контекста и расчета стоимости. Поэтому термин, созданный исключительно для выражения значения «экземпляр», сохраняет важную часть истории понятия, но не охватывает все случаи его современного технического употребления.

语素 (*юйсу*), «морфема», был еще одним привлекательным приближением, поскольку морфемы традиционно рассматриваются как минимальные значимые единицы. Однако как общий эквивалент он технически неточен. Границы токенов определяются токенизатором и не обязаны совпадать со строгими морфологическими границами. Одна морфема может быть разделена на несколько токенов, тогда как один токен может включать несколько морфем либо произвольную последовательность символов или байтов. Использование *юйсу* означало бы замену вычислительной категории, зависящей от модели, закрепленной лингвистической категорией, определяемой по иным критериям.

Более поздний компромиссный вариант 符例 (*фули*), «экземпляр или пример символа», представлял собой попытку сохранить идею конкретного употребления, не ограничивая объект словами. Теоретически он экономичен, однако сравнительно малоизвестен и хуже образует естественные инженерные сочетания вроде «стоимость токенов» или «бюджет токенов».

5. Лингвистически мотивированные неологизмы

Данная группа неологизмов связывала токен со словом, письменным знаком или элементарной единицей текста. Определяющая стратегия заключалась в сочетании компонента, связанного с языком, с существительным, обозначающим элементарную составную часть.

词元 (*цыюань*) в конечном счете стал самым сильным кандидатом. Его структура компактна: 词 (*цы*) связывает понятие со словами или языком, тогда как 元 (*юань*) указывает на элемент или базовую единицу. Термин уже был указан среди китайских переводов слова токен в обзоре Лю Цзиньтин 2020 г. [Liu, 2020], поэтому решение 2026 г. не предложило нового, а выделило в качестве ведущего один из ранее предложенных вариантов. Более подробно мотивы выбора и возражения критиков мы разберем ниже.

Альтернативные решения внутри этой группы состояли в изменении первого или второго иероглифа. 语元 (*юйюань*), «языковая единица», избегал узкого отождествления со словом, но становился слишком широким: фонемы, морфемы, словосочетания и предложения также являются языковыми единицами. 词符 (*цыфу*), «словесный знак», подчеркивал символическую форму, но неясно выражал статус единицы и оставался привязанным к тексту. 字元 (*цзыюань*), «иероглифическая/символьная единица», мог в первую очередь использоваться там, где токены совпадали с отдельными символами. Он не мог охватить токены, представляющие собой многосимвольные последовательности или фрагменты байтового представления. Кроме того, на Тайване 字元 уже закрепился в информатике как перевод английского *character* (знак), то есть как обозначение отдельной буквы, цифры, знака препинания или иного символа, обрабатываемого компьютером. Официальные материалы САР Гонконг приводят для *character* наряду с 字符 (*цзыфу*) также и 字元 (*цзыюань*). Использование того же слова для *token* создавало бы терминологическую путаницу.

Наиболее важными соперниками были 符元 (*фуюань*, «символическая единица») и его «зеркальный» вариант 元符 (*юаньфу*). Хотя термины потенциально были способны обозначать и мультимодальный контекст, их недостатками были меньшая известность и возможная ассоциация с символическим ИИ, способная ошибочно создать впечатление, будто современные модели работают на основе символической архитектуры. Символический ИИ (*symbolic AI*) был главным направлением исследований до конца 1980-х гг. Он решал задачи с помощью заранее заданных понятий, фактов и логических правил. Нынешние модели нейросетевого ИИ не получают готового набора правил, а обучаются на больших массивах данных.

6. Концептуально мотивированные неологизмы

Еще одна группа терминов пыталась описать токен не через его лингвистическое происхождение, а через предполагаемую функцию в искусственном интеллекте.

智元 (*чжиюань*), «единица интеллекта», представлял токен как элементарную составляющую машинного интеллекта. Он был кратким, запоминающимся и легко включался в производные выражения. Незадолго до официального решения он также получил поддержку в отраслевых дискуссиях об ИИ. Однако *чжиюань* явно преувеличивает содержание отдельного токена. Токен является единицей, несущей инфор-

мацию и обрабатываемой интеллектуальной системой, но сам по себе он не обладает интеллектом. Поэтому при буквальном прочтении эта форма способна немотивированно перенести особенности ИИ на внутреннее свойство самого токена. 新智元 (*синь чжиюань*), «новая единица интеллекта», усиливал ту же интерпретацию и добавлял экономическую ассоциацию через 元 (*юань*), создавая впечатление некоей новой валюты, однако в целом этот неологизм имел очевидный рекламный оттенок.

Термин 模元 (*моюань*), «единица модели», был сконструирован не без изящества. Здесь 模 (*мо*) одновременно отсылает к 大模型 (*да мосин*, «большие модели») и 多模态 (*домотай*, «мультимодальность»), тогда как 元 (*юань*) обозначает базовую единицу. Предложение напрямую отвечало на главный недостаток, приписываемый *цыюань*, поскольку *моюань*, семантически не связанный со словом, мог обозначать текст, изображения, звук, видео или входные данные агента без необходимости метафорически переопределять все эти элементы как «слова».

Возражение состояло в том, что токен обрабатывается моделью, но не обязательно является составной частью ее архитектуры. *Моюань* может восприниматься как «элемент модели», создавая путаницу с модулями, параметрами или архитектурными компонентами. Кроме того, он связан с нынешней популярностью понятий «большая модель» и «мультимодальность», тогда как технический термин в идеале должен быть более устойчивым и сохранять применимость независимо от смены архитектурных подходов.

数元 (*шуюань*), «единица данных» или «числовая единица», подчеркивал дискретизацию и машинную обработку. Он указывал, что токены преобразуются в числовые идентификаторы или представления, однако мог создавать путаницу между самим токеном и его идентификатором либо вектором. Токены не обязательно являются числами; вычислительная система лишь присваивает им числа или векторы. Кроме того, понятие «единица данных» настолько широко, что не позволяет отличить токены от байтов, записей, признаков или иных представлений.

义节 (*ицзе*), приблизительно «смысловой сегмент», трактовал токенизацию как семантическое членение. Он отражал интуитивное представление о том, что модели в конечном счете используют токены для построения или обработки значения. Его недостаток был сходен с обозначенной выше проблемой 语义符号 (*юйи фухао*): многие токены не соответствуют самостоятельным смысловым сегментам.

Другие предложения более явно следовали той же стратегии. 知元 (*чжиюань*), «единица знания», защищался как мультимодальный носитель фрагментов знания, однако токен не обязательно кодирует отдельную единицу знания. 智子 (*чжицзы*), «частица интеллекта», заимствовал продуктивный научный суффикс 子 (*цзы*) из таких слов, как 原子 (*юаньцзы*, «атом») и 电子 (*дяньцзы*, «электрон»), придавая термину интуитивную выразительность, но вновь приписывал самой единице интеллект. Еще один похожий вариант 词节 (*цыцзе*), «словесный сегмент», подчеркивал процесс сегментации, однако оставался привязанным к тексту. 算元 (*суаньюань*), «вычислительная единица», и 算码 (*суаньма*), «вычислительный код», выдвигали на первый план вычисление и измерение, но были недостаточно специфичны: слишком многие объекты в вычислительной системе являются вычислительными единицами или кодами.

Все эти формы выявляют повторяющуюся проблему. Каждая из них выбирала одну заметную роль – интеллект, знание, моделирование, данные, значение или вычисление – и превращала ее в сущность токена. Их кажущаяся точность нередко достигалась ценой чрезмерного сужения понятия или приписывания ему свойств, которые в действительности принадлежали более широкой системе, а не самому токену.

7. Философские и культурные неологизмы

Пожалуй, наиболее амбициозные в культурном отношении предложения исходили от сторонников включения традиционной китайской философии в терминологию искусственного интеллекта.

В 2024 г. Чжан Цинжуй (张庆瑞), известный тайваньский специалист по квантовым вычислениям и физике магнитных материалов, предложил термин *даоюань* (道元, «единица Дао») [Zhang Qingrui, 2024]. По его мнению, подобно тому, как Дао порождает все сущее, «искусственный интеллект также начинает работу с генерации одного токена, затем двух, трех и бесконечного множества токенов». В этом предложении содержалась прямая ссылка на известную формулу из «Дао дэ цзина»: 道生一，一生二，二生三，三生万物 – «Дао рождает Одно. Одно Двоих рождает. Двое рождают Трех, Трое рождают все сущее»[1]. Чжан Цинжуй полагал, что соединение понятия токен с идеями Лао-цзы «не только свяжет древность с современностью и объединит китайскую и западную мысль, но, что еще важнее, обеспечит удачное сочетание звучания и смысла» [Zhang Qingrui, 2024, p.40].

Далее Чжан Цинжуй противопоставляет свою идею формуле американского физика-теоретика Джона Уилера *it from bit*, согласно которой физическую реальность в конечном счете можно понимать через базовые единицы информации – биты. Чжан утверждает, что бит слишком ограничен, поскольку выражает лишь простое бинарное различие «да или нет». Вместо этого он предлагает понятие *даоюань* – единицы, способной, с его точки зрения, представлять не только информацию, но также смысл, факты и логические связи. Предложенная Чжан Цинжуем формула 万物皆道元 (*ваньу цзе даоюань*) «все вещи суть даоюань (элементы Дао)» представляется как китайская философская альтернатива формуле Уилера *it from bit* [Zhang Qingrui, 2024, p. 43]. В целом сопоставление носило риторический, а не содержательный технический характер: его целью было наделить цифровую единицу узнаваемой китайской философской генеалогией, а не определить, как токен функционирует в модели ИИ.

Эту идею в переработанном и существенно дополненном виде Чжан Цинжуй изложил в совместной статье с Чжан Чжунхуном в журнале «Китайская научно-техническая терминология» (中国科技术语/*Чжунго кэцзи шуюй*) [Zhang Zhonghong, Zhang Qingrui, 2025]. Авторы предлагают расширенную формулу в стиле традиционного китайского трактата: 物化道元，道生万物，万物皆道元，一切来自道元 (*уxуа даоюань, дао шэн ваньу, ваньу цзе даоюань, ище лайцзы даоюань*), которую можно перевести так: «вещи преобразуются в *даоюани*, Дао порождает все сущее, все сущее есть *даоюани*, все происходит из *даоюаней*». Здесь *даоюань* выступает уже не просто как китайский перевод слова токен, а становится мистической первоосновой, с по-

[1] Перевод Евгения Алексеевича Торчинова (1956–2003). См. Даосизм. «Дао-Дэ цзин». 2-е изд. / Пер. Е.А. Торчинова. СПб.: «Азбука-классика»; «Петербургское Востоковедение», 2004. С. 229.

мощью которой ИИ представляет мир и порождает новое знание. Стоит упомянуть еще один интересный сюжет, навеянный китайской классикой. В рассуждениях о моделях ИИ в статье широко используется идея 易 (*и*, «перемены») – ключевое понятие «И цзин» (Книги перемен): сложное можно разложить на простые элементы, а затем, изменяя и комбинируя их, создавать новые формы. Именно так авторы предлагают понимать и генеративный ИИ. Особенности китайского языка – многозначность иероглифов и гибкие связи между ними – они также рассматривают как возможную универсальную модель обращения со смыслом. В результате предложение нового перевода превращается в гораздо более широкую попытку описать работу генеративного ИИ средствами китайской философии и даже поэзии. Статья заканчивается следующим стихотворением, которое авторы пытались выдержать в классической традиции:

取日月为假, 欲名本绵绵, 借地天同尘, 俾思以空閒。宇寰非位元, 魂魄亦无源, 唯待道元出, 方知天地言[2]。

[Zhang Zhonghong, Zhang Qingrui, 2025, p. 63].

* * *

Луна и солнце – свет на краткий миг,
Не выразят немую бесконечность,
И путь земной, где разум наш постиг
Души глубины и ее же вечность.
Бездушен бит. Вселенная вовек
В пустых нулях свободно не задышит,
Лишь голос Дао, смыслов оберег,
Вернет язык, который разум слышит.
(*Поэтический перевод автора статьи)*

Идея *даоюань* хорошо воспринимается интеллектуальной китайской аудиторией, поскольку предлагает не просто термин, а помещает генеративный ИИ в китайский космологический нарратив об элементарных началах и порождении множественности. Но именно в этом состоит главный терминологический недостаток. Элемент Дао не обозначает никакого наблюдаемого технического процесса, отличающего токенизацию от других операций. Аналогия между тем, как «Дао порождает все множество вещей», и тем, как ИИ шаг за шагом порождает новые токены, философски выразительна, но в техническом отношении поверхностна, поскольку ничего не говорит о свойствах самого токена.

Утверждение авторов о том, что английская и китайская токенизация принципиально различаются вследствие предполагаемой простоты одной письменности и сложности другой, также искажает процесс, который зависит от обучающих данных,

[2] Примерный подстрочник: Вижу в Солнце и Луне нечто заимствованное, желая назвать изначальный корень непрерывно длящимся. Заимствую у Неба и Земли, чтобы слиться с пылью, дабы мысли обрели пустоту и покой. Вселенная – не бит, земная и небесная души лишены истока. Остается ждать, когда появится *даоюань*, только тогда познаем слова Неба и Земли.

состава словаря и устройства токенизатора, а не только от особенностей текста. В сочетании с обращением Чжан Чжунхуна и Чжан Цинжуя к уникальности китайской философии такое противопоставление приобретает элементы культурного национализма. Специфика китайского языка, значимая с точки зрения ИИ-моделей, интерпретируется как свидетельство его особого смыслового богатства. Китайский описывается как более трудный язык для токенизации, но одновременно и «более богатый по смыслу» (意义更丰富, *ии гэн фэнфу*) [Zhang Zhonghong, Zhang Qingrui, 2025, p.59]. Это уже придает техническому сравнению явный ценностный оттенок.

К числу культурно мотивированных вариантов передачи смысла токена относились 筹元 (*чоуюань*) и 筹 (*чоу*). Их основой стал исторический китайский образ 筹 (*чоу*) – счетных палочек, обычно бамбуковых, которые использовались для вычислений[3]. 筹元 (*чоуюань*) пытается представить токен как счетную или вычислительную единицу с китайской культурной родословной, не философской, как *даоюань*, а связанной с традиционной практикой счета. На этой основе предлагался вариант 筹码 (*чоума*), усиливающий значение жетона или единицы стоимости, а также 词筹 (*цычоу*), по сути «словесная счетная палочка», соединявшая понятие языковой единицы с традиционным образом счетной палочки. Однако культурная мотивация всех вариаций была яснее, чем концептуальная определенность: термины представляли токены как счетчики, используемые для вычислений или обмена, тогда как токены прежде всего являются единицами представления, определяемыми моделью.

Хотя культурно окрашенные варианты так и не получили широкого распространения, сам факт их появления отражал важную тенденцию дискуссии – стремление встроить китайские традиции в терминологию искусственного интеллекта и тем самым подчеркнуть интеллектуальный суверенитет страны в области технологий, где Китай все активнее занимает лидирующие позиции.

Почему был выбран 词元 (*цыюань*): лингвистические и терминологические аргументы

До официальной рекомендации использовать термин 词元 (цыюань) китайские государственные органы, как правило, сохраняли английскую форму token, иногда сопровождая ее пояснительным определением, а с 2025 г. цыюань стали представлять в качестве разъясняющего эквивалента – токен, обычно называемый цыюань (token, 也就是大家通常所说的词元; token, е цзю ши дацзя тунчан со шо дэ цыюань) [Wenzi shilu…, 2025]. Такую практику можно интерпретировать как проявление институциональной и семантической осторожности, а также поэтапной стандартизации новых терминов.

[3] Согласно китайским письменным источникам и археологическим находкам, счетные палочки существовали по меньшей мере в V в. до н. э. в начале периода Сражающихся царств. Счет на палочках позволял совершать арифметические действия, а также, как свидетельствуют более поздние сочинения, выполнять сложные математические операции, включая возведение в степень и извлечение корня, обозначать и использовать в вычислениях ноль, отрицательные числа и дроби.

Сохранение английской формы обеспечивало прямое соответствие международной технической документации, моделям ценообразования *API* и отраслевым метрикам, одновременно позволяя избежать преждевременного выбора китайских вариантов. Кроме того, до распространения *ChatGPT* (*OpenAI)* и аналогичных сервисов в Китае токенизация обсуждалась главным образом в научных работах, стандартах по обработке естественного языка и технической документации, а не в политико-нормативных актах. Даже после появления генеративного ИИ официальные документы, начавшие выходить с 2023 г., описывали технологию на более общем уровне и не нуждались в обозначении внутренней единицы обработки модели.

Примечательной особенностью процесса стандартизации является влияние технологических гигантов. Когда команда *Alibaba,* работающая над моделью *Qwen*, создала высокооптимизированный токенизатор для решения проблемы «токенной неэффективности» китайского языка в западных моделях, во внутренней документации и последующих технических публикациях она широко использовала понятийную систему *цыюань*. Тем самым индустрия ИИ ускоряла принятие общегосударственного стандарта, соответствующего де-факто сложившейся практике. Эти симбиотические отношения между органами стандартизации и технологическими компаниями являются одной из определяющих черт китайской лингвистической среды в сфере ИИ, поскольку обеспечивают не только академическую и нормативную обоснованность терминологии, но и ее практическую применимость в индустрии.

Всекитайский комитет по утверждению научно-технической терминологии 25 марта 2026 г. рекомендовал 词元 (*цыюань*) в качестве предпочтительного китайского эквивалента термина токен, однако пока лишь для пробного использования до окончательного утверждения [Quanguo kexue jishu…, 2026]. Незадолго до этого общегосударственный норматив по языку и письменности GF 0031–2026, опубликованный 2 марта 2026 г. Министерством образования и Государственной комиссией по языку и письменности КНР, также включал *цыюань*. В разделе 3.1.4 词元 (*цыюань*) соотносится с токеном и определяется как «минимальная базовая единица исходного текста, которая может быть идентифицирована и смоделирована». Далее уточняется, что такой единицей может быть слово, субслово, знак или элементарный мультимодальный код, а также закрепляется вариант 词元化 (*цыюаньхуа*) для обозначения токенизации, то есть «процесса сегментации текста на токены» [Rengong Zhineng…, 2026, p. 1].

Хотя GF 0031–2026 не является национальным стандартом, он относится к отдельной категории официальных норм в области языка и письменности (语言文字规范, *юйянь вэньцзы гуйфань*). Его адресатами являются разработчики и операторы корпусов, компании-разработчики ИИ, научные и образовательные учреждения, издатели технической документации и государственные учреждения, если они используют соответствующую терминологию. Таким образом, документ придает *цыюань* определенную степень государственного авторитета, которую ни профессиональное употребление, ни поддержка со стороны экспертов сами по себе обеспечить не могли.

Хронология событий указывает на сближение двух частично независимых механизмов – разработки языковых норм и унификации научно-технической терминологии. При этом по одному каналу *цыюань* уже вошел в официальный нормативный

документ, тогда как по-другому он все еще представлялся обществу как предпочтительное обозначение, требующее дальнейшей апробации. Такая рассинхронизация во многом вызвана особым положением искусственного интеллекта и скоростью его развития в Китае. Практическая потребность в единой терминологии возникла раньше, чем два механизма стандартизации успели полностью согласовать свои процедуры.

Официальное обоснование выбора *цыюань* строилось на нескольких взаимодополняющих аргументах. Заместитель председателя Всекитайского комитета по утверждению терминологии в области компьютерных наук и технологий и руководитель его подкомитета по искусственному интеллекту Чэнь Силинь объяснил, что термин наиболее точно выражает «первоначальную сущность токена как базовой семантической единицы языка» и поэтому лучше всего соответствует его исходной функции в искусственном интеллекте [Gao, 2026].

Особое внимание разработчики уделили наиболее серьезному возражению против нового термина – его применимости в эпоху мультимодальных моделей. В пояснениях отмечалось, что по мере перехода больших моделей от работы исключительно с текстом к обработке изображений, аудио и других типов иероглиф 词 (*цы*) в составе 词元 (*цыюань*) перестает обозначать «слово» в узком лингвистическом смысле и приобретает более широкое значение. Иначе говоря, дискретные базовые единицы нетекстового характера рассматриваются как своего рода «обобщенные слова» (广义的词, *гуан'и дэ цы*).

Еще одним достоинством перевода считалась его стилистическая согласованность с уже сложившейся китайской терминологией ИИ, а также то, что *цыюань* является компактной конструкцией из двух иероглифов, соответствующей традиционным моделям китайского словообразования и одновременно обеспечивающей необходимую научную точность. Выбор первого компонента 词 согласуется и с уже сложившейся системой китайской лингвистической терминологии, в которой он используется, к примеру, в таких понятиях, как 词根 *(цыгэнь*, «корень»), 词缀 (*цычжуй,* «аффикс»), 词形 (*цысин*, «словоформа») и 词源 (*цыюань*, «этимология»). Сама эта терминологическая система во многом формировалась в процессе освоения западного языкознания и под значительным влиянием японской научной терминологии конца XIX – начала XX в. Поэтому включение *цыюань* в уже привычный ряд терминов с компонентом 词 (*цы*) на новом этапе воспроизводило ранний механизм адаптации иностранных научных понятий средствами китайского словообразования. Благодаря этому новое обозначение воспринималось не как чуждый неологизм, а как элемент знакомого терминологического ряда.

Дискуссия вокруг перевода *token* неизбежно вызвала обращение к знаменитому принципу 信达雅 (*синь, да, я*) – «верность, выразительность и изящество», сформулированному философом и переводчиком Янь Фу (严复, 1854–1921). Три критерия были предложены еще в 1898 г. в предисловии к китайскому переводу книги Томаса Генри Гексли *Evolution and Ethics* («Эволюция и этика») и по-прежнему служат одним из важнейших ориентиров китайской переводческой традиции. Сюй Фэй специально рассмотрел термин *цыюань* через призму этой классической концепции и пришел к выводу, что именно данный вариант наиболее успешно сочетает все три принципа.

С точки зрения верности оригиналу новый термин максимально точно соответствует основному определению токена в сфере искусственного интеллекта как минимальной языковой или информационной единицы, обрабатываемой большими моделями и служащей базовым носителем понимания, генерации и вычислений. Если иероглиф 词 (*цы*) сохраняет связь с языковым происхождением понятия, то 元 (*юань*) адекватно передает его техническую сущность как минимальной базовой единицы. Его понятность и выразительность определяются тем, что *цыюань* представляет собой естественное двусложное слово современного китайского языка, легко воспринимаемое носителями. К тому же термин обладает высокой словообразовательной и сочетательной продуктивностью. На его основе без труда формируются: 词元化 (*цыюаньхуа*) – токенизация; 词元长度 (*цыюань чанду*) – длина токена или длина последовательности; 词元计费 (*цыюань цзифэй)* – тарификация по количеству токенов. Именно такая способность порождать единообразную терминологическую систему, по мнению Сюй Фэя, устраняет коммуникационные трудности, возникшие из-за прежнего разнообразия переводов, и существенно облегчает распространение знаний об искусственном интеллекте.

Наиболее интересной частью анализа является интерпретация категории 雅 (*я*, изящество). Сюй Фэй подчеркивает, что иероглиф 元 (*юань*) обладает глубокой философской нагрузкой в китайской культуре. Он ассоциируется с такими понятиями, как исток, основание, первооснова, ядро, то есть обозначает фундаментальную единицу существования вещей. Использование этого иероглифа в терминологии ИИ отражает базовую логику функционирования технологии и одновременно сохраняет связь с китайской культурной традицией, позволяя избежать грубости буквального перевода. Кроме того, строгая и нормативная форма *цыюань* выгодно отличается от отраслевых вариантов вроде 代币 (*дайби*, «токен» в значении цифровой валюты) или различных разговорных импровизаций, соответствуя требованиям профессиональной научной терминологии [Xu, 2026].

Вместе с тем из статьи следует, что применение концепции Янь Фу к терминологии ИИ имеет определенные особенности и ограничения. Сюй Фэй по сути «осовременивает» категорию 雅, полагая, что сегодня в ее основе находится не словесная изысканность, а профессиональная строгость, лаконичность, сдержанность и соответствие характеру научной дисциплины [Там же]. Сам Янь Фу понимал под критерием 雅 (*я*) литературное изящество классического китайского языка, который был способен сделать западные идеи приемлемыми для китайской образованной элиты конца XIX в.

Современная научная терминология требует уже иного понимания «изящества». Сегодня оно заключается не в переводе новых технологий на язык литературной утонченности, а прежде всего в концептуальной ясности, системной согласованности и культурной укорененности. Именно поэтому, заключает Сюй Фэй, достоинство *цыюань* определяется не столько его эстетическими качествами, сколько способностью органично встроиться одновременно в существующую систему научной терминологии и в китайские философско-культурные представления [Xu, 2026].

Дискуссия после стандартизации: пределы терминологического консенсуса

Рекомендация *цыюань* в качестве официального приоритетного варианта вызвала очередную волну экспертного обсуждения. Этой теме был посвящен специальный раздел журнала 中国科技术语 (№ 3 за 2026 г.), авторы которого сосредоточились уже не столько на выборе конкретного перевода, сколько на более общем вопросе – по каким принципам должна в дальнейшем формироваться китайская терминология искусственного интеллекта.

Первая группа разногласий связана с тем, что именно должен обозначать термин. Фэн Чживэй исходит из обработки естественного языка и рассматривает токен как дискретную единицу хранения, обработки и обмена информацией. Он утверждает, что *цыюань* может выйти за рамки своего лингвистического происхождения и охватывать единицы изображений, аудио и видео, и даже рассматривает количество токенов как возможную меру объема услуг ИИ и уровня его интеллектуальных возможностей [Feng, 2026, p. 4–5]. Лин Чжэньхуа занимает более осторожную позицию, видимо близкую к мнению части инженерного сообщества. Одобряя выбор *цыюань*, он подчеркивает, что токен не обязательно является словом, и ставит вопрос о том, должны ли мультимодальные производные сохранять ту же основу, как в 语音词元 (*юйинь цыюань*, «речевой токен») и 视觉词元 (*шицзюэ цыюань*, «визуальный токен»), или для них нужны отдельные обозначения [Ling, 2026, p. 13–14]. Чжан Цзюньпин подходит к той же проблеме с другой стороны: если токены теперь используются для текста, изображений и звука, следует ли вообще сохранять в их названии акцент на языке? Предлагаемый им термин 知元 (*чжиюань*, «единица знания») представляет токен прежде всего как базовый носитель знания, а не как фрагмент языка [Zhang Junping, 2026, p. 6].

Второе направление дискуссии касается преемственности между научными дисциплинами. Юань Цзяхун утверждает, что терминология ИИ не может игнорировать более старое различие *type–token*: *type* – это абстрактная категория, тогда как *token* – одно конкретное ее воплощение. Поскольку реальные границы токенов зависят от используемого токенизатора, термин *цыюань* может вводить в заблуждение, создавая одновременно представление об устойчивой связи со словами и об абстрактной языковой единице, сопоставимой с лексемой [Yuan, 2026, p. 11–12]. Чэнь Гохуа предлагает парные термины 符类 (*фулэй*) и 符元 (*фуюань*) соответственно для *type* и *token* [Chen Guohua, 2026, p. 9–10]. Высказываясь в пользу *фуюань*, Кэ Пин и Хэ Кайда добавляют к лингвистической традиции технологические аргументы, делая акцент на функциональном понимании токена как дискретной единицы машинной обработки, применимой не только к тексту, но и к изображению и звуку [Ke, He, 2026, p. 12–13].

В основе этой части дискуссии лежит вопрос о том, должна ли китайская терминология ИИ сохранять понятийные структуры, унаследованные от прежних дисциплин, или прежде всего описывать непосредственные операции современных моделей. Развилка начинается с задаваемого вопроса: искать ли для token ближайшую языковую аналогию или, прежде всего, исходить из того, чем эта единица является для системы ИИ.

Третье направление дискуссии переносит внимание с конструирования понятий на социальное закрепление терминов. Ли Юймин утверждает, что окончательная судьба 词元 будет определяться не только теоретическими аргументами, но и реальным языковым употреблением [Li Yuming, 2026, p. 8–9]. Вань Цюань формулирует этот прагматический аргумент еще яснее: скорее всего закрепится не обязательно самый точный термин, а тот, который легче всего понять, запомнить и воспроизводить в учебниках, университетских аудиториях, СМИ и документации цифровых платформ. Он сравнивает терминологическую конкуренцию с войной форматов видеокассет: *Betamax* обладал техническими преимуществами, однако *VHS* победил, поскольку был дешевле, доступнее и поддерживался более крупной экосистемой. «*Цыюань* – это прежний *VHS*: хотя технически он несовершенен, рынок наделит его жизненной силой в процессе распространения», – уверен ученый [Wan, 2026, p. 10–11]. Фань Вэньцзе дополняет эту картину закрепления термина анализом носителей, которые превращают рекомендацию в устойчивую норму, прежде всего авторитетных словарей и образовательных материалов [Fan, 2026, p. 7].

Главный промежуточный итог напряженной дискуссии состоит в том, что перевод слова токен оказался только первым шагом. Теперь центр внимания смещается к более сложной задаче – созданию связной и устойчивой китайской системы понятий для ИИ. За дискуссией все отчетливее просматривается политическое измерение. Создание терминологии ИИ связывается с укреплением национальной системы стандартов, научной и культурной самостоятельности, права Китая формировать собственный дискурсивный порядок в ключевой сфере, обеспечивающей технологическое лидерство.

Государство, язык и формирование национальной терминологии ИИ

Политическое преломление экспертной дискуссии наиболее отчетливо проявилось на страницах и в веб-приложениях «Жэньминь жибао». В серии материалов, опубликованных весной–летом 2026 г., выбор китайских обозначений для *AI*, *token*, *agent* и *LLM* представлялся как часть более широкого проекта – закрепления китайского языка в качестве полноценного языка новой технологической сферы. При этом в трактовке со стороны главного партийного органа сосуществовали два подхода. Лингвистический подход делал акцент на понятийной точности и проверке новых терминов реальным употреблением, тогда как политико-культурный рассматривал их локализацию как выражение цифрового суверенитета и самостоятельного формирования технологической повестки.

Отличительной особенностью одного из комментариев с явным политическим акцентом стало распространение требования о создании «самостоятельной китайской системы знаний», первоначально сформулированного прежде всего применительно к философии и общественным наукам, на лексику глобально интегрированной сферы ИИ. Важно, что материал появился в рубрике оперативных комментариев портала

People.cn 人民锐评 (*Жэньминь жуйпин*)[4], публикующей редакционные оценки общественно значимых вопросов. Автор представляет широкое использование английской терминологии как угрозу «основе родного языка», технологической дискурсивной силе Китая и, в конечном счете, его способности к оригинальному мышлению [Li Wei, 2026]. Терминологическая зависимость тем самым в этом установочном материале связывается с более глубокими рисками когнитивной зависимости: если китайские специалисты и дальше будут заимствовать иностранные названия вместе с заложенными в них понятийными структурами, Китаю будет труднее сформировать самостоятельный технологический нарратив и разрабатывать решения, основанные на собственном опыте. Такой подход был заметен и в публикации приложения «Жэньминь жибао», где интернет-пользователям как раз предложили поучаствовать в поиске китайского названия AI, столь же краткого, образного и естественного, как 电脑 (*дяньнао*, «компьютер») или 手机 (*шоуцзи*, «мобильный телефон») [Du Wenwen, 2026].

Отсутствие короткого варианта, записанного иероглифами, в статье было представлено как свидетельство того, что китайский язык еще не вполне освоил это понятие. Ду Вэньвэнь даже сослался на «Закон об общегосударственном языке и письменности» (国家通用语言文字法 / *Гоцзя тунюн юйянь вэньцзы фа*) в редакции 2025 г. [Zhonghua Renmin Gongheguo Guojia …, 2025], характеризуя употребление аббревиатуры *AI* как недостаточно нормативное. Если быть юридически точным, такой вывод выходит за рамки реального содержания закона. Хотя правовой акт действительно закрепляет приоритет нормативного китайского языка в публичной и официальной сферах, он допускает иностранные языковые формы при наличии необходимого пояснения на общегосударственном языке. Таким образом, дискуссионная проблема употребления была превращена в вопрос языкового и культурного самоутверждения: должна ли технология, имеющая ключевое значение для будущего Китая, и далее фигурировать в виде английской аббревиатуры или китайский язык должен продемонстрировать способность назвать ее исключительно собственными средствами?

Предложенные названия хорошо показывают, почему реализовать эту амбицию оказалось затруднительно. «Жэньминь жибао» отмечала, что опрос привел к появлению свыше 100 тыс. содержательных предложений, однако в итоге упомянуто было не более нескольких десятков [Chen Jingwen, 2026]. Впрочем, акция, видимо, и не имела цели создать некий ранжированный список вариантов перевода, скорее задача состояла в том, чтобы превратить терминологическую дискуссию в общественное событие. Примечательно, что «народный конкурс» фактически воспроизвел уже знакомые по дискуссии о токене способы терминообразования вместе с присущими им ограничениями.

Например, термин 智脑 (*чжинао*, «умный мозг») был сразу понятен, но именно в этом заключалась и его слабость. Многообразные стороны ИИ сводились к «искусственному мозгу», тем самым поддерживалось ложное представление, будто технология мыслит так же, как человек. Вариант 智算 (*чжисуань*, «интеллектуальные вы-

[4] Название рубрики 锐评 (*жуйпин*) передает идею «острого», «проницательного», «заостренного» комментария: 锐 *(жуй)* – «острый, проницательный», 评 (*пин*) – «комментарий, оценка».

числения») позволял избежать части этой антропоморфизации, но звучал скорее как название технического процесса, чем технологии, с которой человек сталкивается в повседневной жизни. Кроме того, эта форма уже была связана с инфраструктурой интеллектуальных вычислений, например в 智算中心 (*чжисуань чжунсинь*, «центр интеллектуальных вычислений»), что делало ее не самым удачным кандидатом на обозначение всей сферы ИИ. Эти предложения выигрывали в понятности, но достигали ее ценой сужения обозначаемого объекта. У культурно более ярких вариантов возникала противоположная проблема. Термин 灵机 (*линцзи*) удачно обыгрывал двойную ассоциацию: иероглиф 机 (*цзи*, механизм, аппарат) прочно связан с технической лексикой, а само слово *линцзи* означает находчивость или внезапное озарение и знакомо по устойчивому выражению 灵机一动 (*линцзи идун*) – «в голову внезапно пришла удачная мысль». Такое обозначение звучало по-китайски и хорошо запоминалось, но создавало риск перенести на генеративные модели практику человеческого творчества и научного поиска, представить деятельность ИИ как серию вспышек озарения. Вариант 灵犀 (*линси*) обладал еще более глубоким контекстом, поскольку отсылал к строке танского поэта Ли Шанъиня (李商隐, ок. 813–858) 心有灵犀一点通 (*синь ю линси и дянь тун*) – образу сердец, связанных подобно тонкой белой прожилке, которая, согласно древнему поверью, проходила через чудесный рог носорога. Это слово было слишком прямой отсылкой к интуитивному взаимопониманию и представляло собой попытку образно отразить понятие человеко-машинного взаимодействия. Вариант был изящным, ярким и эмоционально привлекательным, но никоим образом не указывал на особенности искусственного интеллекта. Его техническое содержание неочевидно: без пояснения читатель скорее подумает о чуткости и душевном взаимопонимании, чем о работе системы ИИ под управлением человека и в синергии с ним.

芯智 (*синьчжи*) и 芯力 (*синьли*) представляли еще один вид языковой игры: 芯 (*синь*, «чип») придавало термину выраженное технологическое звучание, тогда как произношение вызывало в памяти омонимичные 心智 (*синьчжи,* «ум, интеллект») и 心力 (*синьли*, «умственные или духовные силы»). Однако оба варианта принимали физическую основу технологии за саму технологию. Система ИИ зависит от чипов, но определять ее через них столь же неверно, как определять компьютер просто как совокупность интегральных схем.

Некоторые предложения демонстрировали сложный набор намеков, нагромождение смыслов и многослойность ассоциаций, что не соответствовало требованиям к технической точности. 慧矩 (*хуэйцзюй*) соединяло «мудрость» с иероглифом, означающим «прав***и***ло» или «плотницкий угольник», возможно, одновременно намекая на математическую «матрицу» 矩阵 (*цзюйчжэнь*). Однако без пояснения обычному носителю языка было бы трудно догадаться о предполагаемом значении.

Особенно оригинальным предложением стал термин 神仝 (*шэньтун*). Автор этого чистого неологизма наделил оба иероглифа несколькими смысловыми слоями. Первый, 神 (*шэнь*), ассоциировался с 神州 (*Шэньчжоу*) – традиционным названием Китая, а также со словом 神智 (*шэньчжи*), означающим «разум» или «интеллект». Второй знак 仝, древняя форма иероглифа 同 (одинаковый, совместный), графически объединяет 人 (человек) и 工 (труд), что, по замыслу автора, позволило сжать значе-

ние 人工 («искусственный») в один иероглиф. В совокупности *шэньтун* также ассоциируется с 神童 (*шэньтун*, «вундеркинд») и 神通 (*шэньтун*, «сверхъестественные способности»). В целом термин складывается в своеобразный ребус о продолжении традиций китайской цивилизации, уверенности в собственной культуре и необычайных интеллектуальных возможностях ИИ, находящихся почти на божественном уровне. При всей оригинальности и культурной амбициозности семантическая ясность термина здесь невысока и без пространных комментариев часть заложенных в него смыслов остается непонятной для современных носителей языка. Пример четко показывает основной компромисс культурно мотивированной «китаизированной» номинации: чем богаче заложенная в термин система ассоциаций, тем выше зависимость его восприятия от толкований, при этом искусственное «накачивание» концептуальными смыслами и историко-культурными аллюзиями часто достигается ценой прозрачности и выразительности.

Заключение

Дискуссия о переводе токена и освещение вопросов терминологической системы ИИ в партийной прессе показали различия между логикой профессиональной терминологической работы и политизацией технологического языка. Лингвисты начинают с вопросов о том, что обозначает термин, где проходят границы понятия и можно ли последовательно использовать его рядом со смежными понятиями. Политико-культурная постановка исходит из других предпочтений: записано ли слово китайскими иероглифами, несет ли оно китайские культурные ассоциации и демонстрирует ли уверенность в способности языка самостоятельно осваивать иностранное знание. Эти два подхода способны эффективно дополнять друг друга, но могут и вступать в противоречие. Наш анализ показал, что наиболее культурно выразительные названия часто оказывались наименее технически корректными, тогда как более точные варианты звучали узко, бесцветно или уже принадлежали другой понятийной области.

Рассмотренный случай имеет и более широкий исторический контекст. Как отмечает А.В. Лукин, «иностранные понятия приходили в Китай, подвергаясь переосмыслению под воздействием культурно-лингвистической традиции и политических обстоятельств» [Лукин, 2015, с. 197]. На примере с токеном мы видим востребованность и устойчивость этого механизма. Заимствование нового термина сопровождается не только попытками найти максимально точный языковый эквивалент, но и его включением в существующую систему традиционных понятий и согласованием с политическими приоритетами.

Выделенные в настоящей статье терминологические модели разными способами решали эти задачи. Как считают участники дискуссий, успешная терминология ИИ в современном Китае должна отвечать нескольким, порой противоречащим друг другу критериям. Она должна точно соответствовать технологической реальности и принципам функционирования ИИ, не входить в противоречие с существующей терминологией в смежных областях, естественно восприниматься носителями китайского языка, иметь связь с традиционными культурными представлениями и быть пригод-

ной для включения в систему стандартизации. Ясно, что сочетать все требования в равной степени невозможно.

Вариант *цыюань* для передачи понятия токен не стал идеальным выбором, а скорее потенциально наиболее устойчивым решением – прагматичным компромиссом, в котором сочетание перечисленных выше критериев получило преимущество перед радикальным терминологическим новаторством. Хотя эксперты продолжают дискуссии, очевидно, что *цыюань* является не просто компромиссным переводом, а одним из лингвистических маркеров превращения Китая из страны, лишь адаптирующей ключевые понятия эпохи ИИ, в создателя собственной развитой терминологической системы. Данный кейс также наглядно иллюстрирует приоритет семантической мотивированности над фонетической ассимиляцией при образовании новых терминов.

По мере того как Китай продолжает совершенствовать собственные большие языковые модели, терминология, несомненно, будет и дальше развиваться. Дальнейшее изучение динамики терминологических гнезд, связанных с генеративным ИИ, представляется перспективным направлением исследований, способным дать понимание стратегий адаптации языков изолирующего типа к вызовам современной технологической революции.

Библиографический список

Арекеева Ю.Е., Бедненко Ю.И. Репрезентация концепта «人工智能 / искусственный интеллект» в языковом сознании носителей китайского языка // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 1 (237). С. 7–15.

Горелов В.И. Лексикология китайского языка: учебное пособие для студентов. М.: Просвещение, 1984. 206 с.

Ивченко Т.В. Китайский язык: вопросы стандартизации и терминологичности: по материалам Международной конференции «Китайская лингвистика и синология», РГГУ, 3–5 октября 2019 г. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 7. С. 11–15.

Лукин А.В. Приход понятия «демократия» в Китай и его первые интерпретации // Лукин А.В. Возвышающийся Китай и будущее России: работы о Китае и российско-китайских отношениях: сборник статей. М.: Международные отношения, 2015. С. 165–197.

Очиров О.Р. Становление китайского терминоведения: традиции и современность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2013. № 4. С. 116–125.

Фролова О.П. Словообразование в терминологической лексике современного китайского языка: монография. М.: Восточная книга, 2011. 168 с.

Хаматова А.А. Словообразование современного китайского языка. М.: Муравей, 2003. 224 с.

References

Arekeeva Yu.E., Bednenko Yu.I. (2025) Reprezentatsiya kontsepta 人工智能 / iskusstvennyy intellekt v yazykovom soznanii nositeley kitayskogo yazyka [Representation of the concept 人工智能 / artificial intelligence in the linguistic consciousness of Chinese native speakers]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Tomsk State Pedagogical University Bulletin]. No. 1 (237). P. 7–15 (In Russian).

Frolova O.P. (2011) Slovoobrazovanie v terminologicheskoy leksike sovremennogo kitayskogo yazyka: monografiya [Word formation in the terminological lexicon of modern Chinese: A Monograph]. Moscow: Vostochnaya kniga. (In Russian).

Gorelov V.I. (1984). Leksikologiya kitayskogo yazyka: uchebnoye posobiye dlya studentov [Lexicology of the Chinese Language: A Textbook for Students]. Moscow: Prosveshchenie. (In Russian).

Ivchenko T.V. (2020). Kitayskiy yazyk: voprosy standartizatsii i terminologichnosti: po materialam Mezhdunarodnoy konferentsii “Kitayskaya lingvistika i sinologiya”, RGGU, 3–5 oktyabrya 2019 g. [Chinese language: issues of standardization and terminology. Based on the materials of the International Conference “Chinese Linguistics and Sinology”, Russian State University for the Humanities, October 3–5, 2019]. Vestnik RGGU. Seriya “Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kulturologiya” [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series “Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies”]. No. 7. P. 11–15. (In Russian).

Khamatova A.A. (2003). Slovoobrazovanie sovremennogo kitayskogo yazyka [Word Formation in Modern Chinese]. Moscow: Muravey. (In Russian).

Lukin A.V. (2015). Prikhod ponyatiya “demokratiya” v Kitai i ego pervye interpretatsii [The arrival of the concept of “democracy” in China and its first interpretations]. In A. V. Lukin, Vozvyshayushchiisya Kitai i budushchee Rossii: Raboty o Kitae i rossiisko-kitaiskikh otnosheniyakh [Rising China and the future of Russia: Works on China and Russian-Chinese relations] P. 165–197. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya (In Russian).

Ochirov O.R. (2013). Stanovlenie kitayskogo terminovedeniya: traditsii i sovremennost [The formation of the Chinese terminology: tradition and modernity]. Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika [Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Linguistics]. No. 4. P. 116–125. (In Russian).

* * *

Chen Guohua 陈国华. (2026). Type he token: fulei he fuyuan – cong ciyuanxue, fuhaoxue yu duomotai rengong zhineng shijiao geichu de liyou Type 和 token:符类和符元 – 从词源学、符号学与多模态人工智能视角给出的理由 [Type and Token: Fulei and Fuyuan – The Rationale from the perspectives of etymology, semiotics, and multimodal artificial intelligence]. Zhongguo keji shuyu 中国科技术语 [China Terminology], 28(3). P. 9–10. (In Chinese).

Chen Jingwen 陈静文. (2026). Gei AI zheng ming, yuyanxuejia zenme kan? (Xinwen li de xuewen) – Wailai keji shuyu hanhua de jingyan yu guifan 给 AI 征名，语言学家怎么看？（新闻里的学问）– 外来科技术语汉化的经验与规范 [Naming AI: What do linguists think? (The scholarship behind the news) – Experience and norms in the sinicization of foreign scientific and technological terms]. *Renmin ribao haiwai ban* 人民日报海外版 [People’s Daily Overseas Edition]. April, 10. P. 11 (In Chinese).

Du Wenwen 都文文. (2026). Qing gei AI qi ge hao ming 请给 AI 起个好名 [Please give AI a good name]. Renmin wang 人民网[People’s Daily Online]. March, 18. URL: http://finance.people.com.cn/n1/2026/0318/c1004-40684445.html (accessed: 21.08.2026). (In Chinese).

Fan Wenjie 范文杰. (2026). Keji shuyu yiming guifan xu yu cishu, jiaocai bianxiu xietong gongjin 科技术语译名规范需与辞书、教材编修协同共进 [The standardization of translated scientific and technical terms should advance in coordination with the compilation and revision of dictionaries and textbooks]. Zhongguo keji shuyu 中国科技术语 [China Terminology]. No. 28(3). P. 7. (In Chinese).

Feng Zhiwei 冯志伟. (2026). Token yingdang dingming wei “ciyuan” Token 应当定名为“词元” [Token should be named “ciyuan”]. Zhongguo keji shuyu 中国科技术语 [China Terminology], 28(3). P. 4–5. (In Chinese).

Gao Yali 高雅丽. (2026). Zhuanjia jiedu token zhongwen ming weihe ding wei “ciyuan”专家解读 token 中文名为何定为“词元” [Experts explain why the Chinese name for “token” was set as “ciyuan”]. *Zhongguo kexuebao* 中国科学报 [China Science Daily]. March, 30. P. 3 (In Chinese).

Ke Ping 柯平, He Kaida 贺凯达. (2026). Token ying yi wei “fuyuan” Token 应译为“符元” [“Token” should be translated as “fuyuan”]. Zhongguo keji shuyu 中国科技术语 [China Terminology], 28(3). P. 12–13. (In Chinese).

Lackner M., Amelung I., Kurtz J. (eds.). (2001). New Terms for New Ideas: Western Knowledge and Lexical Change in Late Imperial China. Leiden: Brill.

Li Wei 李玮. (2026). Renmin ruiping: Yong “token” haishi “ciyuan”, shiguan keji huayuquan 人民锐评：用“Token”还是“词元”，事关科技话语权 [People’s Daily Incisive Commentary: Whether to use “Token” or “ciyuan” concerns scientific and technological discursive power]. Renmin wang 人民网 [Peo-

ple's Daily Online]. August, 5. URL: http://opinion.people.com.cn/n1/2026/0805/c436867-40774551.html (accessed: 21.08.2026). (In Chinese).

Li Yuming 李宇明. (2026). Token Zhongyi, youxuan "ciyuan" Token 中译，优选"词元" [For the Chinese translation of "token," "ciyuan" is the preferred choice]. Zhongguo keji shuyu 中国科技术语 [China Terminology]. No. 28(3). P. 8–9. (In Chinese).

Ling Zhenhua 凌震华. (2026). "Ciyuan" yiming de helixing yu yingyong kaoliang "词元"译名的合理性与应用考量 [The Rationale for the translation "ciyuan" and considerations for its application]. Zhongguo keji shuyu 中国科技术语 [China Terminology]. No. 28(3). P. 13–14. (In Chinese).

Liu Jinting 刘金婷. (2020). Token zai butong lingyu nei de zhongwen yiming qianxi Token 在不同领域内的中文译名浅析 [Analysis of Chinese translation of token in different fields]. Zhongguo keji shuyu 中国科技术语 [China Terminology]. No. 22(5). P. 64–67. (In Chinese).

Quanguo kexue jishu mingci shending weiyuanhui guanyu fabu shiyong rengong zhineng lingyu mingci token zhongwen ming "ciyuan" de gonggao (2026) 全国科学技术名词审定委员会关于发布试用人工智能领域名词 token 中文名"词元"的公告 [Notice of the China National Committee for Terms in Sciences and Technologies on the trial use of "ciyuan" as the Chinese name for the AI term "token"]. Quanguo kexue jishu mingci shending weiyuanhui 全国科学技术名词审定委员会[China National Committee for Terms in Sciences and Technologies]. March, 25. URL: https://www.cnterm.cn/news/tzgg/202603/t20260325_827999.html (accessed: 21.08.2026). (In Chinese).

Rengong zhineng yuliaoku jichu shuyu (2026). 人工智能 语料库 基础术语 [Artificial Intelligence – Corpus – Basic Terminology]. Zhonghua renmin gongheguo jiaoyubu 中华人民共和国教育部 [Ministry of Education of the People's Republic of China]. March, 2. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_sjzl/ziliao/A19/202604/W020260407554480905449.pdf (accessed: 21.08.2026). (In Chinese).

Wan Quan 完权. (2026). Yi chang shangzhan gei token yiming de qishi 一场商战给 token 译名的启示 [Lessons for translating "token" from a commercial rivalry]. Zhongguo keji shuyu 中国科技术语 [China Terminology], 28(3). P. 10–11. (In Chinese).

Wenzi shilu. Guoxinban juxing "Gao zhiliang wancheng 'Shisiwu' guihua" xilie zhuti xinwen fabuhui: jieshao "Shisiwu" shiqi shuzi Zhongguo jianshe fazhan chengjiu (2025) 文字实录 | 国新办举行"高质量完成'十四五'规划"系列主题新闻发布会 介绍"十四五"时期数字中国建设发展成就 [Transcript. State Council Information Office holds a thematic press conference on "High-quality completion of the 14th Five-Year Plan" to present achievements in the development of Digital China during the 14th Five-Year Plan period]. Guojia Shuju Ju 国家数据局 [National Data Administration]. August, 14. URL: https://www.nda.gov.cn/sjj/swdt/xwfb/0814/20250814215705489334712_mobile.html (accessed: 21.08.2026). (In Chinese).

Wetzel L. (2009). Types and tokens: On abstract objects. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press.

Xinxi jishu cihui. (2001) 信息技术 词汇 第 28 部分：人工智能 基本概念与专家系统 GB/T 5271.28-2001 [Information technology—Vocabulary—Part 28: Artificial intelligence—Basic concepts and expert systems GB/T 5271.28-2001]. Guojia zhiliang jishu jiandu ju 国家质量技术监督局 [State Administration of Quality and Technical Supervision]. July, 16. Effective from March 1, 2002 (accessed: 25.09.2026). (In Chinese).

Xinxi jishu rengong zhineng shuyu. (2022) 信息技术 人工智能 术语 GB/T 41867-2022 [Information technology—Artificial intelligence—Terminology GB/T 41867-2022]. Quanguo biaozhun xinxi gonggong fuwu pingtai 全国标准信息公共服务平台 [National public service platform for standards information]. October, 14. URL: https://openstd.samr.gov.cn/bzgk/std/newGbInfo?hcno=195F522C14AD9A1A0094FF66D0B1EF1B (accessed: 21.08.2026). (In Chinese).

Xu Fei 徐飞. (2026). Cong token zhongwen ming "ciyuan" shuo kai qu 从 token 中文名"词元"说开去 [Reflections on the Chinese Name "ciyuan" for "token"]. Guojia Shuju Ju Wang 国家数据局网 [National Data Administration Website]. April, 14. URL: https://www.nda.gov.cn/sjj/zwgk/zjjd/0414/20260414164105815459230_pc.html (accessed: 21.08.2026). (In Chinese).

Yuan Jiahong 袁家宏. (2026). Dui token yi zuo "ciyuan" de yidian shangque 对 token 译作"词元"的一点商榷 [Some reservations about translating "token" as "ciyuan"]. Zhongguo keji shuyu 中国科技术语 [China Terminology]. No. 28(3). P. 11–12. (In Chinese).

Zhang Junping 张军平. (2026). Token ying yi wei “zhiyuan” Token 应译为“知元” [“Token” should be translated as “zhiyuan”]. Zhongguo keji shuyu 中国科技术语 [China Terminology], 28(3). P. 6. (In Chinese).

Zhang Qingrui 張慶瑞. (2024). “Wanwu jie daoyuan”, Laozi zao zhidao?「萬物皆道元」，老子早知道？ [“All things are Daoyuan”: Did Laozi know it all along?]. Taida xiaoyou shuangyuekan 臺大校友雙月刊 [NTU Alumni Bimonthly]. No.155. P. 40–45. (In Chinese).

Zhang Zhonghong 张中鸿, Zhang Qingrui 张庆瑞. (2025). Zai Laozi zhexue yu “Daoyuan”: rengong zhineng token de yuyi yu yingyong tansuo Token 在老子哲学与“道元”:人工智能 token 的语义与应用探索 [The philosophy of Laozi and Daoyuan: A study on the semantics and applications of AI token]. Zhongguo keji shuyu 中国科技术语 [China Terminology]. No. 27(1). P. 57–63. (In Chinese).

Zhao Zhuqing 赵竹青. (2026). Qinghua daxue Yang Bin: Jianyi jiang “token” yi wei “moyuan”, tuidong AI quanmin puji 建议将“token”译为“模元”，推动 AI 全民普及 [Tsinghua University’s Yang Bin: Proposal to translate “token” as “moyuan” to promote the widespread adoption of AI]. Renmin wang 人民网 [People’s Daily Online]. March, 18. URL: http://finance.people.com.cn/n1/2026/0318/c1004-40684447.html (accessed: 21.08.2026). (In Chinese).

Zhonghua Renmin Gongheguo Guojia Tongyong Yuyan Wenzi Fa (2025) 中华人民共和国国家通用语言文字法 [Law of the People’s Republic of China on the Standard Spoken and Written Chinese Language]. Zhonghua Renmin Gongheguo Jiaoyubu 中华人民共和国教育部 [Ministry of Education of the People’s Republic of China]. December, 27. URL: https://www.moe.gov.cn/jyb_sjzl/sjzl_zcfg/zcfg_jyfl/202606/t20260605_1438880.html (accessed: 21.08.2026). (In Chinese)

Поступила в редакцию: 10.09.2026. Received: 10 September 2026.
Принята к публикации: 15.09.2026. Accepted: 15 September 2026.

DOI: 10.48647/ICCA.2026.61.34.005

Е Фань

К вопросу о времени вступления Дэн Сяопина в европейское подразделение коммунистической организации молодежи Китая

Аннотация. Вступление в европейское подразделение организации молодых китайских коммунистов ознаменовало начало политической биографии Дэн Сяопина. Тем не менее в исторической науке до сих пор существуют расхождения относительно того, когда именно это произошло. Внести ясность в данный вопрос позволяют результаты исследования, выполненного на основе малоизвестных архивных документов из фондов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Корректировка даты указанного события дает возможность восполнить существенный пробел в изучении раннего периода политической биографии Дэн Сяопина, уточнить границы этапов его пути к политическому лидерству, сделать биографию выдающегося политика и государственного деятеля более прозрачной и достоверной. Анализ процесса перемены названий европейского подразделения коммунистической организации молодежи Китая позволяет прийти к выводу о том, что Дэн Сяопин вступил в него в июне 1923 г., а не летом 1922 г., как утверждается в некоторых публикациях. Автор высказывает свои соображения по вопросу методологии работы с биографиями исторических деятелей КПК, что может быть полезно для исследователей аналогичной проблематики.

Ключевые слова: Дэн Сяопин, Европейская секция Коммунистического союза молодежи Китая (КСМК), Коммунистическая партия Китая (КПК), РГАСПИ, исследования по истории КПК, биографии лидеров Китая.

Автор: Е Фань, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института марксизма Пекинского университета. ORCID: 0009-0001-3636-053X. E-mail: ye5125172@mail.ru

叶帆

邓小平加入旅欧中国共青团欧洲组的时间问题考辨

摘要：加入中国共产主义青年团是邓小平政治生命的起点。但目前学界对邓小平的入团时间问题关注不够，而权威文献之间又长期存在矛盾记述。本文是基于俄罗斯国家社会政治历史档案馆馆藏的七份鲜为人知的原始档案的研究成果，通过文本考据分析并结合旅欧中国少年共产党组织沿革的考察，考证出邓小平入团时间为1923 年 6 月，而非此前普遍认为的 1922 年夏。同时，本文就研究党史人物生平履历所应秉持的方法论问题提出一孔之见，以期为相关研究提供参考。

关键词：邓小平；中国共产主义青年团旅欧支部；中国共产党；俄罗斯国家社会政治历史档案馆；中国共产党历史研究；中国领导人传记。

作者：*叶帆*，北京大学马克思主义学院研究员。ORCID: 0009-0001-3636-053X; E-mail: ye5125172@mail.ru

Ye Fan

A Critical Examination of the Time When Deng Xiaoping Joined the European Section of the Communist Youth League of China

Abstract. Joining the Chinese Communist Youth League in Europe marked the beginning of Deng Xiaoping's political career. Nevertheless, contemporary researchers have not accorded due attention to the exact date of this event, and discrepancies regarding this issue can be found in authoritative Chinese publications. This article is based on a study of seven previously little-known original archival documents housed in the Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). The clarification of certain dates and the reconstruction of events help fill a significant gap in research on the early stages of Deng Xiaoping's political career and his emergence as a political leader, and to provide a more accurate and well-documented account of the statesman's biography. An analysis of archival primary sources, together with a reconstruction of the organizational changes within the European Section of the Communist Youth League of China, indicates that Deng Xiaoping joined the organization in June 1923, rather than in the summer of 1922, as previously believed. In addition, the article offers methodological reflections on the study of prominent figures in the history of the Communist Party of China (CPC), which may provide guidance for similar studies.

Keywords: Deng Xiaoping, European Section of the Communist Youth League of China (CYL); CPC; RGASPI; History of the CPC; history of China, Chinese political leaders.

Author: *Ye Fan*, Ph.D. in History, Senior Research Fellow at the Institute of Marxism, Peking University. ORCID: 0009-0001-3636-053X; E-mail: ye5125172@mail.ru

Дэн Сяопин (1904–1997) по праву считается ключевой фигурой во втором поколении руководителей Коммунистической партии Китая, а также «генеральным конструктором» политики реформ и открытости. Соответственно, вопросы хронологии его революционной деятельности, в том числе начального ее периода, важны как с политической, так и с научной точек зрения. Хотя к настоящему времени в российской и китайской историографии учеба и партийная деятельность Дэн Сяопина в Советском Союзе исследованы, казалось бы, детально (см.: [Спичак, 2011; Панцов, 2013; Сунь Хуэйсю, 2018; Е Фань, 2020], однако проблема времени вступления Дэн Сяопина в европейское подразделение коммунистической организации молодежи Китая (в 1920-е гг. она носила разные названия[1], поэтому далее в статье вместо них чаще всего фигурирует приведенная здесь обобщающая характеристика организации, не зависящая от времени), а также в КПК прояснена не до конца. Как будет показано ниже, даже в самых авторитетных китайских изданиях и в публикациях современных китайских авторов наблюдаются явные расхождения по данному вопросу. Поэтому для установления точной даты вступления Дэн Сяопина в молодежную коммунистическую организацию и в КПК необходимо привлечь дополнительные источники.

Уточнение времени вступления Дэн Сяопина в китайский комсомол (здесь это тоже не формальное название, а идеологическая характеристика организации) важно не только для внесения исправлений в его биографию, но и для выяснения характера членства первых сторонников марксизма в Китае, совмещавших работу и учебу в Европе или обучавшихся в СССР в 1920-е гг., в первых зарубежных организациях китайских коммунистов. Важно это и для уточнения методологии определения времени вступления в указанные организации других китайских революционеров, при изучении биографий которых возникают аналогичные проблемы.

Расхождения в «канонических» исторических публикациях

По вопросу о времени вступления Дэн Сяопина в европейское подразделение коммунистической молодежной организации имеют место расхождения в таких авторитетных изданиях, как мемуары его дочери Мао Мао «Мой отец Дэн Сяопин» [Mao Mao, 1993], свод его автобиографических записей и свидетельств [Deng Xiaoping zi shu, 2009], а также «Погодичная биография» [Deng Xiaoping nianpu, 2020].

[1] Первые ячейки молодежных организаций Китая в Европе с июня 1922 г. по февраль 1923 г. именовались Коммунистической партией молодежи Китая в Европе (旅欧中国少年共产党). С февраля 1923 г. по январь 1925 г. к организации применялось название «Европейская секция Социалистического союза молодежи Китая» (旅欧中国社会主义青年团), а в документах параллельно с ним фигурировало и обозначение «Европейская секция Коммунистического союза молодежи Китая» (旅欧中国共产主义青年团, сокр. 旅欧共青团). В январе–декабре 1925 г. организация именовалась Региональной европейской секцией Коммунистического союза молодежи Китая (中国共产主义青年团旅欧区), а с декабря 1925 г. до лета 1927 г. в документах речь шла о «местных ячейках [КСМК] в Европе» (旅欧地方团). Подробнее об этом см. в параграфе «Смена названий европейской организации молодых китайских коммунистов как коррелят датировки исторических фактов».

В последнем из перечисленных источников сказано, что в марте 1923 г. Шу Хуэйчжан[2] «агитировал его вступить в Европейскую секцию КСМК», после чего с Дэн Сяопином дважды беседовал Ван Цзэкай[3], а в июне 1923 г. Дэн Сяопин, «переехав из Шалетт-сюр-Луэн в Париж, общался с Му Цином[4] и вступил в Европейскую секцию КСМК» [Deng Xiaoping nianpu, 2020, p. 17–18]. Как видим, время, лица и события указаны вполне четко.

Но этим сведениям противоречит приведенное в книге Мао Мао от имени самого Дэн Сяопина высказывание: «Из пяти лет и двух месяцев во Франции я работал на фабриках примерно четыре года (еще около года работал в организациях КПК и в организациях КСМК). Наученный опытом своей трудовой жизни, под влиянием передовых соучеников и с их помощью, под влиянием французского рабочего движения я начал знакомиться с марксистской литературой, участвовать в собраниях, где китайцы и французы пропагандировали идеи коммунизма. Возникло желание стать членом революционной организации, в итоге летом 1922 года я был принят в Социалистический союз молодежи Китая, рекомендовали меня Сяо Пушэн[5] и Ван Цзэкай» [Mao Mao, 1993, p. 111]. Аналогичная информация приводится и в «Автобиографических записях Дэн Сяопина» [Deng Xiaoping zi shu, 2009, p. 14].

Однако в другом месте «Автобиографических записей…», чуть выше, указано иное время, соответствующее данным «Погодичной биографии»: «Вступив в июне 1923 года в Европейскую секцию КСМК, я два созыва работал сотрудником пропагандистского отдела в ячейке города Байе и одновременно по поручению организации вместе с товарищем Чуань Ле[6] готовил выпуски ежедекадника

[2] Шу Хуэйчжан (舒辉暲, 1897–1984), уроженец волости Саньчуань пров. Сычуань, один из тех, кто давал Дэн Сяопину рекомендацию для вступления в ССМК/КСМК. После окончания межуездной средней школы в г. Баонине провинции Сычуань поступил в Высшую техническую школу в г. Чэнду. В ноябре 1920 г. во Франции, учился в двух средних школах, в государственной школе в Монтаржи, работал на металлургическом предприятии и заводе резиновых изделий. В июне 1922 г. вступил в Коммунистическую партию молодежи Китая в Европе. В 1926 г. вернулся в Китай.

[3] Ван Цзэкай (汪泽楷, 1897–1958), уроженец г. Лилин провинции Хунань, один из тех, кто дал Дэн Сяопину рекомендацию для вступления в ССМК/КСМК. В 1919 г. окончил 1-ю провинциальную среднюю школу в г. Чанша. С сентября 1919 г. во Франции, в 1922 г. участвовал в 1-м съезде Коммунистической партии молодежи Китая, с февраля до декабря 1923 г. был членом исполкома Европейской секции ССМК/КСМК, председателем комитета студенческого движения. В 1923 г. поступил в Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) им. И.В. Сталина в Москве, вступил в КПК. В 1924 г. вернулся в Китай.

[4] Му Цин (穆清, 1898–1930), уроженец уезда Хэцзян провинции Сычуань, один из тех, кто дал Дэн Сяопину рекомендацию для вступления в ССМК/КСМК. С 1920 г. во Франции, с 1924 г. учился в КУТВ, в начале 1926 г. возвратился в Китай. Участник революционных событий в провинциях Гуандун, Хубэй и Сычуань, казнен реакционной военщиной.

[5] Сяо Пушэн (萧朴生, 1897–1926), уроженец провинции Сычуань. В 1920 г. он принял участие в движении «работы и учебы» во Франции, в 1922 г. участвовал в 1-м съезде Компартии молодежи Китая в Европе. Летом 1925 г. на время приехал в СССР, участвовал в некоторых заседаниях ячейки КПК в Москве, но в КУТВ не учился. После возвращения в Китай был профессором Шанхайского университета, занимался партийной работой под руководством Чжоу Эньлая. В октябре 1926 г. скончался в Шанхае в результате болезни.

[6] Чуань Ле (传烈) – ошибочная передача имени Фу Ле (傅烈, 1899–1928), уроженца провинции Цзянси, павшего героя революции. В 1920 г. он принял участие в движении «работы и учебы» во Франции, в 1922 г. участвовал в создании Коммунистической партии молодежи Китая в Европе. В октябре 1924 г. прибыл в Москву для учебы в КУТВ, в 1925 г. вернулся в Китай.

“Рабочий”»[7] [Deng Xiaoping zi shu, 2009, p. 13]. Таким образом, буквально на соседних страницах, на 13-й и 14-й, фигурируют две разные даты одного события (соответственно июнь 1923 г. и лето 1922).

Особенно настойчиво подчеркивается вступление Дэн Сяопина в КСМК именно летом 1922 г. в книге Мао Мао. К тому времени она отнесла и сообщенные Дэн Сяопином подробности, касающиеся знаменательного события: «Отец рассказывал, что в составе группы, сформированной в городе Монтаржи, он вместе с “мамой Цай”, то есть с Цай Чан[8], поехал в Париж для принесения присяги при вступлении в организацию. На торжественном собрании каждый из них принес персональную клятву и был очень взволнован происходящим» [Мао Мао, 1993, p. 112]. При этом акцентируется скорое благотворное влияние участия в организованной революционной деятельности на его характер и поведение: «Вступив в организацию, отец не просто вырос идейно – стал другим его духовный облик. Когда в начале 1922 г. он приехал работать на фабрику компании “Хатчинсон”, это был живой, энергичный, даже немного шаловливый большой ребенок. Вступив в организацию, он стал гораздо более зрелым. Как вспоминал У Ци[9], прибывший в 1922 г. во Францию для работы и учебы, “из всех соучеников, с кем я общался, самым молодым был товарищ Дэн Сяопин. Когда я встретил его в отеле “Pilango” в пригороде Парижа во второй половине 1922 г., ему еще не было двадцати. Тем не менее, несмотря на молодость, это был человек закаленный, эрудированный, физически крепкий, энергичный, открытый, с сильным, звонким голосом”» [Мао Мао, 1993, p. 114]. В этом эпизоде Дэн Сяопин уже во второй половине 1922 г. предстает перед читателем закалившимся и повзрослевшим в рядах молодежной организации коммунистов. В другом месте той же книги автор прямо заявляет, что «после вступления в комсомол в 1922 г. отец быстро повзрослел» [Мао Мао, 1993, p. 116].

Таким образом, в трех самых авторитетных китайских изданиях присутствуют расхождения относительно времени вступления Дэн Сяопина в европейское подразделение китайской коммунистической молодежной организации: в «Погодичной биографии» назван июнь 1923 г., Мао Мао уверенно говорит о лете 1922 г., а в «Автобиографических записях…» противоречивым образом фигурируют обе даты.

---

[7] «Ежедекадник “Рабочий”» («工人周刊») – основное пропагандистское печатное издание китайского рабочего движения в 20-е гг. XX в., выходившее раз в десять дней.

[8] Цай Чан (蔡畅, 1900–1990), уроженка города Лилин провинции Хунань, сестра выдающегося деятеля КПК, члена Политбюро ЦК партии Цай Хэсэня (蔡和森, 1895–1931). С 1919 г. – во Франции, где познакомилась с Дэн Сяопином. С января 1925 г. училась в КУТВ. Заведовала отделами по работе с женщинами в парткомах КПК разных провинций Китая, в 1949 г. избрана председателем Всекитайской федерации женщин. В 1975–1983 гг. дважды избиралась заместителем председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей. Цай Чан и ее муж Ли Фучунь (李富春, 1900–1975), заместитель премьера Госсовета КНР в 1954–1975 гг., поддерживали дружеские отношения с семьей Дэн Сяопина.

[9] У Ци (吴琪,1898–1980) – уроженец провинции Цзянси. В 1919 г. принял участие в движении «работы и учебы» во Франции, в 1922 г. участвовал в создании Коммунистической партии молодежи Китая в Европе. В 1926 г. вернулся в Китай, работал в Главном политическом управлении армии Северного похода, входил в левую фракцию Гоминьдана, активно помогал коммунистам. После образования КНР работал в сфере обеспечения сохранности объектов культурного наследия.

С точки зрения пропагандистских публикаций и официальных сайтов, предпочтительнее выглядит утверждение о более раннем вступлении Дэн Сяопина в коммунистическую организацию молодежи Китая. Но остается вопрос: что в большей степени соответствует исторической истине? Чтобы ответить на него, необходимо обратиться к архивным источникам.

Цепь аргументов, выстроенная на основе семи архивных источников

Документы, собственноручно заполненные Дэн Сяопином в годы учебы в СССР, – это исторические материалы, которые играют решающую роль при изучении раннего периода его деятельности. Они были составлены вскоре после названных в них событий, не противоречат друг другу, а приведенные в них анкетные данные были проверены и официально одобрены Университетом трудящихся Китая им. Сунь Ятсена (УТК) и специальной комиссией ЦК ВКП(б) по переводу членов братских партий в советскую компартию.

В РГАСПИ хранятся оригиналы семи таких архивных документов. В их числе собственноручно заполненные Дэн Сяопином четыре документа на китайском языке («Анкета члена Московской ячейки КПК и члена Московской ячейки Коммунистического союза молодежи Китая», «Анкета члена Московской ячейки партии Китайский Гоминьдан», «Краткая автобиография Дэн Сисяня»[10] и «Развернутая автобиография Дэн Сисяня» [Deng Xixian, 1926a; Deng Xixian, 1926b; Deng Xixian jian li; Deng Xixian lü li…]), а также три на русском: составленная в УТК им. Сунь Ятсена «Анкета для студентов – Дозоров», завизированные в ЦК ВКП(б) «Автобиография Дозорова» и «Всероссийская перепись членов Российской Коммун. Партии (б.)[11] – Дозоров» [Анкета для студентов – Дозоров; Автобиография Дозорова; Всероссийская перепись…].

В «Анкете члена Московской ячейки КПК…», заполненной 19 января 1926 г., Дэн Сяопин четко зафиксировал время вступления в коммунистический союз молодежи – июнь 1923 г., а в том месте, где требовалось указать государство, на территории которого он вступил в организацию, и номер членского билета, написал: «Региональная европейская секция КСМК». Далее в примечании «Выполняемые ранее поручения» он указал: «Два созыва являлся членом регионального исполкома, работал сотрудником отдела пропаганды в ячейке города Байе, в ячейке города Лиона работал сотрудником отдела подготовки кадров и являлся заместителем заведующего отделом пропаганды» [Deng Xixian, 1926a, l. 2].

Отвечая на вопрос «Анкеты члена Московской ячейки партии Китайский Гоминьдан» (заполнена 29 января 1926 г.) о членстве в других политических объединениях, Дэн Сяопин написал: «Региональная европейская секция (Франция) Коммунистиче-

[10] Дэн Сяопин (邓小平) – партийное имя; при рождении ему дали имя Дэн Сяньшэн (邓先圣), в период учебы во Франции он называл себя Дэн Сисянем (邓希贤), а в УТК им. Сунь Ятсена обучался под фамилией Дозоров.

[11] Орфография заголовка документа сохранена. В документе название целиком напечатано заглавными буквами, но в наименованиях организаций на русском языке в тот период с заглавных букв обычно писались все слова, что учтено в интерпретации заголовка автором.

ского союза молодежи Китая», а временем вступления указал июнь 1923 г. В графе «Выполняемые ранее поручения» он отметил, что «работал сотрудником ячеек Союза, являлся заместителем заведующего отделом пропаганды и членом регионального исполкома». На вопрос о том, было ли прекращено членство в КСМК, Дэн Сяопин отвечал: «Не прекращено, поскольку это революционная организация пролетариата» [Deng Xixian, 1926b, l. 2].

В «Краткой автобиографии Дэн Сисяня»[12], в третьем из семи разделов, где речь идет об образовании и идейном становлении, Дэн Сяопин коротко рассказал о том, что с ним происходило по достижении 16-летия, отметив при этом: «По приезде во Францию из-за сложного материального положения вынужден был устроиться поденным рабочим на фабрику. Тяжелая жизнь, брань бригадиров – цепных псов капиталистов так или иначе сильно повлияли на меня». Продолжая отчет, Дэн Сяопин сообщал: «В первые годы я некоторым образом ощущал порочность капиталистического общества, однако, погруженный в романтику жизни, не мог осознать это по-настоящему глубоко. В последующем то, что я узнал о социализме, особенно о коммунизме, то, что услышал от сознательных товарищей и то, что прочувствовал на собственном непростом жизненном опыте, сподвигло меня к вступлению в 1923 г. в Региональную европейскую секцию Коммунистического союза молодежи Китая». Резюмируя сказанное в этом разделе, Дэн Сяопин подчеркнул, что «никогда не был подвержен иному идейному влиянию, всегда оставался сторонником коммунизма» [Deng Xixian jian li, l. 5]. В четвертом разделе, отвечая на вопрос «Когда и где вступили в КПК? Если вступали в Союз молодежи, укажите, где и когда», Дэн Сяопин снова определенно указал: «В июне 1923 г. во Франции вступил в Региональную европейскую секцию» [Deng Xixian jian li, l. 5].

В «Развернутой автобиографии Дэн Сисяня» (предположительно 1926 г.)[13], в разделе, посвященном личностному и идейному становлению, Дэн Сяопин описал период до вступления в КСМ: «В начале 1922 г. из-за житейских трудностей я вынужден был перебраться в Монтаржи[14], где устроился на крайне низкооплачиваемую поденную работу на обувном производстве» [Deng Xixian lü li…, l. 171–172]. Дэн Сяопин объяснял, что не оказался в рядах европейского подразделения КСМК потому, что «все еще был погружен в романтику жизни и не стыдился так называемых порядочных людей» [Deng Xixian lü li…, l. 172]. Тем не менее то время пошло на пользу его последующему идейному становлению. Он отмечал: «Тогда наметился прогресс, поскольку я начал читать иллюстрированные издания, посвященные социализму», и добавлял: «Самое большое впечатление на меня произвели 8-й и 9-й выпуски журнала “Новая молодежь”[15], а также сходки, на которых говорили о социализме» [Deng

[12] Оригинал данного документа не имеет заголовка и даты, автор назвал документ, исходя из его содержания.

[13] Оригинал этого документа тоже не озаглавлен и не датирован, документ назван автором на основании его содержания.

[14] В г. Монтаржи, примерно в 100 км южнее Парижа, в 20-е гг. XX в. проживало много китайцев, участвовавших в движении «усердной работы и экономной учебы».

[15] «Журнал “Молодежь”» («青年杂志»), со второго выпуска называвшийся «Новая молодежь» («新青年»), издавался в Китае с 15 сентября 1915 г. до июля 1926 г. раз в полугодие. Создателем журнала был один из основателей КПК Чэнь Дусю (陈独秀, 1879–1942). Журнал стал рупором «движения за новую культуру», главными девизами которого были «демократия» и «наука».

Xixian lü li…, l. 172]. Он рассказывал, что крайне тяжелые условия труда, гнет капиталистов и самоуправство бригадиров «помогли поверить в правоту Чэнь Дусю и других», а ориентация на идеи социализма дала возможность «в каждой дискуссии неизменно вставать на сторону социализма». По словам Дэн Сяопина, «тогда в Западной Европе уже существовало коммунистическое объединение, однако они меня не агитировали, поскольку я был слишком погружен в романтику жизни» [Deng Xixian lü li…, l. 172]. Из этих слов прямо следует, что в 1922 г. он еще не был членом европейского подразделения китайской молодежной коммунистической организации.

А вот далее в документе речь идет о предыстории его вступления в Европейскую секцию КСМК. Дэн Сяопин писал: «К моменту моего отъезда из Монтаржи в мае 1923 г. у меня состоялась беседа с товарищем Шу Хуэйчжаном, агитировавшим меня вступить в КСМК, а также две беседы с товарищем Ван Цзэкаем. Уже в Париже я общался с товарищем Му Цином и в итоге в июне вступил в Союз» [Deng Xixian, 1926b, l. 172].

В конце раздела, посвященного вступлению в КСМК и выполняемым в нем поручениям, Дэн Сяопин подчеркнул: «Рекомендации для вступления в Союз мне дали товарищи Ван Цзэкай, Му Цин, Шу Хуэйчжан» [Deng Xixian, 1926b, l. 172]. Очевидно, что сам Дэн Сяопин тоже расценивал вступление в КСМК как начало своей политической биографии.

В документе на русском языке «Университет трудящихся Китая имени Сунь Ятсена. Анкета для студентов – Дозоров», Дэн Сяопин, отвечая на вопросы о том, в каких общественных и политических организациях состоит и состоял, когда и сколько времени, где, в качестве кого и какую вел работу, указал: «Член Гоминдана 1924 г.[16] Член Китайск. Комсомола 1923 г. компартии 1925 г. Состоял в контрольной комиссии в Гоминдане, Секретарь Комсомола во Франц.» (сохранены правописание и орфография оригинала) [Анкета для студентов – Дозоров, л. 77]. Бланк «Анкеты для студентов» УТК им. Сунь Ятсена на русском языке позволял впечатывать лишь самую краткую информацию о студенте, поэтому сведения об общественной работе, которую вел Дэн Сяопин, указаны в ней неполно и не совсем точно. Так, не была отражена его работа в отделе пропаганды ячейки г. Байе, участие в выпуске журнала «Юность» («Шаонянь» 少年) – печатного органа секции, за которое он получил у товарищей прозвище «доктора наук ротаторной печати» (油印博士) [Deng Xiaoping nianpu, 2020, p. 18], и многое другое. [Deng Xiaoping nianpu, 2020, p. 18], и многое другое.

Что касается сообщения о работе «секретарем комсомола во Франции», то, видимо, имеется в виду его деятельность в секретариате Исполкома Европейской секции ССМК/КСМК. В конце 1923 г. там стала ощущаться нехватка сотрудников, и Дэн Сяопин взял на фабрике отпуск на месяц и приступил к работе в секретариате. В ию-

[16] Гоминдан – написание названия «Гоминьдан», принятое в 1920–1930-е гг. После официального оформления первого сотрудничества Гоминьдана и КПК в январе 1924 г. решением руководства КПК большинство китайских коммунистов и членов КСМК вступали в Китайский Гоминьдан (полное название партии) в индивидуальном порядке. Члены Европейской секции КСМК, согласно решению руководства КПК, также вступали в Гоминьдан, не стал исключением и Дэн Сяопин.

ле 1924 г. на 5-м съезде секции[17] он был избран членом Исполкома, в секретариате которого стал отвечать за финансовые и административные вопросы. На 6-м съезде, состоявшемся в декабре 1924 г., Дэн Сяопин назначен членом Контрольного отдела и Комиссии по профсоюзному движению. Весной 1925 г. Дэн Сяопин был направлен в Лион, где выполнял обязанности заместителя заведующего отделом пропаганды Региональной европейской секции и одновременно занимался там вопросами подготовки кадров. Упомянутая в анкете деятельность в контрольной комиссии Гоминьдана относится к тому времени, когда Дэн Сяопин, после повторного избрания в августе 1925 г. на 7-м съезде секции членом ее Исполкома, решением КПК и КСМК был направлен для работы секретарем в контрольную комиссию головной ячейки Китайского Гоминьдана во Франции. Добавим, что, хотя в «Анкете для студентов – Дозоров» не назван месяц вступления Дэн Сяопина в КСМК, год указан там совершенно четко – 1923.

Сведения, которые Дэн Сяопин сообщал о себе во время пребывания в Москве в разного рода анкетах и опросных листах, проходили строгую проверку. Это было связано, помимо прочего, еще и с тем, что, согласно Уставу Коминтерна, принятому на V конгрессе в 1924 г., члены иностранных компартий, работавшие и учившиеся в СССР, должны были вступать в ВКП(б). Некоторое время исключение делалось для членов ячейки КПК в Москве. Но после того, как в январе 1926 г. она была распущена, встал вопрос о приеме и ее членов в советскую компартию.

В то время по соображениям безопасности китайские студенты прибывали в СССР без партийных документов, из-за чего невозможно было подтвердить время их вступления в КПК и в КСМК. В связи с этим в решении трехсторонней специальной комиссии представителей Коминтерна, ЦК ВКП(б) и Хамовнического райкома ВКП(б) г. Москвы[18] по вопросу о смене партийного членства группы китайских коммунистов, в том числе Дэн Сяопина (предположительно, этот документ появился осенью 1926 г.), указывалось: «Всех товарищей перевести в ВКП(б) временными кандидатами до большего ознакомления с товарищами, выяснения их стажа и т.д.» [Всем членам и кандидатам Коммунистической партии, л. 9].

В октябре 1926 г. бюро ячейки ВКП(б) УТК им. Сунь Ятсена, исключительно высоко оценив проявившего себя в период учебы Дэн Сяопина («…работает в качестве члена оргкомиссии ВЛКСМ, комсомольского организатора, дисциплинированный, активный, примерный работник»), приняло решение перевести его в члены ВКП(б), значительно сократив срок пребывания в статусе кандидата, который в обычном случае составлял два года [Протокол № 4 заседании комиссии..., л. 4].

В связи с этим 18 октября 1926 г. на Дэн Сяопина была заполнена анкета «Всероссийская перепись членов Российской Коммун. Партии (б) – Дозоров». В анкете тре-

[17] По поводу датировок съездов Европейской секции в литературе существуют расхождения: например, 1-й съезд Компартии молодежи Китая в Европе датируется и 3 июня, и 18 июня 1922 г. Но эти расхождения не столь значительны, чтобы каким-то образом повлиять на логику нашего анализа, поэтому автор намеренно оставляет проблему определения точности датировок вне круга поднимаемых им вопросов.

[18] Хамовнический райком ВКП(б) г. Москвы являлся вышестоящей инстанцией по отношению к парторганизации УТК им. Сунь Ятсена.

бовалось указать «наименование партий и политических организаций», в которых партиец состоял, «место работы» в этих партиях и организациях, время вступления в них и «общую продолжительность пребывания». Все эти сведения уместились в лапидарную запись: «К.С.М. Париж 1923 г.» [Всероссийская перепись…, л. 10]. Указанные в анкете время вступления Дэн Сяопина в «К.С.М.» (Коммунистический союз молодежи Китая) и общая продолжительность пребывания в нем (три года), как и представленные выше данные других анкет, дают основания уверенно утверждать, что Дэн Сяопин вступил в КСМК именно в 1923 г.

Чтобы удостовериться, что высшие контрольные инстанции согласились с предоставленными Дэн Сяопином анкетными данными о его членстве в КСМК, автор изучил архивные документы, касающиеся созданной ЦК ВКП(б) комиссии, занимавшейся вопросами перевода в ВКП(б) членов братских партий, – ее решение в отношении принятия иностранца в члены партии было решающим. В частности, завизированную в ЦК ВКП(б) «Автобиографию Дозорова» на русском языке, где Дэн Сяопин по поводу своего членства в КСМК заявил следующее: «Когда мне исполнилось 16 лет, я отправился во Францию, где работал на фабрике в качестве поденного рабочего. Вследствие эксплоатации капиталистами рабочих, я начал сознавать интересы класса и в 1923 году я вступил в Европейскую Секцию Китайского Комсомола. В Апреле 1925 года я вступил в партию /во Франции/. Состоял кандидатом в члены Секционного Комитета и вел комсомольскую работу в течение некоторого времени» (сохранены орфография и синтаксис оригинала) [Автобиография Дозорова, 1926, л. 1]. Как видим, и данный документ однозначно свидетельствует в пользу 1923 г.

Особо следует подчеркнуть, что три рассмотренных выше документа на русском языке («Университет трудящихся Китая имени Сунь Ятсена. Анкета для студентов – Дозоров», «Автобиография Дозорова», «Всероссийская перепись Российской Коммун. Партии (б.)–Дозоров») составлены соответствующими советскими и партийными органами, и что первичная организация КПК по месту пребывания Дэн Сяопина в Москве, бюро ячейки ВКП(б) УТК им. Сунь Ятсена, Исполком Коминтерна и, наконец, специальная комиссия ЦК ВКП(б) после проверки не оспаривали предоставленные Дэн Сяопином анкетные сведения – в противном случае его членство в ВКП(б) было бы невозможным.

Данные, приведенные в указанных документах, полностью согласуются между собой, что исключает ошибку со стороны как Дэн Сяопина, так и тех, кто непосредственно вносил их в документы.

Смена названий европейской организации молодых китайских коммунистов как коррелят датировки исторических фактов

Уточнение текущего названия европейского подразделения коммунистической организации молодежи Китая, о вступлении в которое Дэн Сяопин сообщал в анкетах, также может помочь в установлении времени вхождения его в эту организацию.

Это подразделение родилось 3 июня 1922 г. в Париже, где состоялся 1-й съезд Коммунистической партии молодежи Китая в Европе. В нем участвовали 18 делегатов из Франции, Германии и Бельгии, представлявшие 38 членов этой организации. Съезд закрепил за организацией указанное выше название.

На состоявшемся в октябре 1922 г. совещании делегатов с мест путем всеобщего голосования было принято единогласное решение о ее вхождении в Социалистический союз молодежи Китая, созданный еще в августе 1920 г. В письме от 20 ноября 1922 г. Коммунистической партии молодежи Китая в Европе в Центральный исполнительный комитет ССМК сообщалось о намерении организации стать европейским подразделением ССМК. Это письмо доставил адресату в Китай представитель Коммунистической партии молодежи Китая в Европе, участник ее 1-го съезда Ли Вэйхань[19], который по поручению своей организации отвечал за связь между двумя организациями. В ответном письме Чжун Фу (в документе 重甫, правильнее – 仲甫, второе имя Чэнь Дусю[20]) сообщал, что рассчитывает на переименование Коммунистической партии молодежи Китая в Европе в «Европейское отделение Коммунистического союза молодежи Китая» (中国共产主义青年团旅欧之部) и на то, что руководящий орган этой организации будет называться не «Центральным исполнительным комитетом», а «Исполнительным комитетом» [“Yi Da” qian hou..., 1980, p. 431].

На проходившем в пригороде Парижа 17–20 февраля 1923 г. внеочередном съезде Коммунистической партии молодежи Китая в Европе было принято решение о вхождении данной организации в ССМК в качестве его европейской секции, и с тех пор в документах организации фигурировало ее двойное название (Европейская секция КСМК – Европейская секция ССМК)[21]. Съезд провозгласил, что «Центральный исполнительный комитет ССМК является вышестоящим органом по отношению к Европейской секции Коммунистического союза молодежи Китая», а название руководящего органа организации было изменено: прежний «Центральный исполнительный комитет» стал просто «Исполнительным комитетом» [Zhongguo gongchandang…, 2000, p. 712].

В январе 1925 г. на своем 3-м Всекитайском съезде ССМК изменил название и стал именоваться Коммунистическим союзом молодежи Китая (中国共产主义青年团). На съезде была принята «Вторая редакция Устава КСМК», в которой, в частности, было определено следующее: «Там, где имеются три и более ячейки КСМК, насчитывающие 30 и более членов, с разрешения Центрального исполнительного комитета проводится общее собрание всех членов либо собрание представителей ячеек, на котором создается местная организация КСМК… Там, где имеются три и более местные организации КСМК, и по мнению Центрального исполнительного комитета существует необходимость создания регионального исполнительного комитета, проводится региональное собрание представителей местных организаций, на котором избираются пять человек в создаваемый региональный исполнительный комитет» [Zhongguo gongchanzhuyi...].

[19] Ли Вэйхань (李维汉, 1896–1984) – один из руководителей КПК периода ее становления, первый директор Центральной партийной школы.

[20] Чэнь Дусю (陈独秀, 1879–1942). Первый генеральный секретарь ЦК КПК. В 1927 г. снят с партийных постов, впоследствии исключен из партии.

[21] 旅欧中国共产主义青年团 – 中国社会主义青年团旅欧区.

По воспоминаниям Фу Чжуна[22], в то время европейская секция КСМК «насчитывала примерно 400 человек» [Gongchanzhuyi xiaozu, 1987, p. 951], что соответствовало требованиям Устава КСМК к его региональным организациям. После регионального собрания представителей ее местных организаций Европейская секция КСМК, согласно требованиям ЦИК, была переименована в Региональную европейскую секцию КСМК (中国共产主义青年团旅欧区). Именно это название Дэн Сяопин неоднократно упоминал в документах, хранящихся ныне в архиве.

Итак, с июня 1922 г. существовала Коммунистическая партия молодежи Китая в Европе, в феврале 1923 г. переименованная в Европейскую секцию Социалистического союза молодежи Китая и параллельно именовавшаяся КСМК; но официально единственным это второе название стало с января 1925 г., когда организация была официально переименована в Региональную европейскую секцию Коммунистического союза молодежи Китая. В любом случае, если бы Дэн Сяопин вступил в комсомол летом 1922 г., то в предоставленных им анкетных данных хотя бы однажды должно было фигурировать название «Коммунистическая партия молодежи Китая в Европе». К примеру, Фу Чжун, который вступил в европейское подразделение коммунистической организации молодежи Китая в июне 1922 г., в своей «Развернутой автобиографии» говорил о членстве именно в Коммунистической партии молодежи Китая в Европе [Fu Zhong…, 1926, l. 120]. Аналогичная формулировка есть и в автобиографии Сяо Саня[23] [Автобиография Эми Сяо, л. 60]. А Фан Чжиган[24], написавший в анкете, что он «в 1922 году вступил в Региональную европейскую секцию Коммунистического союза молодежи Китая», ниже специально указал в скобках: «Название организации раньше было иным» [Fang Zhigang, 1928, l. 1].

Что касается Дэн Сяопина, то во всех анкетных данных, где он пишет о вступлении в европейское подразделение коммунистической организации молодежи Китая, он использует единственное название «Региональная европейская секция КСМК», а это значит, что вступил он в нее никак не летом 1922 г.

Таким образом, выше мы сопоставили данные, содержащиеся в четырех архивных документах, собственноручно заполненных или написанных Дэн Сяопином, а также в двух архивных документах, составленных тогда же на Дэн Сяопина по линии ВКП(б), и в документе, составленном на Дэн Сяопина в УТК им. Сунь Ятсена. При этом мы

[22] Фу Чжун (傅钟, 1900–1989). Член КПК с 1921 г., военный политработник. Участвовал в движении «работы и учебы», в 1-м съезде Компартии молодежи Китая в Европе. В 1930 г. учился в Коммунистическом университете трудящихся Китая, как с сентября 1928 г. стал называться бывший УТК им. Сунь Ятсена. В КНР был заместителем начальника Главного политуправления НОАК.

[23] Сяо Сань (萧三, 1896–1983). Наст. имя Сяо Цзычжан, в СССР известен как Эми Сяо. Член КПК с 1921 г. Участвовал в движении «работы и учебы» в Европе, учился в КУТВ. Поэт, писатель-публицист, главный редактор ряда журналов; автор китайского текста «Интернационала». В КНР занимал видные посты в области культуры, музейного дела и международного культурного обмена.

[24] Фан Чжиган (方至刚, 1899–1984). Уроженец провинции Хунань. Участник движения «работы и учебы» во Франции, в 1926–1928 гг. учился в Москве. В начале 1929 г. вернулся в Китай, за революционную работу был арестован и приговорен к трем годам лишения свободы. С 1932 г. утратил связь с КПК, с 1937 г. был политическим инструктором в военных училищах Гоминьдана. В 1945 г. вернулся в родное село и занимался сельским хозяйством. После провозглашения КНР работал в сфере культуры и народного образования.

принимали во внимание как изменения названия европейского подразделения коммунистической организации молодежи Китая в 1920-е гг., так и сведения, приведенные в документах других членов этой организации. Только это позволило выстроить целостную, четкую, неоспоримую цепочку аргументов, доказывающих, что Дэн Сяопин мог вступить в европейское подразделение китайского комсомола только в июне 1923 г., не раньше и не позже.

К вопросу о методологии исследования членства выдающихся китайских коммунистов в КПК и КСМК

Установление времени вступления Дэн Сяопина в КСМК ставит перед нами важный вопрос: какой должна быть методология исследования биографий исторических деятелей китайского коммунистического движения?

Дефицит архивных исторических материалов по данной теме неизбежно подводит к необходимости опираться как на сохранившиеся автобиографии этих деятелей, так и на воспоминания их родственников. Насколько неудачным может быть некритичное наложение таких сведений, свидетельствуют взаимоисключающие утверждения о времени вступления Дэн Сяопина в европейское подразделение коммунистической организации молодежи Китая, фигурирующие в одной и той же книге [Deng Xiaoping zi shu, 2009, p. 13, 14].

Чтобы получить исчерпывающие ответы на вопросы, касающиеся биографий исторических деятелей КПК, во-первых, необходима системная работа на основе исторических архивных материалов, где мемуаристика выступает лишь вспомогательным инструментом. Подчеркнем: приоритетность архивных материалов вовсе не умаляет значимость мемуаров. Смысл в том, чтобы действовать в рамках исследовательской модели «сначала факты, потом воспоминания», то есть брать за основу задокументированные исторические факты и события, дополняя их воспоминаниями. Такой метод позволяет делать аргументированные выводы, не расходящиеся с исторической правдой.

В процессе исследований по тому или иному конкретному вопросу необходимо в первую очередь отбирать наиболее значимые архивные материалы, завизированные официально, имеющие отношение к таким ключевым моментам биографии, как время вступления в политическую организацию и выполняемые в ней поручения. Такого рода документы убедительны своей подлинностью, благодаря им у исследователя складывается объективная картина общественной жизни и адекватное представление о политической роли того или иного деятеля в соответствующий период.

Во-вторых, когда архивных материалов в принципе мало либо не хватает какой-то конкретики, то сосредоточиться следует на тех материалах, которые исторический деятель составил собственноручно, причем вскоре после упомянутых в них событий. В сравнении с его же мемуарами о событиях давно минувших дней либо с пересказом таких событий другими людьми сведения, изложенные участником «по горячим следам», скорее всего являются более достоверными.

При этом, конечно же, необходимо учитывать субъективный взгляд того или иного деятеля на события и принимать во внимание исторические обстоятельства, способные повлиять на содержание и форму информации, которую данный деятель сообщал о себе. Помимо прочего, не следует пренебрегать и другими материалами, представляющими интерес для решения стоящей перед исследователем проблемы.

В-третьих, когда в процессе исследования выявляются разные версии воспоминаний какого-либо деятеля об одном и том же событии, и в этих версиях фигурируют несовпадающие сведения о времени и месте события, статусе его участника и т.п., необходимо ориентироваться на ту версию, которая излагается наиболее полно и логично.

В предоставленных Дэн Сяопином данных о времени его вступления в КСМК нет принципиальных расхождений, однако в архивных документах и воспоминаниях других исторических деятелей КПК подобные расхождения встречаются довольно часто. В таких случаях необходимо принимать во внимание исторические условия, в которых были составлены соответствующие документы, и то, насколько эти документы в целом объективны, опираясь при этом на наиболее исчерпывающие и подтвержденные сведения.

В-четвертых, необходимо соблюдать методологический принцип сопоставления данных из разных источников. Когда одного материала недостаточно для полного восстановления исторической правды, необходимо искать документы и материалы официального характера, сведения, записанные со слов современников, прежде всего очевидцев, прочие дополнительные материалы, имеющие отношение к интересующим исследователя событиям, и на их основе выстраивать целостную цепочку аргументов.

В-пятых, следует руководствоваться методом исторического материализма, действовать взвешенно и скрупулезно, избегать односторонней интерпретации исследуемых событий, их субъективного и произвольного толкования. Только так обеспечивается возможность «понимать и фиксировать исторические события с позиций исторического материализма, приходить к историческим выводам на основе подробных и достоверных, точных исторических материалов, на основе глубокого и тщательного исследовательского анализа» [Xi Jinping, 2015], делать заключения, способные выдерживать проверку временем.

Таким образом, исследования проблематики членства деятелей китайского коммунистического движения в КПК и в КСМК требуют научной скрупулезности и соблюдения определенных методологических подходов, необходимых для получения объективных и точных выводов. Комплексное применение таких принципов, как приоритетность архивных материалов перед иными источниками, анализ исторических материалов в зависимости от времени их составления, сопоставление данных из разных источников, позволяет наиболее достоверно восстанавливать картину исторической реальности, добиваться всестороннего осмысления политических биографий исторических деятелей КПК, убедительно подтверждать достоверность и обоснованность выводов исследователя.

Заключение

Изучение оригиналов семи архивных документов, хранящихся в РГАСПИ, анализ процесса организационных изменений в Европейском подразделении коммунистической организации молодежи Китая и исследование дополнительных архивных материалов, касающихся других исторических деятелей КПК, позволили сделать окончательный вывод о том, что Дэн Сяопин вступил в европейское подразделение китайской коммунистической молодежной организации в июне 1923 г.

Хранящиеся в РГАСПИ оригиналы семи документов, относящихся к периоду учебы Дэн Сяопина в СССР, четыре из которых заполнены в соответствии с предложенной формой или составлены им самим, еще два подготовлены на него по линии ВКП(б) и один – в УТК им. Сунь Ятсена, объединяет общность изложенных в них сведений, высокий статус с точки зрения уровня инстанций, для которых эти документы предназначены, и степени верификации, а также соответствие изложенных в них сведений процессу организационных изменений в европейском подразделении коммунистической организации молодежи Китая. В сравнении с изданной в 2009 г. в Пекине «Автобиографией Дэн Сяопина» и воспоминаниями его дочери, где утверждается, что он вступил в указанную организацию в 1922 г., хранящиеся в РГАСПИ документы, относящиеся к «московскому периоду» жизни Дэн Сяопина, отличаются гораздо большей достоверностью – уже потому, что некоторые из них составлены им собственноручно, все они созданы вскоре после названных в них событий, а представленные в них сведения прошли строгую официальную проверку.

Расхождения по поводу времени вступления Дэн Сяопина в европейское подразделение коммунистической организации молодежи Китая отражают противоречие между конструированием образа лидера в «канонической» историографии и фактами подлинной истории, приведшее к возникновению двух разных историко-исследовательских подходов. Приверженцы первого, обращаясь к раннему периоду политической деятельности вождей КПК, стремятся максимально ярко изобразить «пионеров революции» и «отодвинуть» начало их политической деятельности в прошлое дальше, чем позволяют документально подтвержденные факты. Приверженцы второго подхода, руководствуясь фактами, делают все, чтобы восстановить историческую правду с помощью достоверных исторических материалов.

Противоречие между двумя историко-исследовательскими подходами к изучению раннего периода политических биографий руководителей КПК существует достаточно давно. Это обусловливает настоятельную необходимость сравнительных исследований на базе зарубежных архивов для получения ответов на те вопросы истории КПК, которые в течение длительного времени остаются неразрешенными. В тех случаях, когда форма и содержание составленных в Китае исторических материалов явно подверглись сильному влиянию конъюнктуры конкретного исторического момента, либо если в стране не обнаружено достаточного количества необходимых исторических материалов по тому или иному вопросу, на помощь исследователю могут прийти богатые архивы Коминтерна и ВКП(б) из фондов РГАСПИ.

Дэн Сяопин говорил: «Суть марксизма в реалистическом подходе к действительности» [Deng Xiaoping, 1993, p. 382]. Применительно к сфере исторических исследований лучше не скажешь.

Установление точного времени вступления Дэн Сяопина в европейскую секцию коммунистической организации молодежи Китая – капля в безбрежном море исторической науки, но в ней отражается базовый триединый принцип исследовательской работы в области истории КПК: архивные документы предоставляют объективные данные, организации проверяют и подтверждают их достоверность, а воспоминания занимают свое место в качестве вспомогательного материала. Этот принцип позволяет исследователю не только оставаться в рамках академических требований, но и воздать должное пионерам китайской революции.

Библиографический список

Автобиография Дозорова (1926) // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.17. Оп. 98. Д. 5304. Л. 1.

Автобиография Эми Сяо (10 января 1939 года) // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 96. Л. 58–65.

Анкета для студентов – Дозоров (5 ноября 1926 года) // РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 14. Л. 77.

Всем членам и кандидатам Коммунистической партии (ноябрь 1926 года) // РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 2. Д. 18. Л. 9–11.

Всероссийская перепись членов Российской Коммун. Партии (б.) – Дозоров (18 октября 1926 года) // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 1629. Л. 10.

Спичак Д.А., Панцов А.В. Дэн Сяопин в Москве (1926–1927): идейное становление революционера и будущего реформатора // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 4. С. 151–160.

Панцов А.В. Дэн Сяопин. М.: Молодая гвардия, 2013. 558 с.

Протокол № 4 заседания Комиссии по подготовке материалов для перевода и приема в партию (30.10.1926 г.) // РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 2. Д. 12. Л. 4.

References

Anketa dlya studentov – Dozorov (5 noyabrya 1926 goda) [Questionnaire for students – Dozorov] (November 5, 1926)]. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI) [The Russian State Archive of Socio-Political History (RSASPH)]. F. 530. Op. 1. D. 14. L. 77. (In Russian).

Avtobiografiya Dozorova [The Autobiography of Dozorov] (1926). RGASPI. F. 17. Op. 98. D. 5304. L. 1. (In Russian).

Avtobiografiya Ehmi Syao (10 yanvarya 1939) [The autobiography of Amy Xiao (January 10, 1939)]. RGASPI. F. 495. Op. 225. D. 96. L. 60. (In Russian).

Pantsov A.V. (2013). Dehn Syaopin [Deng Xiaoping]. Moscow, Molodaya gvardiya. 558 p. (In Russian).

Protokol No. 4 zasedaniya Komissii po podgotovke materialov dlya perevoda i priyoma v partiyu (30 oktyabrya 1926 goda) [Minutes No. 4 of the meeting of the Commission for the preparation of materials for transfer and admission to the party (30.10.1926)]. RGASPI. F. 530. Op. 2. D. 12. L. 4. (In Russian).

Spichak D.A., Pantsov A.V. (2011). Dehn Syaopin v Moskve (1926–1927): idejnoe stanovlenie revolyutsionera i buduschego reformatora [Deng Xiaoping in Moscow (1926–1927): the Ideological Formation of a Revolutionary and a Future Reformer]. Problemy Dal'nego Vostoka [Far Eastern Studies]. No. 4. P. 151–160. (In Russian).

Vsem chlenam i kandidatam Kommunisticheskoj partii (noyabr' 1926 goda) [To all members and candidates of the Communist Party (November 1926)]. RGASPI. F. 530. Op. 2. D. 18. L. 9–11. (In Russian).

Vserossijskaya perepis' chlenov Rossiyskoy Kommun. Partii (b): Dozorov (18 oktyabrya 1926 goda) [All-Russian Census of Members of Russian Communist Party (B.) – Dozorov (October 18, 1926)]. RGASPI. F. 495. Op. 225. D. 1629. L. 10. (In Russian).

* * *

Deng Xiaoping wen xuan 邓小平文选 [Selected Works of Deng Xiaoping] (1993). Vol. 3. Beijing, Beijing Renmin Chubanshe. 418 p. (In Chinese).

Deng Xixian 邓希贤 (1926a). Lü mo zhongguo gongchandang zhibu he zhongguo gongchanzhuyi qingniantuan zhibu dangtuanyuan diaochabiao 旅莫中国共产党支部和中国共产主义青年团支部党团员调查表 [Survey List of Party and League Members of the Chinese Communist Party Branch and the Chinese Communist Youth League Branch in Moscow]. RSASPH. F. 495. Invent. 225. Case 2574. L. 1–2. (In Chinese).

Deng Xixian 邓希贤 (1926b). Lü mo zhongguo guomindang zhi bu dangyuan diaochabiao 旅莫中国国民党支部党员调查表 [Survey List of Members of the Chinese Kuomintang Branch in Moscow]. RSASPH. F. 495. Invent. 225. Case 1629. L. 2–3. (In Chinese).

Deng Xiaoping nianpu 邓小平年谱 (2020). [Chronology of Deng Xiaoping]. Vol. 1. Beijing: Zhongyang wenxian Chubanshe. 647 p. (In Chinese).

Deng Xiaoping zi shu 邓小平自述 (2009). [Deng Xiaoping's autobiography]. Beijing, Guoji wenhua chubangongsi. 331 p. (In Chinese).

Deng Xixian jian li 邓希贤简历 [Brief Biography of Deng Xixian]. RSASPH. F. 495. Invent. 225. Case 1629. L. 5. (In Chinese).

Deng Xixian 邓希贤 (1926a). Lü mo zhongguo gongchandang zhibu he zhongguo gongchanzhuyi qingniantuan zhibu dangtuanyuan diaochabiao 旅莫中国共产党支部和中国共产主义青年团支部党团员调查表 [Survey List of Party and League Members of the Chinese Communist Party Branch and the Chinese Communist Youth League Branch in Moscow]. RSASPH. F. 495. Invent. 225. Case 2574. L. 1–2. (In Chinese).

Deng Xixian 邓希贤 (1926b). Lü mo zhongguo guomindang zhi bu dangyuan diaochabiao 旅莫中国国民党支部党员调查表 [Survey List of Members of the Chinese Kuomintang Branch in Moscow]. RSASPH. F. 495. Invent. 225. Case 1629. L. 2–3. (In Chinese).

Deng Xixian lü li zi shu 邓希贤履历自述 [Autobiographical Curriculum Vitae of Deng Xixian]. RGASPI. F. 530. Invent. 2. Case 5. L. 167–176. (In Chinese).

Fang Zhigang 方至刚 (1928). Xuesheng lü li biao 学生履历表 [Student Curriculum Vitae]. RSASPH. F. 495. Invent. 225. Case 1932. L.1. (In Chinese).

Fu zhong lü li zi shu 傅钟履历自述 [Autobiographical Curriculum Vitae of Fu Zhong] (1926). RSASPH. F. 530. Invent. 2. Case 5. L. 119–122 (In Chinese).

Gongchanzhuyi xiaozu 共产主义小组 (1987). [Communist Groups]. Vol. 2. Beijing: Zhonggong dangshi ziliao chubanshe. 975 p. (In Chinese).

Mao Mao 毛毛 (1993). Wo de fu qin Deng Xiaoping 我的父亲邓小平[My father Deng Xiaoping], vol. 1. Beijing: Zhongyang wenxian Chubanshe. 672 p. (In Chinese).

Sun Huixiu 孙会修 (2018). Zuzhi rongzhu yu ge ren nuli: Deng Xiaoping zai mosike zhongshandaxue de chengzhang 组织熔铸与个人努力：邓小平在莫斯科中山大学的成长 [Organizational Forging and Personal Endeavor: Deng Xiaoping's Development at Moscow Sun Yat-sen University]. Dang de wenxian [Party Literature]. No. 6. P. 112–121. (In Chinese).

Xi Jinping 习近平 (2015). Rang lishi shuohua yong shishi fayan shenru kaizhan zhongguo renmin kangri zhanzheng yanjiu 让历史说话用史实发言 深入开展中国人民抗日战争研究 [Let History Speak and Let the Facts Testify: Deepening the Study of the Chinese People's War of Resistance Against Japan]. Renmin Ribao (People's Daily). No. 24493 (August 01, 2015). P. 1. (In Chinese).

Ye Fan 叶帆 (2020). Deng Xiaoping liu su qijian dang zuzhi guanxi de lishi kaocha 邓小平留苏期间党组织关系的历史考察 [A Historical Investigation of Deng Xiaoping's Party Organization Relations During His Studies in the Soviet Union]. Sixiang lilun jiaoyu daokan [Journal of Ideological and Theoretical Education]. No. 11. P. 57–60. (In Chinese).

"Yi Da" qian hou: Zhongguo gongchandang di yi ci daibiao dahui qian hou ziliao xuanbian" 一大"前后：中国共产党第一次代表大会前后资料选编 (1980). [Around the Time of the First National Congress of the CPC: A Selected Compilation of Documents on the Founding of the Chinese Communist Party]. Vol. 1. Beijing, Renmin Chubanshe. 452 p. (In Chinese).

Zhongguo gongchanzhuyi qingniantuan dierci xiuzheng zhangcheng 中国共产主义青年团第二次修正章程 (1925). [The Second Revised Constitution of the Communist Youth League of China]. 10.11.2006. URL: https://www.gqt.org.cn/history/congress/documents/200612/t20061211_5511.htm (accessed: 16.01.2026). (In Chinese).

Zhongguo gongchandang zuzhishi ziliao 中国共产党组织史资料 (2000). [Historical Materials on the Organizational History of the Communist Party of China]. Vol. 1. Beijing, Zhonggong dangshi Chubanshe. 721 p. (In Chinese).

Поступила в редакцию: 23.06.2026. Received: 23 June 2026.
Принята к публикации: 19.07.2026. Accepted: 19 July 2026.

DOI: 10.48647/ICCA.2026.78.82.007

А.И. Кобзев

Идейные основы китайского учения о пестовании жизни

Аннотация. В статье выявлены и определены основные концепции и ключевые понятия древнекитайского антропологического учения о пестовании жизни (*ян-шэн* 養生), которое возникло вместе с формированием научно-философской традиции в Китае в период Чжань-го (V–III вв. до н.э.) и развивалось главным образом даосизмом как антропологическая, медицинская и алхимическая макробиотика. Проведены сопоставления исходных идей этого учения с синхронными и типологически схожими представлениями на Западе. Показана его парадоксальная эволюция от подражающего природе родового идеала приумножения людей и их поколений к противоположному стремлению природе вопреки и наперекор стихиям продлить индивидуальную жизнь человека вплоть до обретения физического бессмертия. Выявлена особая роль эротологии в этом обширном комплексе теоретических знаний и практических приемов, касающихся медицины, фармакологии, гигиены, диетики, физкультуры, психологии и других областей жизнеобеспечения. Даны определения таким важнейшим понятиям данного учения, как *шэн* 生 («жизнь, порождение»), *ци* 氣 («пневма»), *цзин* 精 («духовно-семенная эссенция, сперма»), *шэнь* 神 («божественный дух»), *цзи* 機 («пружина [естества]»), *шэнь* 身 («телесная личность»), производным от них и некоторым более специфичным вроде «пяточного дыхания» (*чжун-си* 踵息).

Ключевые слова: китайская алхимия, даосская алхимия, китайское учение о пестовании жизни, ян-шэн, даосские методы продления жизни, макробиотика, эротология

Автор: *Кобзев Артём Игоревич,* доктор философских наук, профессор, заведующий отделом Китая Института востоковедения РАН, главный научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0000–0003–2935–7794. E-mail: chinares@ivran.ru, arkobzev@gmail.com

A·I·科布泽夫

中国养生学说的思想基础

*摘要：*本文旨在识别和定义中国古代人类学养生学说的基本概念和关键思想。该学说与中国科学和哲学传统的兴起同步发展于战国时期（公元前 5 至 3 世纪），主要由道家发展而来，是结合了人类学、医学和炼丹术的长寿法。本文将该学说的原始思想与西方同时期和类型相似的思想进行比较，并阐述了其悖论式的演变过程——从模仿自然、繁衍后代的氏族理想，到与自然相悖、违反自然规律、力求延长个体寿命直至实现肉体永生的理念。本文还揭示了性学在这一涵盖医学、药理学、卫生学、营养学、体育、心理学以及其他生命支持领域的庞大理论知识和实践技术体系中的特殊作用。本文对养生学说中的一些关键概念，如“生”、“气”、“精”、“神”、“机”、“身”及其衍生概念，以及一些更特殊的术语，如“踵息” 等进行了定义。

*关键词：*中国炼丹术；道家炼丹术；中国养生术；养生；道家延寿法；长寿法；性学

*作者：*阿尔乔姆·伊戈列维奇·科布泽夫，哲学科学博士，教授，俄罗斯科学院东方学研究所中国部主任，俄罗斯科学院中国与现代亚洲研究所主任研究员。ORCID：0000–0003–2935–7794。E-mail：chinares@ivran.ru，arkobzev@gmail.com

Artem I. Kobzev

Ideological Foundations of the Chinese Teaching on Nurturing Life

Abstract. This article identifies and defines the fundamental concepts and key notions of the ancient Chinese anthropological doctrine of nurturing life (*yangsheng* 養生), which emerged alongside the formation of the scientific and philosophical tradition in China during the Zhanguo period (5th–3rd centuries BC) and was developed primarily within Daoism as an anthropological, medical, and alchemical system of macrobiotic practices. The foundational ideas of this doctrine are compared with contemporaneous and typologically similar ideas in the West. The article traces the paradoxical evolution of this tradition from a nature-oriented communal ideal centered on procreation and the continuation of successive generations to the opposing aspiration to transcend natural limits by prolonging individual life to the point of attaining physical immortality. The special role of erotology in this extensive body of theoretical knowledge and practical techniques concerning medicine, pharmacology, hygiene, dietetics, physical cultivation, psychology, and other aspects of maintaining and prolonging life is revealed. Definitions are given to such important concepts of this teaching as *sheng* 生 (“life, generation”), *qi* 氣 (“pneuma”), *jing* 精 (“spiritual-seminal essence, semen”), *shen* 神 (“divine spirit”), *ji* 機 (“spring [of nature]”), *shen* 身 (“bodily personality”), derivatives from them and some more specific ones like “heel breathing” (*zhongxi* 踵息).

Keywords: Chinese alchemy, Daoist alchemy, Chinese teachings on nurturing life, Daoist methods of life extension, *yangsheng*, macrobiotics, erotology

Author: *Artem I. Kobzev*, Dr.Sc. (Philosophy), Professor, Head of China Department of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; Chief Researcher, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000–0003–2935–7794. E-mail: chinares@ivran.ru, arkobzev@gmail.com.

Неопровержимым доказательством витального преуспеяния китайцев может считаться само их количество, являющееся достижением более грандиозным, чем Великая китайская стена, которую Ф. Кафка (F. Kafka, 1883–1924) в посвященном ей рассказе «Как строилась китайская стена» («Beim Bau der Chinesischen Mauer», 1917 г.) даже представил фундаментом новой вавилонской башни – западного символа крупнейшего сооружения всего человечества, правда не осуществленного. Ф. Кафка сам называл себя в сущности китайцем [Кафка, 2004, с. 569] и был признан «единственным истинно китайским по своему духу писателем, выросшим на Западе» другим классиком немецкой литературы и лауреатом Нобелевской премии Э. Канетти (E.S. Canetti, 1905–1994), который эту оценку подкрепил ссылкой на схожее мнение выдающегося британского синолога А. Уэйли (A.D. Waley, 1889–1966) [Канетти, 1993, с. 183].

В подтверждение удивительного проникновения Ф. Кафки в китайский дух можно привести еще один аргумент. Даже при специальном разборе его важнейшего «синологического» рассказа не была отмечена и тем более разрешена явная проблема геометрического несоответствия линейности стены и двумерности фундамента башни[1]. Однако этот ларчик легко открывается при обращении к оригинальному названию Великой стены – *чан-чэн* 長城, которое буквально означает Длинную ограду. Оба взаимосвязанных значения иероглифа *чэн* 城 «крепостная стена города» и «город», в отличие от просто «стены», вполне сочетаются с представлением о площади фундамента для вселенской башни. Именно в этой, описанной гениальным писателем, заградительной замкнутости символизирующей Китай Великой стены, или точнее Длинной ограды, скрыт парадокс преодолевающей любые ограничения и самоограничения феноменальной фертильности великого китайского народа.

Кроме того, в эпитете *чан* 長 действительно построенного им, в отличие от библейских вавилонян, чуда света отражено стремление не только к увеличению численности, но и к «продлению жизни» (*чан-шэн* 長生). То и другое объединяет подражающий природе идеал приумножения народонаселения и продления его существования. В основе данного мировоззренческого подхода лежит философский принцип, выраженный в главном произведении китайской философии «Каноне Пути-*дао* и благодати-*дэ*» («Дао-дэ цзин» 道德經, строфа 7): «Небо длительно, земля долговечна. Небо и земля оттого способны к длительности с долговечностью, что они живут не для себя, по этой причине способны длительно жить (*чан-шэн*)»[2].

[1] См., например: *Шастина М.В.* Франц Кафка и Китай // Научный диалог. 2017. № 2. С. 148–159; *она же*. «Китай Франца Кафки»: проблема парадокса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 5. С. 81–85; *Meng W.* Kafka und China. München: Iudicium-Verlag, 1986; Kafkas China. Forschungen der Deutschen Kafka-Gesellschaft / Hrsg. von K. Jobst, H. Neumeyer. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2017. Bd. 5.

[2] Подробно см.: Канон Пути-*дао* и благодати / Пер. с кит. и коммент. А.И. Кобзева // Вопросы философии. 2023. № 3. С. 113.

Теорией столь плодотворной практики стало древнее учение о «пестовании жизни» (*ян-шэн* 養生), давшее название одной из наиболее аутентичных («внутренних» *нэй* 内) глав основополагающего для даосизма «[Трактата] Учителя Чжуана» («Чжуан-цзы» 莊子, IV–II вв. до н.э.) – главе 3 «Главное в пестовании жизни» («Ян-шэн чжу» 養生主), где оно предполагает не только «сохранение своей телесной личности» (*бао-шэнь* 保身), «полное сбережение жизни» (*цюань-шэн* 全生), «исчерпание [всех] лет [своей жизни]» (*цзинь-нянь* 盡年), но и «вскармливание родных» (*ян-цинь* 養親), то есть сбережение и приумножение народа.

Знаменательно, что данные положения представлены следствиями реализации загадочного тезиса *юань ду и вэй цзин* 緣督以爲經, который обычно переводчики по контексту и разноречиво трактуют как их обобщение, например Л.Д. Позднеева (1908–1974): «взять за основу главное» и В. В. Малявин: «твердо следовать срединному пути» [Чжуан-цзы цзи-цзе, 1956, с. 18; Атеисты, материалисты…, 1967, с. 147; Чжуан-цзы: Даосские каноны…, 2002, с. 72]. Однако иероглифы *ду* 督 и *цзин* 經, обозначающие в качестве медицинских терминов акупунктурные каналы, по которым в организме циркулирует витальная пневма *ци* 氣, позволяют видеть тут не философскую абстракцию, а психофизиологическую специализацию[3], в дальнейшем охватившую широкий спектр медицинских, фармакологических, гигиенических, диетических, физкультурных, психологических и эротологических приемов, получивших название «девять великих методов пестования жизни» (*цзю да ян-шэн фан-фа* 九大養生方法).

Более подробно учение о пестовании жизни впервые было изложено в главе 49 «Внутренняя деятельность» («Нэй е» 内業) энциклопедического «[Трактата] Учителя Гуаня» («Гуань-цзы» 管子, IV–III в. до н.э.), где источником рождения и жизни всякой вещи названа духовно-семенная эссенция *цзин* 精, основным физиологическим проявлением которой является сперма [Гуань-цзы, 1956, с. 268; Древнекитайская философия…, 1973, с. 51]. Данная теория также парадоксальным образом сочетает предписание хранить ее как зеницу ока с полигамией и культом деторождения. Не менее удивительно и отделение в нем оргазма от эякуляции, представляющее собой фантастическую попытку провести грань между материей наслаждения и наслаждением материей в разработанной прежде всего даосизмом особой технике оргазма без семяизвержения, точнее с «возвращением вспять [своей] духовно-семенной эссенции» (*хуань-цзин* 還精).

Еще в начале IV в. выдающийся даосский философ и ученый, медик, алхимик и историк, Гэ Хун (葛洪, 283/284–343/363) в озаглавленном его прозвищем «[Трактате] Учителя, Объемлющего Первозданность» («Бао-пу-цзы» 抱朴子, ок. 320 г.) написал: «Я исследовал книги о пестовании [человеческой] природы <...> Главы и тома насчитывались тысячами. И во всех них циркуляции (*хуань* 還) растворов киновари (*дань* 丹) и золота (*цзинь* 金) считались главным и основным. Так что эти два дела суть предел Пути-*дао* бессмертных-небожителей» (*сянь-дао чжи цзи* 仙道之極)» [Гэ Хун, 1999, с. 61], – и привел «важнейшие слова о совершенном Пути-*дао*» (*чжи-дао яо-янь* 至道要言) из «Канона бессмертных-небожителей» («Сянь цзин» 仙經): «При-

[3] Подробно см.: Чжуан-цзы: Даосские каноны. С. 342–343, примеч. 2.

нимая киноварь и сохраняя единство (*шоу-и* 守一), кончаешь вместе с небом; возвращая [свою] духовно-семенную эссенцию и [применяя] зародышевое дыхание (*тай-си* 胎息), продляешь долголетие (*янь-шоу* 延壽) до отсутствия предела» [Гэ Хун, 1999, с. 49]. Использованные Гэ Хуном алхимические, то есть макробиотико-психофизиологические, термины переводчик и исследователь его трактата Е. А. Торчинов (1956–2003) определил следующим образом: «сохранение единства» (*шоу-и*, вариант перевода: «хранение/блюдение одного») – «набор даосских методов созерцания и визуализации божеств, сопряженных с дыхательными упражнениями»; «зародышевое дыхание» (*тай-си*) – «особый тип дыхательной гимнастики, известный с эпохи Хань. Он предполагает умение растягивать задержку дыхания и делать незаметными вдох и выдох: человек должен как бы дышать подобно зародышу в утробе матери» [Гэ Хун, 1999, с. 331–332]. В специальном исследовании *шоу-и* Е.А. Торчинов развернул его определение: «Это очень важный термин, появившийся еще в ранних текстах и активно употреблявшийся в даосских текстах как в своем узком техническом значении, <...> так и в более широком, в качестве синонима любой медитации и любого созерцания, то есть медитативной практики вообще. Более того, в ряде текстов IV–VI вв. выражение *шоу-и* начинает обозначать все “внутренние” даосские практики (то есть имеющие отношение к работе адепта с самим собой – телом, энергетикой, сознанием) в отличие от “внешних” – лабораторной алхимии, занятой изготовлением эликсира бессмертия вне тела адепта – в ретортах и тиглях. В середине VI в. буддийский монах Хуэй-сы [Хуй-сы 惠思, с. 515–577] (патриарх зарождающейся школы Тяньтай [天台]) впервые заменил в этом значении выражение *шоу-и* новым термином – *нэй-дань*, “внутренний эликсир”, “внутренняя алхимия”. Этот термин закрепился в текстах, постепенно вытеснив старое *шоу-и* на терминологическую периферию» [Путь золота и киновари…, 2007, с. 69–70].

Действительно, в основополагающем для даосизма «[Трактате] Учителя Чжуана» («Чжуан-цзы» 莊子, IV–II вв. до н.э., гл. 11) описаны «духовно-семенная эссенция совершенного Пути-*дао*» (*чжи-дао чжи цзин* 至道之精) и «предел совершенного Пути-*дао*» (*чжи-дао чжи цзи* 至道之極), ведущего к «продлению жизни» (*чан-шэн* 長生) с помощью успокоения духовно-семенной эссенции и «сохранения единства», то есть медитативного сосредоточения. Наставником в этой теории и практике продления жизни там представлен легендарный даосский персонаж и эротологический авторитет Гуан-чэн-цзы 廣成子, поучающий самого первого правителя Китая – Желтого императора-первопредка (Хуан-ди 黃帝, по традиционной хронологии 2697–2596 или 2550–2449 гг. до н.э.): «Небо и земля имеют управления, [силы] *инь* 陰 и *ян* 陽 имеют сокровищницы. Бди и сохраняй свою телесную личность (*шэнь* 身), вещи (*у* 物) сами образуются. Я сохраняю свое единство, чтобы пребывать в гармонии с ними. Поэтому я совершенствую свою телесную личность (*сю-шэнь* 修身) тысячу двести лет, а моя форма еще не испытала дряхлости» [Чжуан-цзы цзи-цзе, 1956, с. 64–66; Атеисты, материалисты…, 1967, с. 183–184; Чжуан-цзы: Даосские каноны…, 2002, с. 130-131].

Такая технология внутреннего самоусиления и продления жизни прямо называлась одним из видов «воровского похода (盜伐 *дао-фа*) на небо», или «воровского трюка с пружиной [естества]» (*дао-цзи* 盜機), то есть своеобразного обмана природы,

что также более чем парадоксально, ибо главный принцип даосизма – неукоснительное следование естественному (*цзы-жань* 自然) Пути-*дао* природы.

В основе данного представления лежала одна из самых специфичных категорий китайской философии – *цзи* 機, обозначающая перводвигатель, пружину, движущую силу, источник энергии, импульс, [жизненное] начало, [удобный] случай и парадоксально сочетающая идеи органичности и механистичности, хитроумия, махинаторства. Конкретные значения *цзи* – крючок арбалета, западня, спускать стрелу с крючка, ткацкий станок. В семантике иероглифа *цзи* 機, состоящего из ключевого элемента *му* 木 «дерево» и паронима *цзи* 幾 «зародыш, исток, край», традиционно противопоставляемые на Западе понятия «механизм» и «организм» объединяются через общий признак самодвижения, двигательного импульса, исходящего изнутри.

В даосских трактатах термин *цзи* имеет два смысла: 1) хитрое, коварное приспособление, плод человеческих рук; 2) естественное, нерукотворное устройство, движущая сила живого организма. Данное разделение соответствует фундаментальной даосской оппозиции «человеческое» *жэнь* 人 (искусственное) – «небесное» *тянь* 天 (естественное). Сердце, движимое искусностью человека, – коварно, движимое «небесным естеством» – благостно. Понятие «небесной пружины» *тянь-цзи* 天機 как «движущей силы естества», ставшее базовым для даосизма и давшее заглавие его «Канону небесной пружины» («Тянь-цзи цзин» 天機經), было введено в «[Трактате] Учителя Чжуана» («Чжуан-цзы», гл. 6, 7) с противопоставлением чувственному восприятию и чувственности *ши-юй* 嗜(耆)慾(欲): чем они глубже, тем «поверхностнее небесная пружина». У Чжуан-цзы этот «перводвигатель» человеческого естества обрел физиологический смысл: «пружина исходит из пяток» (*цзи фа юй чжун* 機發於踵) и обусловливает наиболее животворное, пронизывающее весь организм и глубочайшее «пяточное дыхание» (*си шэнь-шэнь* 息深深, *си и чжун* 息以踵), характерное прежде всего для «истинного человека» (*чжэнь-жэнь* 真人) – носителя «истинного знания» (*чжэнь чжи* 真知) [Чжуан-цзы цзи-цзе, 1956, с. 37, 50; Атеисты, материалисты…, 1967, с. 161, 172; Чжуан-цзы: Даосские каноны…, 2002, с. 95, 109]. Это представление «даосской йоги» о витально-медитативном «пяточном дыхании» выражено и в других древних канонах даосизма – «[Трактате] Учителя Ле» («Ле-цзы» 列子, IV в. до н.э. – IV в. н.э., гл. 2) [Атеисты, материалисты…, 1967, с. 61; Чжуан-цзы, 1995, с. 308] и «[Трактате] Учителя из Хуайнани» («Хуайнань-цзы» 淮南子, II в. до н.э., гл. 1, 7) [Хуайнань-цзы, 2016, с. 104].

Однако в тех же текстах и прежде всего в «[Трактате] Учителя Чжуана» («Чжуан-цзы», гл. 12) использование «механических приспособлений» (*цзи-се* 機械), то есть усовершенствованных орудий труда, объявлено источником «механических дел» (*цзи-ши* 機事) и в результате – «механического сердца» (*цзи-синь* 機心), или эгоистического хитроумия, которое приводит к «неупроченности духовной жизни» (*шэнь-шэн бу дин* 神生不定), противоречащей Пути-*дао* [Чжуан-цзы цзи-цзе, 1956, с. 75; Атеисты, материалисты…, 1967, с. 192; Чжуан-цзы: Даосские каноны…, 2002, с. 140–141]. Поэтому в «Каноне Пути-*дао* и благодати-*дэ*» («Дао-дэ цзин» 道德經, строфа 80) содержится призыв: «Пусть имеются десятки и сотни орудий (*ци* 器), но не применяются»[4]. Подобная смысловая амбивалентность запечатлена и в «[Трактате] Учителя

[4] Подробно см.: Канон Пути-*дао* и благодати. С. 128.

из Хуайнани» («Хуайнань-цзы», гл. 20, 1), где, с одной стороны, «механическое сердце» представляется разрушающим целостность «духовной благодати» (*шэнь-дэ* 神德), а с другой – причастность «небесной пружины» выступает атрибутом «святомудрого человека» (*шэн-жэнь* 聖人) [Хуайнань-цзы, 2016, с. 20, 28, 336]. В «[Трактате] Учителя Чжуана» («Чжуан-цзы», гл. 18) и «[Трактате] Учителя Ле» («Ле-цзы», гл. 1) дано общее определение онтологического статуса *цзи* как «зародыша-перводвигателя», из которого происходит и к которому в конце концов опять «возвращается» (*фань* 反) человек вместе со всем сущим: «Вся тьма вещей (*вань-у* 萬物) исходит из пружины [естества] и вся входит в пружину [естества]» [Чжуан-цзы цзи-цзе, 1956, с. 114; Атеисты, материалисты…, 1967, с. 46, 225; Чжуан-цзы: Даосские каноны…, 2002, с. 187, 378].

В «Каноне сокровенных свидетельств» («Инь-фу цзин» 陰符經, I–II вв.)[5], приписываемом Желтому императору-первопредку (Хуан-ди), обретшем первостепенную значимость в средневековом, или так называемом религиозном, даосизме и оказавшем существенное влияние на неоконфуцианство, антропоцентрический тезис «Человеческое сердце – пружина [естества]» в строфе 1 сочетается в строфе 2 с идеей всеобщей взаимозависимости внутри универсума, выраженной метафорой «ограбления» (*дао* 盜) небом и землей всей тьмы вещей, всей тьмой вещей – человека, а человеком – всей тьмы вещей. Подобную взаимосвязь «трех грабителей» (*сань-дао* 三盜) определяет невидимая и непостижимая для большинства людей «грабительская пружина [естества]» (*дао-цзи* 盜機), благодаря которой «благородный муж» (*цзюнь-цзы* 君子) достигает «укрепления тела» (*гу-гун* 固躬), а «ничтожный человек» – «ослабления [жизненного] предопределения» (*цин-мин* 輕命) [Путь золота и киновари…, 2007, с. 206-207]. На этих положениях в средневековом даосизме основывалась практика психофизиологического самосовершенствования, в том числе «достижения бессмертия» (*чан-шэн бу/у-сы* 長生不/無死), которая в соответствии с исходной семантикой хитроумной «пружины [естества]» представлялась «перевертыванием» естественного движения от колыбели к могиле.

В качестве детально проработанного учения, как на общетеоретическом, философском, так и на конкретно-научном, медицинском уровне, этот комплекс идей представлен в классическом сочинении философа и врача, алхимика и даосского патриарха Тао Хун-цзина[6] (陶弘景, 456–536) «Утраты и обретения в обладании женщиной» («Юй-нюй сунь-и» 御女損益)[7], где, в частности, сказано: «Желая обладать женщиной, следует сначала взбудоражиться, укрепиться и вздыбиться, однако соединяться с ней медленно и спокойно, стремясь к достижению иньской пневмы (*инь-ци* 陰氣). Иньская пневма вызовет мгновенное самоукрепление. Укрепившись и приступив к делу,

[5] Время создания памятника является предметом дискуссий, но современная датировка текста существенно более поздняя. Ф. Прегадио определяет время его создания интервалом между концом VI и VIII в. *Подробнее см*. The Book of the Hidden Agreement: A Taoist Text on the Harmony between Heaven and Humanity // Golden Elixir Press. https://goldenelixir.com/press/trl_06_yinfu_jing.html (*прим. ред*.)

[6] Авторство спорно, ряд современных исследователей относит компиляцию к эпохе Тан (*прим. ред.)*

[7] См. пер.: *Кобзев А.И.* Эрос за китайской стеной. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. С. 112–125.

надо медленно или быстро привести в движение духовно-семенную эссенцию (*цзин*) и как раз в это время ее закупорить, успокоить дыхание, закрыть глаза, лечь на спину и заняться [гимнастическим] втягиванием и растягиванием (*дао-инь* 導引). Когда организм восстановится, можно приступить к обладанию другой женщиной. Желательно при первом же движении [духовно-семенной эссенции] сразу менять ту, с которой совокупляешься. Такие смены могут продлевать жизнь»[8].

«Втягивание и растягивание» (*дао-инь*) – это медико-макробиотическая гимнастика, построенная на физических и дыхательных упражнениях в сочетании с самомассажем и направленная на общее психофизическое укрепление организма, излечение от болезней и продление жизни. Она наглядно представлена цветными рисунками 44 упражнений на «Изображении [гимнастического] втягивания и растягивания» («Дао-инь ту» 導引圖, начало II в. до н.э.), найденном китайскими археологами в третьей могиле кургана Мавандуй (близ г. Чанша провинции Хунань) в 1973 г. [Mawangdui Han mu boshu…, 1985, с. 49–52, 95; Кобзев, 2009, с. 430], и уже упомянута в древнейшем и важнейшем медико-философском трактате «Каноне Желтого императора-первопредка о внутреннем» («Хуан-ди нэй-цзин» 黃帝內經, Ш–I вв. до н.э.), где в первом разделе «Вопросы о простом» («Су вэнь» 素問, гл. 12) в сочетании с «[массажным] надавливанием и приподниманием» (*ань-цяо* 按蹻) описана как средство лечения заболеваний, характерных для центральных областей Поднебесной, в которых «небо и земля рождают всю тьму вещей во множестве» [Ershi shizi…, 1990, с. 890]. Медико-макробиотическую формулу *дао-инь ань-цяо* ([гимнастическое] втягивание и растягивание, [массажное] надавливание и приподнимание») немецко-американский историк медицины И. Ф. Вейт (I. F. Veith, 1912–2013) перевела развернутой фразой «дыхательные упражнения, массаж кожи и мышц и упражнения для рук и ног» [Huang Ti Nei Ching Su Wên…, 1949, p.48], а отечественный синолог Б.Б. Виногродский (1957 г. р.) – кратким сочетанием «массаж и психофизические упражнения» [Трактат Желтого императора…, 2025, с. 55].

Продление жизни и ее пестование (*чан-шэн, ян-шэн*, *янь-шоу*, *чан-шоу* 長壽, *янь-шэн* 延生) в традиционном китайском мировоззрении связано отнюдь не только с почтением к роевым, родовым, надличностным проявлениям природной стихии. Иероглиф *шэн* 生 («жизнь») в китайском языке является одним из средств индивидуализации и персонализации с выделительно-уважительным смысловым оттенком, что выражается в его значении «господин» (ср.: «урожденный»). Этот же иероглиф знаменует собой связь в человеческом индивиде жизненного начала с производительной функцией, то есть не только рожденностью, или урожденностью, но и способностью порождать, поскольку он сочетает значения «жизнь» и «рождение».

Поэтому в строгом смысле полноценной личностью, «сформировавшимся человеком» (*чэн-жэнь* 成人) китаец признавался лишь после обзаведения собственным ребенком и таким образом всецелого включения в гилозоистический процесс космического животворения. Стоит еще раз подчеркнуть, что в подобном взгляде на вещи отражено не только преклонение перед родовым началом и соответствующий этому культ предков, требующий производства потомства для служения праотцам, но глу-

[8] Подробно см *Кобзев А.И.* Эрос за китайской стеной. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. С. 115.

бинное представление о жизни-рождении как высшей индивидуальной ценности. Сам главный закон мироздания – Путь-*дао* происходящих в нем «перемен» (*и* 易), то есть взаимодействий и взаимопревращений противоположных (включая половой аспект) сил *инь* и *ян*, в озаглавленной этим термином китайской «книге книг» «Всеохватные перемены [эпохи] Чжоу» («Чжоу-и» 周易), или «Канон перемен» («И-цзин» 易經) трактуется именно в качестве «порождающего жизнь» *шэн-шэн* 生生 («Си-цы чжуань» 繫辭傳 – «Предание привязанных афоризмов», I, 5) [Щуцкий, 2003, с. 587; Юркевич, 2006, с. 629–630], и соответственно тем же должен заниматься следующий Пути-*дао* человек.

Исходная семантика китайской иероглифики нагляднейшим образом запечатлела единство личностного и порождающего. Пиктографический этимон иероглифа *шэнь* 身, обозначающего не только личность, но и ее тело как целостный и самостоятельный духовно-телесный организм[9], изображал женщину с акцентированно выпяченным животом и даже выделяющимся в животе плодом. Отсюда и сохраняемое до сих пор у *шэнь* начальное значение «беременность». Для сравнения отметим, что носителям русского языка самоочевидна сущностная связь понятий жизни и живота («живот»), а носителям немецкого – понятий тела и живота («Leib»).

Понимание человека как субстантивированной и индивидуализированной жизни логически связано с китайским способом отсчитывать его возраст не с момента выхода из утробы матери, а с момента зачатия[10], ибо, действительно, тогда возникает новый комок жизни. Подобным пониманием человека обусловлено традиционное для Китая, кстати достаточно проницательное и подтвержденное современной наукой, представление о том, что его обучение начинается «во чреве матернем еще до рождения», по выражению основоположника отечественной синологии Н. Я. Бичурина (архимандрита Иакинфа, 1777–1853). Комментируя тезис базового для неоконфуцианского образования пропедевтико-энциклопедического «Троесловного канона» («Саньцзы цзин» 三字經, XIII в., строфа 2)[11] «Если не обучать, то природа (*син* 性) [человека] изменится», он писал: «В чем же состоит учение? В древние времена женщины, почувствовав зачатие, не сидели, склонившись, не ложились на бок, не стояли подбоченясь, ходили правильно, не смотрели на омерзительные предметы, не слушали непотребных слов, не говорили нелепостей, не употребляли прихотливых яств, но всегда соблюдали усердие и почтение к родителям, дружелюбие к младшим, доброжелательство к ближним. Поэтому и дети от них рождались с высокими дарованиями, превосходившие прочих мудростью и добродетелями» [«Троесловие»…, 2013, с. 35]. Находящееся в материнском лоне существо может быть «обучаемо» хотя бы потому, что уже в самой его духовно-семенной эссенции (*цзин*) с телесностью слита воедино духовность.

[9] Подробно см.: *Кобзев А.И.* Философия китайского неоконфуцианства. М.: Вост. лит., 2002. С. 317–331; *Кобзев А.И.* Ван Ян-мин и его «Записи преподанного и воспринятого». Исследование и перевод. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 246–252.

[10] *сюйсуй* символически включает время внутриутробного развития в общий счёт жизни, но делает это через календарный механизм, а не через точный отсчёт от даты зачатия (*прим. ред.*)

[11] Подробно см.: *Кобзев А.И.* «Сань цзы цзин» // Духовная культура Китая: энциклопедия. Т. 5: Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. М.: Вост. лит., 2009. С. 825–828.

Цзин – специфический и весьма трудно переводимый термин. Его исходное значение – «отборный, очищенный, обрушенный рис», в котором он использован, например, при описании меню Конфуция (552/551–479) в «Обсужденных речах» («Луньюй» 論語, X, 8)[12]. Расширившись, оно обрело два семантических полюса: «семя» (физическая эссенция) и «дух» (психическая эссенция). Таким образом, понятие *цзин* выражает идею непосредственного тождества сексуальной и психической энергий. Закрепленная термином «либидо», аналогичная фрейдистская идея, после многовекового освященного христианством противопоставления сексуального и духовного начал как двух антагонистов, стала для Европы откровением, хотя для ее «языческих» мыслителей она была достаточно очевидной. На подобной основе зиждились китайские, в особенности даосские, теории продления жизни посредством накопления анимосексуальной энергии.

Следует сразу отметить, что обычный западный перевод иероглифа *цзин* словом «сперма» не точен, поскольку данный китайский термин обозначал семя вообще, а не специально мужское. Духовно-семенная эссенция *цзин* – это рафинированная пневма-*ци*, которая может быть как янской, мужской (*ян-ци* 陽氣, *нань-ци* 男氣), так и иньской, женской (*инь-ци* 陰氣, *нюй-ци* 女氣). Главный трактат китайской философии «Канон перемен» являлся также методологической основой для учения о пестовании жизни. Например, именем его 63-й гексаграммы (*гуа* 卦) Цзи-цзи 既濟 (Уже конец) даже назван основополагающий для этого учения «Истинный канон Уже конца» («Цзи-цзи чжэнь-цзин» 既濟真經), который приписывается обожествленному в качестве бессмертного-небожителя (*сянь* 仙) даосскому патриарху традиции внутренней алхимии (*нэй-дань* **内丹**) Люй Дун-биню 吕洞宾 (конец VIII – начало XI в.) и достоверно существует с середины XVI в. В самом теоретичном разделе «Канона перемен» – «Предании привязанных афоризмов» («Си-цы чжуань», II, 4-5) главные три- и гексаграммы мужская Цянь 乾 (Творчество/Небо) и женская Кунь 坤 (Исполнение/Земля) прямо определены как пенис (*ян-у* 陽物) и вульва (*инь-у* 陰物), которые «совпадают в благодати» (*хэ-дэ* 合德), а также сказано: «Мужское и женское [начала] связывают духовно-семенные эссенции (*гоу-цзин* 構精), и вся тьма вещей превращаясь рождается (*хуа-шэн* 化生)» (II, 4–5); «Духовно-семенная эссенциальная пневма (*цзин-ци* 精氣) воздействуя создает (*вэй* 為) [все] вещи» (I, 4) [Щуцкий, 2003, с. 587, 594] . Там же в ряде пассажей сделан акцент на психическом, а не физиологическом аспекте семантики иероглифа *цзин*, обозначающего дух, душу, разум: «Благородный муж <...> знает, какая вещь произойдет. Разве способен кто-либо без совершенной духовно-семенной эссенции (*чжи-цзин* **至**精) в Поднебесной быть причастен этому?» (I, 9); «Осмысление духовно-семенной эссенции (*цзин-и* 精義) проникает в божественный дух (*шэнь* 神)» (II, 3) [Щуцкий, 2003, с. 590, 593].

Поэтому неслучайно первый переводчик «Канона перемен» на английский язык [McClatchie, 1876], ирландский каноник и англиканский миссионер в Гонконге и Шанхае Т. Макклатчи (T. MacClatchie, 1813–1885)[13], истолковал его посредством

[12] См. пер.: Беседы и суждения Конфуция / Сост. Р.В. Грищенков. СПб.: Кристалл, 1999. С. 341–342.

[13] Подробно о нем см.: *Rutt R.* The Book of Changes (Zhouyi). L.; N.Y.: Routledge Curzon, 2002. P. 66–68.

фаллической теории, основанной на библейских символах и сравнительной мифологии, с использованием латыни для генитальных терминов вроде membrum virile и pudendum muliebre при трактовке главных фигур-*гуа* Цянь и Кунь[14]. Разумеется, эта теория сразу стала предметом резкой критики, с которой одним из первых выступил гораздо более известный и влиятельный синолог, тоже миссионер в Китае, шотландский пресвитерианин Дж. Легг (J. Legge, 1815–1897), что, впрочем, могло быть мотивировано пуританской обстановкой того времени и конфликтом интересов, поскольку он через шесть лет опубликовал собственный перевод «Канона перемен» и подчеркнул свой приоритет заявлением о его создании гораздо раньше, в 1854–1855 гг. [Legge, 2013, p. XVII; Щуцкий, 2003, с. 94–95] Через полвека к форменному разносу Дж. Легга присоединился Ю К. Щуцкий, назвавший позицию Т. Макклатчи «наукообразным бредом» [Щуцкий, 2003, с. 94–95].

Однако довольно скоро пуританские табу отошли в прошлое, а в Китае вопреки голословному утверждению Дж. Легга, будто «у самих китайцев нет ни малейшего представления о фаллическом культе», были найдены явные свидетельства фаллических и ктеических культов с соответствующей недвусмысленной символикой, благодаря чему такие крупные научные авторитеты, как Дж. Нидэм (J. Needham, 1900–1995) и Ван Лин 王鈴 (Wang Ling, 1918–1994), ничтоже сумняшеся «в полном соответствии со стилем древнекитайской мысли» интерпретировали фигуры-*гуа* Цянь и Кунь как пиктограммы мужских и женских гениталий [Needham, Wang Ling, 1956, p.310]. Пионером же исследований на Западе учения о пестовании жизни с его эротологической составляющей стал блестящий французский синолог А. Масперо (H.P.G. Maspero, 1883–1945) [Maspero, 1937, p. 177–252, 353–440].

Согласно даосским концепциям, выраженным в энциклопедическом «[Трактате] Учителя из Хуайнани» («Хуайнань-цзы», гл. 7, 8), духовно-семенная эссенция *цзин* и в космологической, и в антропологической иерархии занимает срединное положение между божественным духом *шэнь* и пневмой *ци*, формируя в космосе солнце, луну, звезды, небесные ориентиры (*чэнь* 辰), гром, молнию, ветер и дождь, а в человеке «пять внутренностей» (*у-цзан* 五臟), то есть паренхиматозных органов – сердце, печень, селезенку, почки и легкие, которые, в свою очередь, находятся в координации с внешними органами чувств [Хуайнань-цзы, 2016, с. 99–100, 109, 115]. Здесь утверждается, что «духовно-семенная эссенциальная пневма (*цзин-ци*) воздействием создает человека» [Хуайнань-цзы, 2016, с. 99], а не все вещи, как сказано в «Предании привязанных афоризмов». Она является квинтэссенцией пневмы *ци* (на графическом уровне эту связь выражает наличие общего элемента *ми* 米 «рис» у иероглифов *цзин* 精 и *ци* 氣), и ее можно рассматривать как особый вид пневмы *ци*.

В данном контексте положение из «Хуайнань-цзы» (цз. 8): «Когда духовно-семенная эссенция (*цзин*) наполняет глаза, они ясно видят» [Хуайнань-цзы, 2016, с. 115], – полностью совпадает с мнением древнегреческих стоиков: «Зрение – это пневма, распространяющаяся от управляющей части (души. – *А.К.*) до глаз», воспроизводящая часть души – это «пневма, распространяющаяся от управляющей части до дето-

[14] Помимо его перевода см.: *McClatchie T. The Symbols of the Yih-King* // China Review. Vol. 1. *No*. 3. 1872. P. 151–163; *Id.* Phallic Worship // China Review. Vol. IV. No. 4. 1876. P. 257–261.

родных органов» [Антология мировой философии…, 1969, с. 491–492], и в особенности Хрисиппа (III в. до н.э.): «Сперма есть пневма», или «Семя есть дыхание» (Диоген Лаэртский, VII, 159) [Диоген Лаэртский, 1986, с. 293], а также со взглядами на этот предмет Аристотеля (384–322 до н.э.): «Половое возбуждение вызывается пневмой (воздухом)» («Проблемы», I, 30) [Лурье, 1970, с. 343].

Древнегреческий термин «**σπέρμα**», подобно китайскому иероглифу *цзин*, обозначал не только мужское, но и женское семя, в отличие, например, от термина «θόρος», относившегося только к мужскому семени. В античной Греции, как в Китае и, видимо, во всем древнем мире, философы и медики разделяли представление о наличии семени и у мужчины, и у женщины, смешивающегося при совокуплении для зачатия[15]. Согласно определению Аристотеля, «изливающее семя в себя называется самкой, а в нее – самцом» («История животных», I, III (20)) [Аристотель, 1996, с. 77]. В качестве женского семени древнегреческие философы и медики, подобно китайским ученым, рассматривали и месячные выделения[16].

Разумеется, обсуждался ими и вопрос о локализации спермы в человеческом организме. Как на места ее зарождения они указывали на матку и περίνεος (мужской аналог матки), на головной, спинной и костный мозг, на кровяную систему и даже на все тело[17]. Для античности характерно представление об изоморфизме женских и мужских половых органов, различающихся друг с другом «вывернутостью» внутрь и наружу. Например, согласно Аэцию (V, 5, 1) «Эпикур и Демокрит [утверждают], что самки выделяют сперму: у нее есть яички, но они обращены в обратную сторону по сравнению с мужскими» [Лурье, 1970, с. 343; Гален, 1971, с. 468].

Отец западной медицины Гиппократ (ок. 460 – 371 до н. э.) признавал существование как мужского, так и женского семени, которое «отделяется от всего тела» и «исходит от всей той влаги, которая содержится в человеке». Оно движется от головы через спинной мозг, почки и тестикулы к детородным органам. Его возбуждение представляет собой согревание и вспенивание («О семени») [Гиппократ, 1994, с. 224–229]. О распространенности такого взгляда в древности свидетельствует сообщение Климента Александрийского (ок. 150 – ок. 215) в «Педагоге» (I, 6, 48): «Некоторые полагают, что и сперма животных по своей сущности есть пена крови (ἀφρός); сбиваемая во время соитий под воздействием врожденного пыла самца, она вспенивается

[15] См., например: *Лурье С.Я.* Указ. соч. С. 210, № 12, с. 343–345, № 529–533; Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1 / Сост. А.В. Лебедев. М.: Наука, 1989. С. 270–271, № 13, с. 285, № 53–54, с. 400, № 644, с. 422, № 13, с. 530, № 107, 111, с. 546, № 27; *Гиппократ*. Избранные книги / Пер. В.И. Руднева. М.: Сварог, 1994. С. 224–229, № 1–8; *Диоген Лаэртский*. Указ. соч. С. 293; *Клавдий Гален*. О назначении частей человеческого тела / Пер. С.П. Кондратьева. М.: Медицина, 1971. С. 478–480, № 183–193; *Немезий Эмесский*. О природе человека / Пер. Ф. С. Владимирского. М.: Канон+, Реабилитация, 1998. С. 95; ср. аналогичное древнеиндийские и древнееврейские представления: *Захаров А.О.* Сперма в «Законах Ману»: сексуальность и религия в Древней Индии // Восток. 2021. № 2. С. 18–31; *Pinto-Correia C.* The Ovary of Eve: Egg and Sperm and Preformation. Chicago: University of Chicago Press, 1997.

[16] См., например: *Аристотель*. О возникновении животных, II, 8 (*Лурье С.Я.* Указ. соч. С. 342, № 519); *Гиппократ*. О семени, 2 (*Гиппократ*. Указ. соч. С. 226).

[17] См., например: *Лурье С.Я.* Указ. соч. С. 343, № 523–525; Фрагменты ранних греческих философов. С. 270–271, № 13, с. 422, № 12, с. 545, № 24, с.553, № 6; *Диоген Лаэртский*. Указ. соч. С. 293; *Гиппократ*. Указ. соч. С. 224–226.

и откладывается в семенных железах; отсюда, по мнению Диогена Аполлонийского, происходит название любовного соития (ἀφροδίσια)» [Фрагменты ранних греческих философов…, 1989, с. 545].

Подобные представления о семени пережили не только греко-римскую античность, но и христианское средневековье, будучи унаследованными европейской философией и наукой нового времени. К примеру, один из основоположников современной западной культуры Р. Декарт (1596–1650) в трактате 1648 г. «Описание человеческого тела. Об образовании животного» (IV, 27) писал, что зародыш (semence) животных «обычно имеет своим началом соединение двух полов и представляет собой простую мутную смесь двух жидкостей. Одна жидкость является бродилом для другой, благодаря чему они нагреваются так, что некоторые частицы приобретают движение, подобное тому, какое присуще огню. Они расширяются, оказывают давление на другие частицы и таким образом приводят последние в состояние, необходимое для образования частей тела. Нет нужды, чтобы обе эти жидкости слишком отличались одна от другой. Известно, что от старого теста может подняться новое, а пена пива может служить дрожжами для нового пива. Таким образом, допустимо предположение, что семена обоего пола, смешавшись, служат дрожжами друг для друга» (пер. С.Ф. Васильева) [Декарт, 1989, с. 440].

Гиппократ выдвинул оригинальную теорию половой дифференциации, которую выдающийся знаток античной науки и профессор медицины В.П. Карпов (1870–1943) назвал «принадлежащей к числу самых значительных прозрений древности» [Гиппократ, 1994, с. 257]: «Семя, выпущенное женщиною, бывает иногда сильнее, иногда слабее; так же точно и выпущенное мужчиною. Есть также и у мужчины женское и мужское семя и так же точно у женщины; мужское же бывает сильнее женского, поэтому рождение необходимо происходит от более сильного» («О семени») [Гиппократ, 1994, с. 227–228]. В примечании к изложению данной теории В.П. Карпов в 1936 г. писал: «Философам она совершенно чужда и у врачей после Гиппократа не встречается. Она предвосхищает mutatis mutandis учение современной цитологической генетики о возникновении пола в зависимости от попадания в яйцевую клетку того или иного количества половых хромосом. По формулировке Вильсона один пол есть плюс-пол, другой – минус-пол; разница только в том, что плюс-пол считается теперь женским, а не мужским, как во времена Гиппократа» [Гиппократ, 1994, с. 257].

Эта теория, «совершенно чуждая», по определению В.П. Карпова, западной античности, поразительным образом совпадает с классическим китайским учением о взаимопроникновении женского и мужского начал. Как сказано в разделе «Вопросы о простом» «Канона Желтого императора-первопредка о внутреннем» («Хуан-ди нэй-цзин», «Су вэнь», цз. 1, гл. 4), «внутри [женского начала] *инь* имеется [мужское начало] *ян*, внутри [мужского начала] *ян* имеется [женское начало] *инь*» [Ershi erzi…, 1990, с. 879; Huang Ti Nei…, 1949, p. 111; Трактат Желтого императора…, 2025, с. 17]. Второй после Гиппократа корифей западной медицины Клавдий Гален (ок. 129 – ок. 216) считал доказанным, что «менструальная кровь не является первоначальной и подходящей субстанцией для рождения живого существа», «сперма» же, как мужская, так и женская, состоит из «влаги и пневмы» («О назначении частей человеческого тела», XIV, 3) [Гален, 1971, с. 464].

Опиравшийся на фундамент античности и сформулировавший основы христианской антропологии Немесий Эмесский (кон. IV – нач. V в.) резюмировал: «Итак, вены и артерии переваривают кровь в семенную жидкость, чтобы питаться ею; то же, что остается от пищи, становится семенем. Оно возносится, прежде всего, большой окружностью в голову; затем из головы опять ниспадает через пару вен и пару артерий» («О природе человека», гл. 25, 244) [Немезий Эмесский, 1998, с. 94].

Эту итоговую для античной греко-римской медицины точку зрения М. Фуко (1926–1984) резюмировал следующим образом: «Гален не разделяет гиппократическое представление автора De generatione о том, что сперма образуется в результате волнения крови, и не считает вслед за Аристотелем, что она представляет собой итог процесса пищеварения. Он видит в ней содержание двух элементов: с одной стороны, это продукт определенного “проваривания” крови в семенных канальцах (именно такая медленная выработка постепенно придает ей цвет и консистенцию), с другой стороны, в ней отмечается наличие пневмы, из-за которой и набухают половые органы: стремясь покинуть тело, она в момент эякуляции сливается с семенем. Однако возникает эта pneuma в сложном лабиринте мозга» [Фуко, 1998, с. 121].

Китайские же ученые, прежде всего даосской ориентации, «в сложном лабиринте мозга» выделяли находящуюся в области макушки точку *нихуань* 泥洹 («нирвана») как средоточие жизненной силы, куда следует через позвоночный столб и «море костного мозга» (*суй-хай* 髓海), то есть заднюю часть мозга, направлять «обращенную вспять» сперму[18].

Стояла перед древнегреческими философами также проблема соотношения спермы и души, но это была именно теоретическая проблема, а не факт языковой семантики. Пифагор (VI–V в. до н.э.) считал сперму струей мозга, а душу – присущим ей горячим паром (Диоген Лаэртский, VIII, 28) [Диоген Лаэртский, 1986, с. 314], Левкипп и Зенон Китийский (IV–III в. до н.э.) утверждали, что «сперма – клочок души» [Лурье, 1970, с. 343] (ср.: Диоген Лаэртский, VII, 158 [Диоген Лаэртский, 1986, с. 293]), а Гиппон (V в. до н.э.) прямо отождествлял душу со спермой (Аристотель. «О душе», кн. 1, гл. 2, 405, в 1–6) [Аристотель, 1975, с. 378; Фрагменты ранних греческих философов…, 1989, с. 421–422]. С точки зрения Аристотеля, сперма потенциально предполагает душу («О душе», кн. II, гл. 1, 412 в 26–30) [Аристотель, 1975, с. 396], тогда как духовно-семенная эссенция *цзин*, наоборот, потенциально предполагает тело: «Духовно-семенная эссенция (*цзин*) – это корень телесной личности (*шэнь* 身)» («Хуан-ди нэй-цзин», «Су вэнь», цз. 1, гл. 4) [Ershi erzi…, 1990, с. 879; Huang Ti Nei…, 1949, p. 111; Трактат Желтого императора…, 2025, с. 17].

Наконец, термин «сперма» в древнегреческих текстах имел и самое общее значение, сопоставимое со значением «духовно-семенной эссенции *цзин*» в максимах «Предания привязанных афоризмов» («Си-цы чжуань», I, 4): «Духовно-семенная эссенциальная пневма (*цзин-ци*) воздействуя создает (*вэй*) [все] вещи», – или «[Трактата] Учителя Гуаня» («Гуань-цзы»): «Духовно-семенная эссенция (*цзин*) всякой вещи есть то, что воздействуя (*вэй*) рожает (вариант перевода: воздействуя создает

[18] См., например: *Гулик Р. ван*. Сексуальная жизнь в древнем Китае / Пер. А.М. Кабанова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. С. 217–219.

жизнь. – *А.К.*). Внизу рождаются пять злаков. Вверху образуются ряды звезд. Если [она] распространяется между небом и землей, это будут нави (*гуй* 鬼) и духи (*шэнь* 神). Если же [она] сокрыта в груди, это будет святомудрый (*шэн* 聖) человек» [Гуаньцзы, 1956, с. 268; Древнекитайская философия…, 1973, с. 51]. Но если в самом общем значении – «духовно-семенная эссенция всех вещей» китайский термин *цзин* сближался с понятием воздуха или чего-то воздухоподобного (*ци*), то его греческий аналог «сперма» в сходном значении скорее сближался с понятием воды или влаги (Фалес, А 12; Гераклит, В 31; Эмпедокл, А 33, Гиппон, Гиппократ) [Фрагменты ранних греческих философов…, 1989, с. 109, 220, 356, 421–422; Гиппократ, 1994, с. 224, 226], хотя в более узком, сексуальном, смысле, как мы видели, мог связываться и с воздухоподобной пневмой.

Вероятно, всем культурам знакомо более или менее проясненное разумом интуитивное представление о сперме как жизненно-духовной сущности, растрата которой смертоносна, а накопление – животворно. В разных частях света обыденная логика из этой предпосылки выводила стремление к половому воздержанию, безбрачию (целибату) и даже самооскоплению во имя сохранения своих жизненных и духовных сил (например, у русской секты скопцов)[19]. А древнекитайские мыслители, и прежде всего даосы, выдвинули «безумную идею», предложив идти к той же цели, но обратным путем – максимальной интенсификации половой жизни, однако в чем состоит весь фокус – предельно минимализируя и даже сводя на нет семяизвержение.

Что же касается духовно-религиозного аспекта такой экстремальной ситуации, как оскопление, то в противоположность практически реализовавшемуся в скопчестве христианскому порыву к отсечению соблазняющего тебя собственного члена, китайцы обращались к высшим силам за помощью в регенерации утраченного уда, а евнухи хранили как зеницу ока свое вынужденно отсеченное «сокровище», истово веря в воссоединение с ним после смерти[20]. К примеру, Хоу Бо 侯白 (втор. пол. VI – нач. VII в.) в «Записках о достопамятных странностях» («Цзин-и цзи» 旌異記)[21] поместил буддийский «короткий рассказ» (*сяо-шо* 小說) «Оскопленный вновь обретает мужское достоинство», в котором описано соответствующее исцеление под воздействием чтения «Аватамсака-сутры» («Хуа-янь цзин» 華嚴經) кастрированного в 477 г. чиновника [Ван Янь-сю и др.…, 1998, с. 219–220].

Поэтому глубоко ошибется тот, кто усмотрит в даосской рекомендации совершать за одну ночь половые акты с десятком женщин выражение безудержной распущенности и непомерного сладострастия. Мало того, даже в специальных эротологических сочинениях секс не рассматривается как нечто самоценное (например, высшее наслаждение или воссоединение со своей половиной иного пола), но лишь как средство

[19] См., например: *Эткинд А.* Хлыст (Секты, литература и революция). М.: НЛО, 1998; *Энгельштейн Л.* Скопцы и Царство Небесное: Скопческий путь к искуплению. М.: ОГИ, 2002.

[20] Подробно см.: *Усов В.Н.* Евнухи в Китае. М.: Муравей, 2000; *Хьюмана Ч., Ван У.* Тайны китайского секса. Взгляд за ширму. М.: Вагриус, 1995. С. 40–52; *Хьюмана Ч., Ван Ву.* Инь – Ян. Китайское искусство любви / Пер. С.И. Блюмхена, А.Д. Дикарева. М.: Крон-Пресс, 2000. С. 74–94; Книга дворцовых интриг / Сост. Д.Н. Воскресенский, В.Н. Усов. М.: Наталис, 2002.

[21] Подробно см.: *Алимов И.А.* Сад удивительного: Краткая история китайской прозы сяошо I–VI вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014. С. 383–386.

достижения более высоких ценностей, охватываемых понятием «жизнь». На первый взгляд, поражает конвергенция даосского витализма с христианским персонализмом Н.А. Бердяева (1874–1948), утверждавшего, что «пол связан с тайной самого бытия человека», «категории пола – мужское и женское, – категории космические, а не только антропологические» и «победа над рождающим сексуальным актом будет победой над смертью» («Смысл творчества») [Бердяев, 1989, с. 567]. Однако если всмотреться внимательнее, то обнаружится, что диалектическое единство любви и смерти отражено в древнейших мифах человечества и представлено фрейдистской метафорой тайного родства Эроса и Танатоса в современной сексологии и культуре в целом.

Китай – страна самой древней в мире живой цивилизации, сохранившей прямую преемственность развития практически от самых истоков своего возникновения и в наибольшей степени отличной от западной цивилизации[22]. Уже один этот факт является достаточным основанием, чтобы ожидать от нее самобытности и высокоразвитости, даже изощренности такой важнейшей сферы человеческой культуры, как эротика, тем более теоретически осмысленной и включенной в общее учение о пестовании жизни[23]. Подобное ожидание легко превращается в уверенность после первого же знакомства с центральными идеями традиционного китайского мировоззрения.

Библиографический список

Алимов И.А. Сад удивительного: Краткая история китайской прозы сяошо I–VI вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014.

Антология мировой философии. Т. 1, ч. 1. М.: Мысль, 1969.

Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 1. М.: Мысль, 1975.

Аристотель. История животных. Пер. В.В. Карпова. М.: РГГУ, 1996.

Атеисты, материалисты, диалектики древнего Китая: Ян Чжу, Лецзы, Чужанцзы / Пер. Л.Д. Позднеевой. М.: Наука, ГРВЛ, 1967.

Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989.

Беседы и суждения Конфуция / Сост. Р.В. Грищенков. СПб.: Кристалл, 1999.

Ван Янь-сю. Предания об услышанных мольбах (Гань ин чжуань), а также: Лю И-цин. Подлинные события (Сюань янь цзи); Ван Янь. Вести из потустороннего мира (Мин сян цзи); Хоу Бо. Достопамятные происшествия (Цзин и цзи); Тан Линь. Загробное воздаяние (Мин бао цзи) / Пер. М.Е. Ермакова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1998.

Гиппократ. Избранные книги / Пер. В.И. Руднева. М.: Сварог, 1994.

Гулик Р. ван. Сексуальная жизнь в древнем Китае / Пер. А.М. Кабанова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000.

Гэ Хун 葛洪. Бао-пу-цзы 抱朴子 ([Трактат] Учителя, Объемлющего Первозданность) // Чжу-цзы цзи-чэн 諸子集成 (Корпус философской классики). Пекин: Чжун-хуа шу-цзюй 中華書局 (Книгоиздательство «Китай»), 1956. Т. 8.

Гэ Хун. Баопу-цзы / Пер. Е.А. Торчинова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. С. 49.

Декарт Р. Сочинения в двух томах. Т. 1. М.: Мысль, 1989.

[22] Подробно см.: *Кобзев А.И.* Китайский путь человечества // Восток. 2016. № 4. С. 16–27.

[23] См. также: *Маслов А.А.* Битвы на атласных простынях. Святость, эрос и плоть в Китае. М.: РИПОЛ классик, 2020. С. 49–65.

Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. М.Л. Гаспарова. М.: Мысль, 1986.

Древнекитайская философия. Т. 2. М.: Мысль, 1973.

Захаров А.О. Сперма в «Законах Ману»: сексуальность и религия в Древней Индии // Восток. 2021. № 2. С. 18–31.

Канетти Э. Другой процесс. Франц Кафка в письмах к Фелице / Пер. с нем. и послесловие М. Рудницкого // Иностранная литература. 1993. № 7. С. 141–195.

Канон Пути-дао и благодати / Пер. с кит. и примеч. А. И. Кобзева // Вопросы философии. 2023. № 3. С. 112–131.

Кафка *Ф. Письма к Фелиции* и другая корреспонденция 1912–1917 год / Пер. М. Рудницкого. М.: *Ад Маргинем*, 2004.

Клавдий Гален. О назначении частей человеческого тела / Пер. С.П. Кондратьева. М.: Медицина, 1971.

Книга дворцовых интриг / Сост. Д.Н. Воскресенский, В.Н. Усов. М.: Наталис, 2002.

Кобзев А.И. Философия китайского неоконфуцианства. М.: Вост. лит., 2002.

Кобзев А.И. «Сань цзы цзин» // Духовная культура Китая: энциклопедия. Т. 5: Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. М.: Вост. лит., 2009. С. 825–828.

Кобзев А.И. Эротология // Духовная культура Китая: энциклопедия. Т. 5: Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. М.: Вост. лит., 2009. С. 430–474.

Кобзев А.И. Китайский путь человечества // Восток. 2016. № 4. С. 16–27.

Кобзев А.И. Эрос за китайской стеной. М.; СПб.: Нестор-История, 2019.

Кобзев А.И. Ван Ян-мин и его «Записи преподанного и воспринятого». Исследование и перевод. М.; СПб.: Нестор-История, 2022.

Лурье С.Я. Демокрит. Л.: Наука, 1970.

Мавандуй Хань му бо-шу *馬王堆漢墓帛書* (Письмена на шелке из могильника в Мавандуе эпохи Хань). Т. 4. Пекин: Вэнь-у чу-бань-шэ 文物出版社 (Издательство «Культурные реликвии»), 1985.

Маслов А.А. Битвы на атласных простынях. Святость, эрос и плоть в Китае. М.: РИПОЛ классик, 2020.

Немезий Эмесский. О природе человека / Пер. Ф. С. Владимирского. М.: Канон+, Реабилитация, 1998.

Трактат Желтого императора о внутреннем. Том первый: Вопросы о простейшем / Под. ред. Яо Чуньпэна; пер. Б.Б. Виногродского. М.: Шанс, 2025.

«Троесловие» («Сань цзы цзин»): Переводы с китайского / Отв. ред. М.Л. Титаренко; сост. В.П. Абраменко. М.: ИДВ РАН, 2013.

Путь золота и киновари: Даосские практики в исследованиях и переводах Е. А. Торчинова. СПб.: Азбука-классика; Петербургское Востоковедение, 2007.

Усов В.Н. Евнухи в Китае. М.: Муравей, 2000.

Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1 / Сост. А.В. Лебедев. М.: Наука, 1989.

Фуко М. История сексуальности – III: Забота о себе / Пер. Т.Н. Титовой и О.И. Хомы. Киев: Дух и литера, Грунт; Москва: Рефл-бук, 1998.

Хуайнаньцзы: Философы из Хуайнани / Пер. с кит., вступит. ст. и примечания Л.Е. Померанцевой. М.: Вост. лит., 2016.

Хьюмана Ч., Ван Ву. Инь – Ян. Китайское искусство любви / Пер. С.И. Блюмхена, А.Д. Дикарева. М.: Крон-Пресс, 2000.

Хьюмана Ч., Ван У. Тайны китайского секса. Взгляд за ширму. М.: Вагриус, 1995.

Чжуан-цзы. Ле-цзы / Пер. В. В. Малявина. М.: Мысль, 1995.

Чжуан-цзы: Даосские каноны / Пер. В. В. Малявина. М.: Астрель, АСТ, 2002.

Шастина М.В. Франц Кафка и Китай // Научный диалог. 2017. № 2. С. 148–159.

Шастина М.В. «Китай Франца Кафки»: проблема парадокса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 5. С. 81–85.

Щуцкий Ю.К. Китайская классическая «Книга перемен». 2-е изд. М.: Вост. лит., 2003.

Энгельштейн Л. Скопцы и Царство Небесное: Скопческий путь к искуплению. М.: ОГИ, 2002.

Эткинд А. Хлыст (Секты, литература и революция). М.: НЛО, 1998.

Юркевич А.Г. Шэн шэн // Духовная культура Китая: энциклопедия. Т. 1: Философия. М.: Вост. лит., 2006. С. 629–630.

References

Alimov I.A. (2014). Sad udivitel`nogo: Kratkaya istoriya kitajskoj prozy` syaosho I–VI vv. [Garden of the Amazing: A Brief History of Chinese xiaoshuo Prose I–VI centuries]. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie. (In Russian).

Antologiya mirovoj filosofii [Anthology of world philosophy]. Vol. 1, part 1. Moscow: My`sl`, 1969. (In Russian).

Aristotel` (1975). Sochineniya v chety`rex tomax [Works in four volumes]. Vol. 1. Moscow: My`sl`. (In Russian).

Aristotel` (1996). Istoriya zhivotny`x [History of animals]. Trans. V.V. Karpova. Moscow: RGGU. (In Russian).

Ateisty`, materialisty`, dialektiki drevnego Kitaya: Yan Chzhu, Leczzy`, Chuzhanczzy` [Atheists, materialists, dialecticians of ancient China: Yang Zhu, Lezi, Chuzhanzi]. Trans. by L.D. Pozdneeva. Moscow: Nauka, GRVL, 1967. (In Russian).

Berdyaev N.A. (1989). Filosofiya svobody`. Smy`sl tvorchestva [Philosophy of freedom. The meaning of creativity]. Moscow: Pravda. (In Russian).

Besedy` i suzhdeniya Konfuciya [Conversations and judgments of Confucius]. Comp. R.V. Grishenkov. SPb.: Kristall, 1999. (In Russian).

Van Yan`-syu. Predaniya ob usly`shanny`x mol`bax (Gan` in chzhuan`), a takzhe: Lyu I-cin. Podlinny`e soby`tiya (Syuan` yan` czzi); Van Yan`. Vesti iz potustoronnego mira (Min syan czzi); Xou Bo. Dostopamyatny`e proisshestviya (Czzin i czzi); Tan Lin`. Zagrobnoe vozdayanie (Min bao czzi) [Wang Yanxiu. Tales of Answered Prayers (Gan Ying Zhuan), as well as: Liu Yiqing. True Events (Xuan Yan Ji); Wang Yan. News from the Other World (Ming Xiang Ji); Hou Bo. Memorable Incidents (Jing Yi Ji); Tang Lin. Retribution in the Afterlife (Ming Bao Ji)]. Trans. by M.E. Ermakov. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1998. (In Russian).

Gippokrat [Hippocrates] (1994). Izbranny`e knigi [Selected Books]. Trans. by V.I. Rudnev. Moscow: Svarog. (In Russian).

Gulik R. van (2000). Seksual`naya zhizn` v drevnem Kitae [Sexual life in ancient China]. Trans. A.M. Kabanova. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie. (In Russian).

Ge` Xun [Ge Hong] (1999). Baopu-czzy` [Bao-pu-zi]. Trans. by E.A. Torchinov. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie. (In Russian).

Dekart R. (1989). Sochineniya v dvux tomax [Works in two volumes]. Vol. 1. Moscow: My`sl`. (In Russian).

Diogen Lae`rtskij [Diogenes Laertius] (1986). O zhizni, ucheniyax i izrecheniyax znamenity`x filosofov [About the life, teachings and sayings of famous philosophers]. Trans. by M. L. Gasparov. Moscow: My`sl`. (In Russian).

Drevnekitajskaya filosofiya [Ancient Chinese philosophy]. Vol. 2. Moscow: My`sl`, 1973. (In Russian).

Zaxarov A.O. (2021). Sperma v “Zakonax Manu”: seksual`nost` i religiya v Drevnej Indii [Sperm in the “Laws of Manu”: sexuality and religion in Ancient India]. Vostok. No. 2. P. 18–31. (In Russian).

Kanetti E`. (1993) Drugoj process. Francz Kafka v pis`max k Felice [Another Trial. Franz Kafka in Letters to Felice]. Trans. from German and afterword M. Rudniczkiy. Inostrannaya literature [Foreign Literature]. No. 7. P. 141–195. (In Russian).

Kanon Puti-dao i blagodati [Canon of the Way-Tao and Grace]. Trans. from Chinese and comment by A.I. Kobzev. Voprosy` filosofii [Questions of philosophy]. 2023. No. 3. P. 112–131. (In Russian).

Kafka F. (2004) Pis`ma k Felicii i drugaya korrespondenciya 1912–1917 god [Letters to Felice and Other Correspondence, 1912–1917]. Trans. by M. Rudniczkiy. Moscow: Ad Marginem. (In Russian).

Klavdij Galen [Claudius Galen] (1971). O naznachenii chastej chelovecheskogo tela [On the purpose of parts of the human body]. Trans. by S.P. Kondrat`ev. Moscow: Medicina. (In Russian).

Kniga dvorczovy`x intrig [Book of Palace Intrigues]. Comp. by D.N. Voskresenskij, V.N. Usov. Moscow: Natalis, 2002. (In Russian).

Kobzev A.I. (2002). Filosofiya kitajskogo neokonfucianstva [Philosophy of Chinese Neo-Confucianism]. Moscow: Vost. lit. (In Russian).

Kobzev A.I. (2009). “San` czzy` czzin” [“San Zi Jing”]. Duxovnaya kul`tura Kitaya: e`nciklopediya. T. 5: Nauka, texnicheskaya i voennaya my`sl`, zdravooxranenie i obrazovanie [Spiritual Culture of China: Encyclopedia. Vol. 5: Science, Technical and Military Thought, Health Care and Education]. Moscow: Vost. lit. P. 825–828. (In Russian).

Kobzev A.I. (2009). E`rotologiya [Erotology]. Duxovnaya kul`tura Kitaya: e`nciklopediya. T. 5: Nauka, texnicheskaya i voennaya my`sl`, zdravooxranenie i obrazovanie [Spiritual Culture of China: Encyclopedia. Vol. 5: Science, Technical and Military Thought, Health Care and Education]. Moscow: Vost. lit. P. 430–474. (In Russian).

Kobzev A.I. (2016). Kitajskij put` chelovechestva [The Chinese Path of Humanity]. Vostok. No. 4. P. 16–27. (In Russian).

Kobzev A.I. (2019). E`ros za kitajskoj stenoj [Eros Beyond the Chinese Wall]. Moscow; SPb.: Nestor-Istoriya. (In Russian).

Kobzev A.I. (2022) Van Yan-min i ego “Zapisi prepodannogo i vosprinyatogo”. Issledovanie i perevod [Wang Yang-ming and his “Records of What Was Taught and Received”. Research and Translation]. Moscow; SPb.: Nestor-Istoriya. (In Russian).

Lur`e S.Ya. (1970). Demokrit [Democritus]. Leningrad: Nauka. (In Russian).

Maslov A.A. (2020). Bitvy` na atlasny`x prosty`nyax. Svyatost`, e`ros i plot` v Kitae [Battles on Satin Sheets. Holiness, Eros, and the Flesh in China]. Moscow: RIPOLklassik. (In Russian).

Nemezij E`messkij [Nemesius of Emesa] (1998). O prirode cheloveka [On Human Nature]. Trans. by F.S. Vladimirskiy. Moscow: Kanon+, Reabilitaciya. (In Russian).

Traktat Zheltogo imperatora o vnutrennem. Tom pervy`j: Voprosy` o prostejshem [The Yellow Emperor's Treatise on the Inner World. Volume One: Questions on the Simplest]. Ed. by Yao Chun`pe`na; trans. by B. B. Vinogrodskiy. Moscow: Shans, 2025. (In Russian).

“Troeslovie” (“San` czzy` czzin”): Perevody` s kitajskogo [“Three Character Classic” (“San Zi Jing”): Translations from the Chinese]. Resp. ed. M.L. Titarenko; comp. V.P. Abramenko. Moscow: IDV RAN, 2013. (In Russian).

Put` zolota i kinovari: Daosskie praktiki v issledovaniyax i perevodax E.A. Torchinova [The Path of Gold and Cinnabar: Daoist Practices in Research and Translation by E.A. Torchinov]. SPb.: Azbuka-klassika; Peterburgskoe Vostokovedenie, 2007. (In Russian).

Usov V.N. (2000). Evnuxi v Kitae [Eunuchs in China]. Moscow: Muravej. (In Russian).

Fragmenty` rannix grecheskix filosofov. Ch. 1 [Fragments of Early Greek Philosophers. Part 1]. Comp. by A.V. Lebedev. Moscow: Nauka, 1989. (In Russian).

Fuko M. (1998). Istoriya seksual`nosti – III: Zabota o sebe [History of Sexuality – III: Care of the Self]. Trans. T. N. Titovoj i O. I. Xomy`. Kiev: Dux i litera, Grunt; Moscow: Refl-buk. (In Russian).

Xuajnan`czzy`: Filosofy` iz Xuajnani [Huainanzi: Philosophers from Huainan]. Translations from the Chinese, introduction and comments by L. E. Pomeranceva. Moscow: Vost. lit., 2016. (In Russian).

X`yumana Ch., Van Vu [C. Humana, Wang Wu] (2000). In` – Yan. Kitajskoe iskusstvo lyubvi [Yin – Yang. The Chinese Art of Love]. Trans. by S. I. Blyumxen, A. D. Dikarev. Moscow: Kron-Press. (In Russian).

X`yumana Ch., Van U [C. Humana, Wang Wu] (1995). Tajny` kitajskogo seksa. Vzglyad za shirmu [Secrets of Chinese Sex. A Look Behind the Screen]. Moscow: Vagrius. (In Russian).

Chzhuan-czzy`. Le-czzy` [Zhuangzi. Liezi]. Trans. by V.V. Malyavin. Moscow: My`sl`, 1995. (In Russian).

Chzhuan-czzy`: Daosskie kanony` [Zhuangzi: Taoist canons] Trans. by V.V. Malyavin. Moscow: Astrel`, AST, 2002. (In Russian).

Shastina M.V. (2017) Francz Kafka i Kitaj [Franz Kafka and China]. Nauchny`j dialog [Scientific Dialogue]. No. 2. P. 148–159. (In Russian).

Shastina M.V. (2019) “Kitaj Francza Kafki”: problema paradoksa [“Franz Kafka’s China”: The Problem of Paradox]. Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki [Philosophic Sciences. Issues of Theory and Practice]. Vol. 12. Vy`p. 5. P. 81–85. (In Russian).

Shhuczkij Yu.K. (2003). Kitajskaya klassicheskaya “Kniga peremen” [The Chinese Classic “Book of Changes”]. 2nd edition. Moscow: Vost. lit. (In Russian).

E`ngel`shtejn L. (2002) Skopcy i Czarstvo Nebesnoe: Skopcheskij put` k iskupleniyu [The Skoptsy and the Kingdom of Heaven: The Skoptsy Path to Redemption]. Moscow: OGI. (In Russian).

E`tkind A. (1998). Xly`st (Sekty`, literatura i revolyuciya) [Khlyst (Sects, literature and revolution)]. Moscow: NLO. (In Russian).

Yurkevich A.G. (2006). She`n she`n [Sheng shen]. Duxovnaya kul`tura Kitaya: e`nciklopediya. T. 1: Filosofiya [Spiritual culture of China: encyclopedia. Vol. 1: Philosophy]. Moscow: Vost. lit. P. 629–630. (In Russian).

* * *

二十二子 Ershi'er zi (1990). 二十二子 Ershi'er zi [Twenty-Two Masters]. 上海 Shanghai: 上海古籍出版社 Shanghai guji chubanshe (In Chinese).

葛洪 Ge Hong (1956). 抱朴子 Baopuzi [The Master Who Embraces Simplicity]. In: 諸子集成 Zhuzi jicheng [Collection of Works by Various Masters], Vol. 8. 北京 Beijing: 中華書局 Zhonghua shuju (In Chinese).

淮南子 Huainanzi (1956). 淮南子 Huainanzi [The Master of Huainan]. In: 諸子集成 Zhuzi jicheng [Collection of Works by Various Masters], Vol. 7. 北京 Beijing: 中華書局 Zhonghua shuju (In Chinese).

Huang Ti Nei Ching Su Wên: The Yellow Emperor's Classic of Internal Medicine. Chapters 1 to 34 translated from the Chinese, with an introductory study Ilza Veith. Baltimore: The Williams & Wilkins Company, 1949.

Kafkas China. Forschungen der Deutschen Kafka-Gesellschaft / Hrsg. von K. Jobst, H. Neumeyer. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2017. Bd. 5.

列子 Liezi (1956). 列子 Liezi [The Master Lie]. In: 諸子集成 Zhuzi jicheng [Collection of Works by Various Masters], Vol. 3. 北京 Beijing: 中華書局 Zhonghua shuju (In Chinese).

Maspero H. Les procédés de “nourrir le principe vital” dans la religion taoïste ancienne. Journal Asiatique. No. 229. Paris, 1937.

馬王堆漢墓帛書 Mawangdui Hanmu boshu (1985). 馬王堆漢墓帛書 Mawangdui Hanmu boshu [Silk Manuscripts from the Han Tombs at Mawangdui], Vol. 4. 北京 Beijing: 文物出版社 Wenwu chubanshe (In Chinese).

McClatchie T. The Symbols of the Yih-King. China Review. Vol. 1. *No*. 3. 1872. P. 151–163; Id. Phallic Worship. China Review. Vol. IV. No. 4. 1876. P. 257–261.

McClatchie T. A Translation of the Confucian 易經 [Yih king] or the “Classic of Change” with Notes and Appendix. Shanghai, London: American Presbyterian Mission Press, 1876; 2nd ed.: Taipei: Chengwen, 1973.

Meng W. Kafka und China. München: Iudicium-Verlag, 1986.

Needham J., Wang Ling. Science and Civilisation in China: Volume 2: History of Scientific Thought. Cambridge: Cambridge University Press, 1956. P. 310, note c.

Pinto-Correia C. The Ovary of Eve: Egg and Sperm and Preformation. Chicago: University of Chicago Press, 1997.

Rutt R. The Book of Changes (Zhouyi). L.; N.Y.: Routledge Curzon, 2002.

The Yi King. Tr. by J. Legge. The Sacred Books of the East. Vol. 16. Oxford: Clarendon Press, 1882; 7th Reprint: Delhi: Motilal Banarsidass Publishers, 2013.

莊子集解 Zhuangzi jijie (1956). 莊子集解 Zhuangzi jijie [The Zhuangzi with Collected Commentaries]. In: 諸子集成 Zhuzi jicheng [Collection of Works by Various Masters], Vol. 3. 北京 Beijing: 中華書局 Zhonghua shuju (In Chinese).

Поступила в редакцию: 01.07.2026. Received: 01 July 2026.
Принята к публикации: 25.07.2026. Accepted: 25 July 2026.

ОБЗОРЫ, СООБЩЕНИЯ, ЗАМЕТКИ

DOI: 10.48647/ICCA.2026.74.29.008

М.С. Михалев[1]

Национальная политика КНР. От саморефлексии к самоориентализму

M • S • 米哈廖夫[2]

中华人民共和国的民族政策：从自我反思到自我东方主义

Maxim S. Mikhalev[3]

China’s Ethnic Policy: From Self-Reflection to Self-Orientalism

Российский дебют китайского этнолога

Смены парадигм в науке, как правило, протекают медленно, и процесс полномасштабного переформатирования принципов этнополитики, интенсифицировавшийся в 2023 г. по инициативе Председателя КНР Си Цзиньпина [Михалев, 2024, с.52], в настоящее время медленно набирает обороты. Звонкие лозунги, возведенные в ранг основополагающих принципов в угоду меняющейся политической конъюнктуре, требуют глубокой экспертной проработки, что, однако, становится непростой задачей в условиях жесткого идеологического контроля и вызванного этим снижения общего уровня и интенсивности полемики в научной среде Китая. Неудивительно, что широко разрекламированное «укрепление сознания единства китайской нации»

[1] *Автор*: *Максим Сергеевич Михалев*, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра «Государство и религия в Азии», Институт Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0000-0001-5695-6915

[2] *马克西姆·谢尔盖耶维奇·米哈廖夫*，历史学科学博士，俄罗斯科学院中国与现代亚洲研究所亚洲国家与宗教中心主任研究员。 ORCID：0000-0001-5695-6915。

[3] *Author: Maxim S. Mikhalev*, Dr.Sc. (History), Chief Researcher, Center for State and Religion in Asia, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS). ORCID: 0000-0001-5695-6915.

(铸牢中华民族共同体意识), о котором говорят уже много лет, все еще остается благим пожеланием, гнетущая бессодержательность которого компенсируется широкомасштабными усилиями по его продвижению сугубо административными мерами.

Все это не означает, что экспертное сообщество КНР не предпринимает усилий по наполнению политических деклараций руководства страны научным содержанием. Работа в этом направлении ведется. В стране постоянно проходят конференции по соответствующей проблематике[4], в ведущих научных и образовательных учреждениях уже несколько лет функционируют специальные лаборатории и исследовательские центры, в журналах публикуются многочисленные статьи и комментарии экспертов [Чэнь, Сюй, 2025; Го, Чжу, 2025], ведется разъяснительная работа. Количество с неизбежностью порождает качество, и проблески свежих идей кристаллизуются в виде если не полноценной «большой теории», то, по крайней мере, отдельных блоков той теории, что еще предстоит родиться в будущем.

В результате несмотря на то, что в 2025 г. никаких серьезных прорывов на этом направлении в Китае, по нашему мнению, не произошло, некоторые промежуточные выводы по поводу разворачивающейся на наших глазах смены теоретических основ этнополитики Китая сделать все же возможно. Навряд ли их можно будет назвать итогами, впрочем – скорее, это будут прогнозы по поводу того, что может произойти в ближайшие годы. В частности, пролить некоторый свет на происходящее в настоящий момент в Китае способна программная статья профессора Гуань Кая (关凯), вышедшая в русском переводе после его выступления на XVI Конгрессе антропологов и этнологов России, который прошел в июле 2025 г. в Перми. В ней нашли свое отражение многие итоги той дискуссии, что разворачивается в китайской экспертной среде, перед которой стоит задача подвести прочную научную базу под политические задачи, озвученные лидером государства.

Общеизвестно, что Центральный университет национальностей КНР (ЦУН), который иногда также называют Университетом Миньцзу, – это не просто ведущее учебное заведение в Китае для представителей малочисленных народов страны[5], но еще и основной экспертный центр, в недрах которого формулируются и обретают законченный вид основополагающие принципы политики КНР в сфере межнациональных отношений. В ЦУН работал великий китайский ученый Фэй Сяотун (费孝通), заложивший теоретические основы принципа «Единства в многообразии 多元一体»; здесь в свое время трудились лучшие этнографы страны во главе с профессором Линь Яохуа (林耀华), которые фактически с листа создавали этническую карту страны в том виде, какой мы ее знаем сейчас.

[4] 2025 年青海省铸牢中华民族共同体意识论坛在西宁召开 [В 2025 году в Синине открылась конференция провинции Цинхай, посвященная укреплению сознания единства китайской нации]. 11.05.2025. URL: https://www.chinanews.com.cn/gn/2025/11-05/10510589.shtml (дата обращения: 10.03.2026); 2025 年中国网络文明大会铸牢中华民族共同体意识分论坛在合肥举行 [В 2025 году в Хэфэе проходит конгресс интернет-культуры, посвященный укреплению сознания единства китайской нации]. 10.06.2025. URL: https://cn.chinadaily.com.cn/a/202506/10/WS68482ecba3102053770376db.html (дата обращения: 10.03.2026).

[5] В китайском контексте термин 少数民族 (шаошу миньцзу) охватывает все национальные группы КНР, кроме ханьцев, и не тождественен российскому правовому понятию «малочисленные народы» (*прим. ред.*)

Логично, что именно в ЦУН и был создана Школа сообщества китайской нации (中央民族大学中华民族共同体学院), перед которым была поставлена задача подвести солидную теоретическую основу под новые принципы этнополитики КНР. В 2023 г. его возглавлял выпускник Университета Миньцзу профессор Гуань Кай, затем занявший должность декана Школы этнологии и социологии этого университета. До этого в течение многих лет он работал Комитете по делам национальностей, а затем руководил Школой этнологии и социологии Юньнаньского университета, традиционной кузницы кадров в сфере этнополитики. Возвращение в альма-матер стало для него логическим продолжением многолетних изысканий в области теории и практики межнациональных отношений и позволило ему стать одним из ключевых теоретиков современной китайской этнологии. Выступление в Перми явилось важным промежуточным итогом его работы в сфере этнополитики – одно из первых в своем роде, предназначенное для внешней аудитории.

Состояние дел

Бросается в глаза, что в целом статья профессора Гуань Кая отличается выраженной критической направленностью, что в общем-то несвойственно современным китайским авторам, предпочитающим рассуждения о всесторонних успехах Китая на пути интеграции в окружающий его гармоничный мир. Прежде всего, под огонь его критики, и это, конечно же, никого не должно удивлять, попадает современная западная этнология. Автор беспристрастно, со знанием дела и при этом далеко не безосновательно обвиняет ее в кризисе тождественности и утрате гомогенности. Он обращает внимание на то, что свойственная ей болезненная саморефлексия и патологическое удовольствие от демонстративного, часто с надрывом, признания своей «вины», истинной и воображаемой, приводят к эрозии теоретических основ дисциплины, ее стагнации и, как итог, к неспособности реагировать на вызовы современности. За этим, как скептически подчеркивает маститый китайский ученый, однако, стоит не столько искреннее желание покаяться за грехи и огрехи империализма, сколько гипертрофированное чувство собственного превосходства. Демонстративное самобичевание – это всего лишь еще один, новый подвид интеллектуальной гегемонии, или, как довольно изящно называет это автор статьи, «антизападная западоцентричность – 反西方中心主义的西方主义» [Гуань Кай, 2025, с. 63].

В то же самое время, как он с грустью отмечает, современная китайская наука продолжает слепо следовать находящейся в таком тяжелом кризисе западной науке, хотя первоначально копирование чужих и чуждых идей и концепций воспринималось китайцами как вынужденная и при этом временная мера. Столкнувшись с необходимостью встраиваться в современность, которая настойчиво и бесцеремонно постучала в дверь патриархального Китая еще в начале XX в., интеллектуалы Поднебесной вынуждены были усердно учиться у «варваров» для того, чтобы не быть окончательно ими поверженными. Как напоминает по этому поводу Гуань Кай, в свое время «ценностная ориентация китайской этнологии была направлена на задачу адаптирования западной системы знаний для решения практических проблем китайского общества и содействия модернизации страны» [Гуань Кай, 2025, с. 61].

Сквозь скупые строки научной статьи там и тут проскальзывает горечь обиды за столетие, как это, очевидно, видится самому автору, «интеллектуального унижения» Китая. «Наша древняя страна с тысячелетней историей, лидер восточноазиатской цивилизации, в мгновение ока превратилась в ученика, смиренно внимающего наставлениям, повернувшись лицом к северу. Разве существует в Поднебесной позор больший, чем этот?» – цитирует он, к примеру, одного из активистов Движения 4 мая, философа и общественного деятеля Ху Ши (胡适). Обладавшие огромным опытом выстраивания гармонии сонма непохожих культур, в своем единстве составлявших их империю, китайцы в тот момент действительно вынуждены были принять новые правила игры. Самое страшное при этом, что в итоге им пришлось смириться с тем, что в новом мире Китаю для того, чтобы сохранить независимость, требовалось превратиться в «одно из» национальных государств и соответствовать критериям, не ими сформулированным и не ими же применяемым.

Китай, как подчеркивает в этой связи Гуань Кай, должен был в результате вместить все культурное многообразие внутреннего содержания в прокрустово ложе политического единообразия внешней формы для того, чтобы его восприняли как полноценного партнера в международных отношениях. Создать, иными словами, политическую нацию европейского образца взамен и за счет культурной общности иного типа, издревле существовавшей на его территории. Как отмечает по этому поводу китайский этнолог, «государственное строительство требовало подчинения культурного национализма всех субгрупп общему политическому национализму, что создавало напряженность между ним и внутренним многообразием культурного национализма» [Гуань Кай, 2025, с. 69]. В конечном итоге, напоминает он в тексте статьи, «универсальная “Поднебесная” превратилась в особенное государство, а Китай, лишившийся “Сына Неба”, в контексте современности оказался региональным “национальным государством”» [Гуань Кай, 2025, с. 66].

Гуань Кай не ограничивается критикой заимствований из западной науки, ставя под сомнение и интеллектуальную зависимость Китая от СССР. Действительно, на теоретическом базисе советской этнографической школы до сих пор строится в том числе и этнополитика страны. Она, в частности, сохраняет присущую той убежденность в реальности существования воображаемых общностей людей, выделяемых по культурным признакам, – так называемых этносов. Правительство КНР, как в свое время и СССР, наделяет территориальные административные единицы, значительную часть населения которых составляют представители того или иного этноса, политической автономией, в результате чего те приобретают элементы государственности. Автор именно советским влиянием объясняет свойственную современному китайскому управлению негибкость в данном вопросе. При этом ему, по-видимому, не известно, что часть современных российских этнологов уже давно призывают к деконструкции этноса как политической категории [Тишков, 2003] и предпочитают рассматривать его лишь как способ культурной самоидентификации.

Справедливости ради надо отметить, что более всего в нынешнем кризисе китайской этнологии Гуань Кай все-таки обвиняет именно своих соотечественников. Он отмечает, что, если в прошлом китайская этнология, будучи зависимой от иностранных веяний, довольно быстро росла и развивалась, пытаясь адаптировать иностран-

ные теории к местной специфике, то в настоящее время она не может похвастаться даже этим. Слепое же подражание зарубежным тенденциям, подчеркивает автор, не может помочь решить насущные проблемы, стоящие перед китайским обществом, то есть сделать то, чего требует от нее лидер страны. Вывод, а вместе с ним и диагноз, в этой ситуации предсказуем, и он ни на йоту не отличается от того, что говорил сам товарищ Си Цзиньпин. «Необходимо оптимизировать и скорректировать дисциплину, чтобы она действительно соответствовала требованиям новой эпохи, отвечала главным стратегическим задачам партии и государства» [Гуань Кай, 2025, с. 61]. Китайской этнологии, как разъясняет Гуань Кай, необходимо как можно скорее создать свою собственную теоретическую базу, перестав заимствовать идеи из-за рубежа, тем более что сами эти идеи уже давно себя скомпрометировали. «Сегодняшняя оптимизация и корректировка этнологии с акцентом на укрепление сознания общности китайской нации фактически подразумевает пересмотр ориентации на западные стандарты в производстве этнологических знаний», – делает вывод декан Школы этнологии и социологии ЦУН КНР [Гуань Кай, 2025, с.71]. Одновременно с этим он выражает надежду на то, что «современный Китай как “сложная цивилизационная система” может предложить альтернативный способ мышления, даже если китайские исследования еще не в полной мере раскрыли это» [Гуань Кай, 2025, с. 65–66].

Планы и амбиции

Прежде чем углубиться в детали и перейти к обозначению того, на каких принципах должно основываться новое мышление в сфере этнополитики, Гуань Кай дает понять, от чего в настоящий момент следует отказаться. В список анахронизмов, мешающих развитию китайской науки, по его мнению, попадают: «монологичность, усиление “исследований по отдельным национальностям”, эссенциализация классификации 56 национальностей, отсутствие исследований ханьцев и китайской нации, использование старых концептуальных инструментов для маскировки теоретической слабости» [Гуань Кай, 2025, с.74]. Критике при этом подвергаются те ученые, которые «механически применяя западные концепции, возводя мультикультурализм в абсолютный закон, а также усиливая “исследования по отдельным национальностям”, размывая концепцию китайской нации и даже косвенно поддерживая западную критику Китая по национальному вопросу, […] делают акцент на особенностях, различиях и досовременном характере этнических групп» [Гуань Кай, 2025, с. 74].

Признавая, что современная китайская наука может в настоящее время считаться производной от науки западной даже в большей степени, чем это было в начале прошлого века, во времена поиска собственного места в наступавшей современности, Гуань Кай приходит к несколько неожиданному выводу. Он утверждает, что лишь «культурные исследования и кросс-культурная перспектива являются эффективным инструментом для противостояния современности и ее кризисам, и только на этой основе можно создать автономную китайскую систему знаний, обеспечив будущее этнологии как дисциплины» [Гуань Кай, 2025, с. 77]. Акцент на культуре в противовес социальным группам, разновидностью которых являются этносы, он объясняет

обескураживающим образом. Дескать, субъективность нации, а стало быть, и национальностей, в современном мире резко усилилась, а объективность ослабла. Принадлежность человека к тому или иному народу более не определяется ни территорией проживания, ни языком, ни его ценностями или образом жизни, а является продуктом деятельности его сознания и по этой причине конструируема, манипулируема и ситуативна.

Можно понять желание ведущего специалиста в области этнополитики Китая обосновать наличие термина «сознание» в важнейшем политическом лозунге, под который ему требуется подвести прочную научную базу. Ведь если даже Председатель КНР говорит лишь об укреплении «чувства принадлежности» к нации и ее сознания, а не об укреплении самой нации, то как может оспорить этот тезис руководитель структурного подразделения ведущего университета Китая. Однако связи с этим возникает сразу несколько важных вопросов, на которые, по крайней мере, в тексте данной статьи сам автор ответа не дает. Если нации и народы это, с его точки зрения, вовсе не объективная реальность, то не является ли парадоксальным желание укреплять ощущение принадлежности к этому «миражу»? И, что намного важнее: не является ли столь радикальный конструктивизм очередной попыткой заскочить в вагон уходящего поезда западной теоретической мысли и вновь активно копировать ее, далеко уже не первой свежести, новинки?

Отнюдь нет, настаивает сам Гуань Кай, и в заключительной части своей статьи предпринимает попытку объяснить, где следует искать истоки его неожиданно радикального для китайской науки осознанного отрицания наций и национальностей и какова может быть конечная цель этого процесса. Поначалу, впрочем, непросто понять, в чем именно, по его мнению, заключается кардинальная реформа китайской этнологии и принципов формирования этнополитики. Читателю приходится продираться сквозь хорошо уже знакомые, но при этом ничего не значащие банальности, подобные этой: «…с учетом текущего состояния развития китайской этнологии и реальных условий страны, важнее проводить проблемно-ориентированные исследования. То есть, только исходя в большей степени из проблемно-ориентированного подхода и обнаруживая, обобщая закономерности в эмпирических фактах, можно создать новую теоретическую парадигму и сформировать автономную систему знаний и теоретический дискурс Китая, способствующие решению современных национальных проблем» [Гуань Кай, 2025, с. 80]. Следующие за этим призывы «развивать проблемно-ориентированные эмпирические исследования, изучать актуальные национальные вопросы Китая и мира, обобщать теорию из современной социальной практики Китая; придерживаться полевых исследований как основного метода этнологии» [Гуань Кай, 2025, с. 82] также не несут в себе ни новизны, ни конкретики.

Лишь в самом конце статьи действительно важные теоретические положения начинают, наконец, проступать сквозь нагромождение бесконечно повторяющихся, малозначимых слов, густо приправленных политическими лозунгами. Автор, в частности, поясняет, что в процессе смены парадигмы следует «раскрывать современную ценность выдающейся традиционной китайской культуры, черпать интеллектуальную пищу из тысячелетних традиций китайской цивилизации» [Гуань Кай, 2025, с. 82]. Призыв к современным ученым использовать философский и культурный ба-

гаж Китая быстро становится рефреном статьи и призывом к действию... И вдруг, незаметно и неожиданно, в самом ее конце он оказывается обращенным не внутрь, как этого можно было ожидать, а вовне – в тот обширный мир, который китайские мудрецы и называли Поднебесной. Она же, как известно, всегда была намного больше, чем собственно Китай. «Автономная система этнологических знаний, одновременно с ростом комплексной национальной мощи и международного статуса Китая, должна выходить на мировую арену, в процессе международного взаимодействия, диалога и интеграции знаний преодолевать границы государств, обществ и культур, и таким образом вносить вклад в формирование новой формы человеческой цивилизации, которая характеризуется общностью человеческой судьбы» [Гуань Кай, 2025, с. 82].

После призыва внедрять еще не созданные, никем не опробованные и вообще пока еще слабо вырисовывающиеся «китайские стандарты» в мировую этнологию совсем по-иному читается высказанное автором чуть ранее убеждение, что «китайские концепции “в Поднебесной нет чужих”, “единство неба и человека” и “гуманность” предлагают наилучший способ выхода из тупика монотеистического мышления» [Гуань Кай, 2025, с. 81]. Из того тупика, в котором, по его убеждению, оказалась мировая наука, ее, как можно теперь догадаться, призвана спасти китайская философская и политическая традиция.

«Транскультурность означает выход за пределы собственного “культурного водоема” и контакт с “водоемами” иных культур» [Гуань Кай, 2025, с. 79], – призывает Гуань Кай, одновременно с этим досадуя на чрезмерное, с его точки зрения, увлечение китайскими учеными западными теориями. Становится понятно, что этот парадокс не был логической ошибкой или оговоркой. Скорее, речь в этом случае идет о стремлении интернационализировать толком еще не созданную китайскую модель решения национального вопроса. «Люди эпохи глобализации уже образуют “сообщество единой судьбы человечества”, и только преодолев ограниченность собственной культуры и осуществив *взаимное* обучение цивилизаций, можно достичь взаимовыгодного сотрудничества» [Гуань Кай, 2025, с. 79], – призывает зарубежных коллег Гуань Кай учиться у Китая, не объясняя при этом, что именно, почему и каким образом они могут позаимствовать в его действительно глубокой и обширной, но при этом все еще малопонятной интеллектуальной традиции.

Готовы ли к тому, чтобы деконструировать свои собственные национальности в пользу чувства «принадлежности к нации» зарубежные ученые, в том числе и российские, к которым, собственно, и обращается автор в своей работе, вопрос, скорее, риторический и к теме настоящей статьи не относится. С большой долей уверенности можно утверждать лишь то, что китайские этнологи, вдохновленные успехом экспорта различных китайских товаров, до недавнего времени являвшихся копией иностранных, но предлагавшихся по более низкой цене, похоже, всерьез настроены на то, чтобы использовать эту схему и в том, что касается своих теоретических изысканий.

Мы же, в свою очередь, можем ожидать, что конечным результатом заявленной подобным образом смены парадигмы окажется слегка просроченный западный постмодернизм с его акцентом на идентичности и саморефлексии в ущерб фактам объективной реальности. При этом конструктивистский проект Китая, слепленный на-

спех на этой философской базе, обязательно будет снабжен ритуальными ссылками на его традиционные философские системы и управленческие практики для того, чтобы его было легче позиционировать на внешних рынках в ходе строительства «сообщества единой судьбы», которым в настоящее время грезит китайский политикум. Не зря же профессор Гуань Кай обмолвился о том, что китайская наука скатилась к «самоориентализму» [Гуань Кай, 2025, с.74].

Библиографический список

Гуань Кай. Исторический контекст формирования этнологических знаний в ценностях новой эпохи. XVI Конгресс антропологов и этнологов России. Материалы пленарного заседания. Пермь, 2–6 июля 2025 г. Ред.: А.В. Черных, М.С. Каменских. Пермь: Изд-во «Маматов», 2025. С. 60–84.

Михалев М.С. Этнонациональная политика КНР: эволюция базовых принципов. Российское китаеведение. 2024. №2(7). С. 42–58.

Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.

References

Guan Kai (2025). Istoricheskiy kontekst formirovaniya etnologicheskikh znaniy v tsennostyakh novoy epokhi [Historical context of the formation of ethnological knowledge in the values of the new era]. In: Chernykh A.V., Kamenskikh M.S. (eds.). XVI Kongress antropologov i etnologov Rossii. Materialy plenarnogo zasedaniya. Perm, 2–6 iyulya 2025 g. [XVI Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia. Proceedings of the Plenary Session. Perm, July 2–6, 2025]. Perm: Mamatov Publishing House. P. 60–84. (In Russian).

Mikhalev M.S. (2024). Etnonatsional'naya politika KNR: evolyutsiya bazovykh printsipov [Ethnonational policy of the PRC: evolution of basic principles]. Rossiyskoye kitayevedeniye [Russian Sinology]. No. 2(7). P. 42–58. (In Russian).

Tishkov V.A. (2003). Rekviyem po etnosu. Issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoy antropologii [Requiem for an Ethnos. Studies in Socio-Cultural Anthropology]. Moscow: Nauka Publishing House. 544 p. (In Russian).

* * *

Chen Diming, Xu Henghong 陈迪明, 许亨洪 (2025). Xin shidai gaoxiao zhulao Zhonghua minzu gongtongti yishi jiaoyu de youxiao lujing 新时代高校铸牢中华民族共同体意识教育的有效路径 [Effective pathways for strengthening the consciousness of the Chinese nation's community in higher education in the new era]. Journal of South-Central Minzu University (Humanities and Social Sciences Edition). Vol. 45. No. 3. P. 74–82. DOI: 10.19898/j.cnki.42-1704/C.20250610.02. (In Chinese).

Guo Mingfei, Zhu Yi 郭明飞, 朱毅 (2025). Yi hongse wenhua zhulao Zhonghua minzu gongtongti yishi: xueli yiju, xianshi jianshi he tisheng jinlu 以红色文化铸牢中华民族共同体意识：学理依据、现实检视和提升进路 [Strengthening the consciousness of the Chinese nation's community through red culture: theoretical basis, practical examination, and pathways for improvement]. Journal of South-Central Minzu University [Humanities and Social Sciences Edition]. Vol. 45. No. 4. P. 30–41. DOI: 10.19898/j.cnki.42-1704/C.20250409.04. (In Chinese).

DOI: 10.48647/ICCA.2026.89.70.001

А.Ю. Блажкина, Н.Л. Кварталова

XXVII Международная научная конференция «Китай и Восточная Азия: философия, литература, культура»

Аннотация. Обзор посвящен XXVII Международной научной конференции «Китай и Восточная Азия: философия, литература, культура», которая прошла 3-4 июня 2026 г. в ИКСА РАН (г. Москва) и была организована Центром изучения культуры Китая ИКСА РАН. Специалисты-востоковеды из флагманских академических учреждений России, КНР, Белоруссии и Нидерландов выступили с научными докладами, в которых подняли актуальные вопросы культуры, философии, литературы и искусства стран Восточной Азии. Участники обсудили широкий круг тем, связанных с ролью конфуцианства в современном мире, выявили характерные особенности буддийской логики, культурной дипломатии в Японии. Особое внимание уделили анализу проблемы построения межцивилизационного культурно-религиозного диалога, а также изучению ключевых тенденций литературы Востока, исследованиям в области традиционной китайской живописи и архитектуры, корейского изобразительного искусства.

Ключевые слова: китайская философия, литературы Китая и стран Восточной Азии, материальная культура, архитектура, изобразительное искусство Китая, конфуцианство, буддизм, даосизм.

Авторы: *Блажкина Анастасия Юрьевна*, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Центра изучения культуры Китая, Институт Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0000–0002–8313–5917. E-mail: myshashu@yandex.ru
Кваталова Наталия Леонидовна, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения культуры Китая, Институт Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0000–0002–1439–9716. E-mail: kvartalova@iccaras.ru

A·Yu·布拉日金娜，N·L·克瓦尔塔洛娃

第二十七届“中国与东亚：哲学、文学、文化”国际学术会议

*摘要：*本文回顾了 2026 年 6 月 3 日至 4 日在俄罗斯科学院中国与现代亚洲研究所（莫斯科市）举行的第 27 届“中国与东亚：哲学、文学与文化”国际学术会议。本次会议由俄罗斯科学院中国与现代亚洲研究所中国文化研究中心主办。来自俄罗斯、中国、白俄罗斯和荷兰等国顶尖学术机构的东方学家做了学术报告，探讨了东亚各国文化、哲学、文学和艺术领域的热点问题。与会者就儒家思想在当代世界的作用等广泛议题展开讨论，并探讨了佛教逻辑和日本文化外交的独特特征。会议重点分析了如何构建跨文明的文化和宗教对话，以及东方文学、中国传统绘画和建筑、韩国美术等领域的关键发展趋势。

*关键词：*中国哲学；中国及东亚国家文学；物质文化；建筑；中国美术；儒家；佛教；道教

*作者：*阿纳斯塔西娅·尤里耶夫娜·布拉日金娜，哲学副博士，俄罗斯科学院中国与现代亚洲研究所中国文化研究中心高级研究员。ORCID：0000–0002–8313–5917。E-mail：myshashu@yandex.ru
纳塔利娅·列昂尼多夫娜·克瓦尔塔洛娃，哲学副博士，俄罗斯科学院中国与现代亚洲研究所中国文化研究中心首席研究员。ORCID：0000–0002–1439–9716。E-mail：kvartalova@iccaras.ru

Anastasia Yu. Blazhkina, Nataliya L. Kvartalova

XXVII International Academic Conference “China and East Asia: Philosophy, Literature, Culture”

Abstract. This article is devoted to the 27th International Academic Conference “China and East Asia: Philosophy, Literature, Culture”, which took place on June 3-4, 2026, at the Institute of China and Contemporary Asia (ICCA) of the Russian Academy of Sciences (RAS, Moscow) and was organized by the Center for the Study of Chinese Culture at ICCA RAS. Scholars from leading academic institutions in Russia, China, Belarus, and the Netherlands presented papers addressing pressing issues in the fields of culture, philosophy, literature, and art of East Asian countries. Participants discussed a wide range of topics related to the role of Confucianism in the modern world and identified the distinctive features of Buddhist logic and cultural diplomacy in Japan. Particular attention was paid to the development of intercivilizational, cultural and religious dialogue, as well as studying key trends in East Asian literature, research of traditional Chinese painting and architecture, and Korean visual arts.

Keywords: Chinese philosophy, Chinese and East Asian literature, material culture, architecture, Chinese visual arts, Confucianism, Buddhism, Daoism.

Authors: *Anastasia Yu. Blazhkina,* Candidate of Science (Philosophy), Senior Research Fellow, Center for Chinese Culture Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000–0002–8313–5917. E-mail: myshashu@yandex.ru

Nataliya L. Kvartalova, Candidate of Science (Philosophy), Leading Researcher, Center for Chinese Culture Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000–0002–1439–9716. E-mail: kvartalova@iccaras.ru

В Институте Китая и современной Азии РАН 3 и 4 июня 2026 года состоялась XXVII ежегодная международная научная конференция «Китай и Восточная Азия: философия, литература, культура» (第二十七届“中国与东亚：哲学、文学、文化”国际学术会议), организованная Центром изучения культуры Китая ИКСА РАН.

Конференция прошла в смешанном очно-заочном формате, в ней приняли участие более пятидесяти ученых из России, Китая, Беларуси и Нидерландов.

С российской стороны выступили представители флагманских научно-исследовательских институтов, а также вузов, таких как ИВ РАН, ИКСА РАН, МГИМО(У) МИД России, ИСАА МГУ, СПбГУ, НИУ ВШЭ, НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств, Объединенный институт высоких температур РАН, РГХПУ им. Строганова, МГАХИ им. В.И. Сурикова при РАХ, Санкт-Петербургский Государственный Экономический университет, Казанский федеральный университет, Амурский государственный университет, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Нижегородская государственная консерватория им. М.И. Глинки, Ростовская государственная консерватория им. С.В. Рахманинова.

С китайской стороны выступили специалисты из Хэйлунцзянского университета, Тяньцзинского университета, Сычуаньского университета, Шаньдунского политехнического университета, Тайшаньского университета и университета Нанькай.

На конференции работали секции «Философия и религия», «Современная культура и технологии», «Материальная культура», «Литература», а также секция «Искусство, музыка, театр».

На пленарном заседании с видеообращением выступил директор ИКСА РАН, д.фил.н, профессор **К.В. Бабаев**, который поприветствовал участников и пожелал дальнейшего укрепления научных связей между учеными разных стран. Далее участников поприветствовал заместитель председателя ОРКД, председатель Экспертного совета Российско-китайского комитета дружбы, мира и развития **Ю.В. Тавровский**. Он напомнил участникам о 60-летнем юбилее ИКСА РАН и поделился своими воспоминаниями о периоде изучения китайской культуры, когда был создан институт.

На конференции рассматривались проблемы классической китайской философии и религии, современной и классической литературы, языкознания, искусства, музыки и театра. Отдельно следует упомянуть большое количество докладов по современным гуманитарным проблемам, среди которых опыт применения технических средств и нейросетей в анализе и переводе классических китайских произведений, а также актуальные тренды Интернета, от подкастов с «человеческим присутствием» до сетевых новелл и культурной дипломатии.

Помимо научной программы, на конференции была представлена художественная выставка **«За гранью образа: благопожелательные символы в изобразительном**

искусстве Китая». Со вступительным словом к участникам обратились кураторы выставки **М.Ю. Тимошенко** и член Российско-китайской ассоциации каллиграфии и живописи, член Творческого Союза Художников России **А. Медведева**, которая также продемонстрировала техники китайской живописи в жанре *се-и*.

Первым научным сообщением пленарного заседания стал доклад д. филол. н., г.н.с. ИКСА РАН **О.И. Завьяловой** о судьбе китайских диалектов, в котором она рассказала об эффективных способах сохранения малочисленных диалектов, как в реальном языковом употреблении, так и в Интернете. Профессор **Сюй Чэньлэй** 徐晨蕾 из Тяньцзиньского университета поделился своими соображениями о музейной обработке «новогодних картин – *няньхуа*», предлагая исследовать модель тройной трансформации «объект–знание–нарратив».

Пленарное заседание продолжило выступление н.с. ИКСА РАН **В.В. Башкеева**, в котором он на примере анализа текстов исторической хроники «Хань шу» изучил опыт применения современных технических средств, отметив при этом опасность тотального внедрения нейросетей в научный оборот. Китайская коллега, профессор **Цзинь Минцзи** 靳铭吉 из Хэйлунцзянского университета в своем сообщении выявила «базовую логику» непрерывного развития китайской цивилизации, которая, по мнению спикера, зиждется на таких фундирующих понятиях, как светский рационализм, экзаменационная система *кэцзюй*, универсальная письменность, единство семьи и государства.

После перерыва работу продолжили параллельно две секции – «Философия и религия» и «Современная культура и технологии».

Первая часть работы секции «Философия и религия» была посвящена вопросам классической философии, традиционным и современным проблемам конфуцианства и даосизма, а также китайским подходам к толкованию вопросов европейской философии.

Секцию открыл доклад д.филос.н. г.н.с. ИКСА РАН **А.А. Крушинского**, который рассказал о проблеме стратегического предвидения и осмысления феномена «окно возможностей», понятого как своевременное распознавание «мельчайшего», в конфуцианских классических произведениях. Тему конфуцианской традиции продолжила к.филос.н., с.н.с. ИКСА РАН **А.Ю. Блажкина**, она поделилась своими выводами относительно наиболее существенных вопросов, касающихся проблемы аутентичности и авторства трактата «Кун цун цзы», который в течение многих веков считался в академических кругах литературной фальсификацией. Об особенностях понимания учения о пяти стихиях («у син») в рамках ханьской комментаторской традиции на примере анализа текста «Заметки о пяти стихиях» («У син чжи») рассказала н.с. ИКСА РАН **Н.В. Пушкарская**. Магистрант Шаньдунского политехнического университета науки и технологий **Гао Цин** выступил с научным сообщением о взаимосвязи конфуцианской философии и структуры современного китайского языка, проанализировав, каким образом через языковые стратегии распространяются конфуцианские этические константы. Д.филос.н., г.н.с. ИКСА РАН **И.В. Белая** представила доклад, посвященный стихотворным наставлениям патриарха Ма Юя, которые были написаны для последовательниц даосской школы Полного совершенства (Цюаньчжэнь) и отражали основные принципы учения, а также специфику методов «внут-

ренней алхимии». Исследование доцента МГИМО МИД России, к.фил.н. **Ю.Г. Лемешко** было посвящено рассмотрению уникального образца семейного воспитания, в котором конфуцианская этика транслируется через повседневную практику женских занятий, а именно трактату «Нюйсюнь» («Наставление дочери») ханьского ученого Цай Юна. Преподаватель кафедры теории и практики китайского языка Белорусского государственного университета иностранных языков **П.В. Гибкий** поделился своими выводами относительно фундаментальных моделей восприятия времени при сопоставлении европейской и китайской культур.

На параллельном заседании секции «Современная культура и технологии» рассматривался широкий круг вопросов, актуальных для современной интернет-культуры, и ситуации, возникающие в результате перехода большой части коммуникаций и контента в онлайн-формат.

Заседание открыл профессор университета Нанькай **Сюй Син** 徐行 с докладом о периоде 15-й пятилетки в Китае, которая определяет основные цели, приоритеты, подходы и стратегии будущего культурного строительства китайской нации. В докладе китайской коллеги из Шаньдунского политехнического университета **Фань Чэнлин** 范成玲 была раскрыта проблематика практик эмоционального потребления в среде виртуальных ютуберов (ВЮ), которое представляет собой продукт переплетения технологий и человеческих потребностей. Тему интернет-культуры и ее места в жизни современного общества продолжила в.н.с. ИКСА РАН, к.филол.н. **В.Б. Виногродская**, ее выступление было посвящено исследованию длинных видеоподкастов, представляющих собой неотъемлемую часть жанровой системы контента в Интернете социальных сетей. К.фил.н., доцент ФГБОУ ВО «ВГСПУ» **Н.Ю. Симоненко** на примере дилеммы выбора пути рассказал о специфике коммуникации китайской молодежи за последние десять лет. К.филол.н., доцент, заведующая кафедрой теории и методики преподавания языков и культур Азии и Африки СПбГУ **Е.Н. Емельченкова** в докладе рассмотрела языковой и культурный ландшафт Пекинского метрополитена, который выступает в качестве особого типа публичного пространства, формируя культурную идентичность пассажиров. Магистрант НИУ ВШЭ **М.С. Смирнов** сравнил ключевые аспекты китайской и японской стратегий культурной дипломатии 2000-х гг., отметив, что выявленные различия обусловлены, прежде всего, особенностями политических систем и стратегических приоритетов каждой из стран. К.фил.н., в.н.с. ИКСА РАН, доцент Брянского государственного университета **Е.А. Завидовская** в своем выступлении осветила новейшие тенденции китайской прозы, в том числе любительской, непрофессиональной, в рамках которой важное значение приобретает «литература прекариата». Работа секции завершилась выступлением независимого исследователя **А.Н. Казакевич** о системе тегов, которая используется при поиске китайских сетевых новелл, и, в отличие от привычного поиска по жанру, полностью отвечает запросу читателя.

После кофе-брейка на секции «Философия и религия» акценты сместились в сторону вопросов философии буддизма, религии и логики.

Заседание началось выступлением аспирантки МГУ **Жань Цзиньхун** 冉锦红, которая проанализировала систему политической философии школы Гунъян в интерпретации Цзян Цина, видного представителя современного интеллектуального дви-

жения «политического конфуцианства». К.философ.н., н.с. Амурского государственного университета **Н.В. Чирков** представил доклад, посвященный изучению Катехизиса «Тяньчжу Шии», составленного Маттео Риччи, в котором рассмотрел, как католическая догматика целенаправленно сопрягается с понятиями конфуцианской философской традиции, закрепленными прежде всего в «Лунь юе». Тему языковых особенностей буддистских переводов раскрыл в своем научном сообщении к.филос.н., в.н.с. ИКСА РАН **А.Г. Алексанян**, он познакомил слушателей с характерными особенностями понимания грамматики, морфологии и синтаксиса санскрита при переводе буддийских сутр на китайский язык в период Средневековья. К.филол.н, зав. отделом литератур народов Азии ИВ РАН, в.н.с. ИКСА РАН **Л.В. Стеженская** представила результаты исследования относительно датировки рукописи «Книга адамант», созданной иеромонахом Даниилом (Дмитрий Петрович Сивиллов), которая представляет собой автограф черновика перевода с китайского языка части «Алмазной сутры». К.филос.н, в.н.с. ИКСА РАН **Н.Л. Кварталова** рассмотрела основные этапы появления буддистской логики в Китае, как справедливо отметила докладчик, этот процесс был непосредственным образом связан с переводом индийских сутр на китайский язык.

Кроме традиционных, ставших лицом конференции «классических» секций, уже несколько лет большой интерес вызывают две новые – «Материальная культура» и «Искусство, музыка, театр», поскольку проблематика, о которой говорят докладчики, почти нигде больше не представлена. В первый день конференции в работе секции «Материальная культура» особое внимание было уделено вопросам архитектуры, а также обсуждались и различные области искусства и технологии.

Профессор **Чжан Юн** 张勇 из Сычуаньского университета поделился со слушателями своими изысканиями о природе «призрачных денег» – монетах, используемых при подношениях духам умерших или божествам, которые появились в Китае еще в эпоху неолита и продолжают существовать вплоть до наших дней. Доклад аспиранта РГХПУ им. Строганова **Ван Ихэна** 王一恒 был посвящен осмыслению значения реконструкции водонапорной башни 1959 г. постройки в районе Теси, в Шэньяне, которая была преобразована в современное арт-пространство и является ярким примером трансформации руин на северо-востоке Китая. С.н.с. ИКСА РАН **А.Л. Верченко** на примере анализа предметов материальной культуры (шелковые полотна из Китая, находящиеся в Центральном музее вооруженных сил Российской Федерации) обратилась к теме советско-китайского братства в годы Второй мировой войны. Научное сообщение к.филол.н. **Му Сунъянь** 牟松妍 из Хэйлунцзянского университета было посвящено выявлению характерных особенностей древнекитайской архитектуры, которая являет собой квинтэссенцию эстетических воззрений ханьцев. К.т.н., с.н.с. Объединенного института высоких температур РАН **Е.А. Киселева** рассказала об истоках и процессе формирования традиционной китайской народной техники окрашивания тканей «тай-дай», которая происходит из провинции Юньнань и имеет многовековую историю. Студент МГАХИ им. В.И. Сурикова **Е.Е. Акишина** познакомила слушателей с феноменом политической карикатуры и работами знаменитого русского художника Sapajou (псевдоним Г.А. Сапожникова), который творил и работал в Китае в первой половине XX в.

Второй день работы конференции был посвящен вопросам литературы и искусства. Традиционно популярностью пользуется литературоведческое направление, секция «Литература» работала в течение всего дня.

Утреннее заседание началось докладом китайского коллеги, профессора Сычуаньского университета **Ван Ицюня** 王逸群. Он обратился к рассмотрению проблемы современной трансформации древнекитайской литературной теории, которая становится актуальной в Китае с 90-х годов прошлого века. Докладчик показал сильные и слабые стороны изучения древнекитайской литературной теории с помощью аппарата западной литературной теории и рассказал, какие особенности китайской литературы не могут быть исследованы таким способом. К.филол.н., зав. кафедрой китайской филологии ИСАА МГУ **К.Е. Барабошкин** продолжил тему древнекитайской литературы и провел краткий экскурс в ханьскую литературную среду. Объектом исследования стали тексты Ван Чуна, который не порывая с конфуцианско-канонической традицией, «переносит вопрос о праве автора писать из сферы сакрального авторитета в сферу культурной функции и интеллектуальной ответственности». Доклад коллеги из Шаньдунского политехнического университета **Ху Синьюэ** 胡心悦 затронул вопрос литературоведческой интерпретации образов учеников Конфуция в переводе «Лунь юй» Л.Д. Позднеевой и показал, как происходит трансформация оригинальных образов и какие возможности нового прочтения текста появляются в результате этого перевода. С.н.с. ИВ РАН **К.М. Писцов** представил доклад о книгах при императорском дворе эпохи Мин, опирающийся на «Мин гун ши» Лю Жуюя, который описывал и устройство императорского книгохранилища и находящиеся там книги, а также систему обучения евнухов. Докладчик отметил высокую ценность книг при дворе. **Н.А. Брылева,** с.н.с. ИКСА РАН, рассказала о процессе становления современного «хунлоумэнведения», у истоков которого стояли Ху Ши и Юй Пинбо. Данный феномен получил развитие на волне Движения за новую культуру и представлял собой переход от комментаторской традиции к текстологической. В сообщении профессора Хэйлунцзянского университета **Гуань Сюцзюань** 关秀娟 были освещены проблемы переводов русской и советской литературы на китайский язык в период Второй мировой войны и сопротивления японским агрессорам. Автор считает, что в этот исторический период наиболее актуальными оказались переводы документальной литературы, марксистской теории литературы и искусства, которые являлись важными объектами пропаганды.

Вторая часть заседания секции «Литература» началась с доклада доцента кафедры теории литературы филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова **И.Н. Исаковой**. Основной фокус доклада был сосредоточен на проблемах включения китайской и японской литератур в общую теорию литературы и связанные с этим трудности, что требует расширения и уточнения понятийно-терминологического аппарата. В качестве примера автор привела различие в понимании концепции «героя»: в Китае это прежде всего герой интеллектуальный, а уж потом совершивший подвиг.

После общей теории литературы было представлено несколько докладов, посвященных жанровому своеобразию китайской прозы и поэзии.

Доцент кафедры китайской филологии ИСАА МГУ **М.В. Семенюк** рассказала слушателям о «сентиментализме» в китайской прозе, получившем свое развитие по-

сле движения 4 мая, и о его выражении в женской прозе, «новой женской литературе», завоевавшей популярность во многом благодаря творчеству Лу Инь и Фэн Юаньцзюнь. К.филол.н., доцент СПбГУ **Е.И. Митькина** сделала доклад о месте китайского детектива в России, который только входит в сферу интересов российского читателя. Она рассказала о сложных путях проникновения китайского детектива в Россию, первым вестником которого стал перевод романов Р. ван Гулика о судье Ди, о культурной специфике китайского детектива и о растущей популярности этого жанра в последние годы. Китайская коллега д.филол.н. Института русского языка Хэйлунцянского университета **Чэн Шуантин** 程爽婷 провела исследование повести Галины Кэптукэ «Имеющая свое имя, Джелтула-река» и романа Чи Цзыцзянь «Правый берег реки Аргунь». Оба произведения воссоздают традиционное экологическое сознание эвенков (орочонов), в котором тайга выступает одушевленным сакральным пространством, а человек включен во взаимоотношения с природой. Руководитель Центра изучения культуры Китая ИКСА РАН к.филол.н. **А.Н. Коробова** выступила с сообщением о маркерах сарказма в повести Ван Шо «Животная ярость». Докладчик отметила, что героями произведений этого автора становятся маргинальные личности, и сам автор является мастером не только эпатажа, но и парадоксального стиля, иронии и сарказма, что позволяет ему оставаться популярным у читателей долгое время. Представитель Санкт-Петербургского Государственного Экономического университета **А.А. Куликова** обратилась к вопросам художественной специфики «мягкой фантастики» на примере произведений писательницы Ся Цзя. Отличительная особенность такого рода фантастики – акцент на морально-этических проблемах и нравственном выборе человека, а в произведениях Ся Цзя присутствуют также фольклор и отсылки к китайской классике, кроме того, повышенное внимание к чувствам человека. В докладе аспиранта ИВ РАН преподавателя НИУ ВШЭ **Н.А. Шульженко** была рассмотрена система конфликтов в повести Шэнь Жун «Средний возраст», главной героиней которой является врач, чья молодость пришлась на годы «культурной революции», а зрелость оставила в нужде и безнадежности. Были рассмотрены противоречия, возникавшие в жизни героев и между ними. Заключительным выступлением стал доклад магистранта Казанского (Приволжского) федерального Университета **Л.Р. Гильфановой** о произведении «Девятнадцать стихотворений в подражание древней поэзии» минской поэтессы Лю Жуши, в котором переплетаются ханьский жанр *юэфу* и минские поэтические принципы.

Вторая относительно новая секция – «Искусство, музыка, театр» – была представлена сообщениями коллег творческих профессий. Помимо самих докладов на секции звучали отрывки из опер, демонстрировались картины и художественная вышивка.

Кандидат искусствоведения Нижегородской государственной консерватории им. М.И. Глинки **Ю.П. Медведева** сделала доклад о балансе Востока и Запада в опере «Сон в красном тереме» композитора Брайта Шенга. Она рассказала о приемах, которые использовал композитор для того, чтобы сделать данное произведение более понятным для не-китайского зрителя, при этом сохранив элементы аутентичности. Это и отсылки к французской драматической оперной традиции, и использование балетных сцен, и многочисленные параллели с известными европейскими постановками. Далее аспирантка этой же консерватории **Чэнь Ни** 陈倪 рассказала о двух важ-

ных темах музыки XX в., искусстве и живописи и их отражении в фортепианных сонатах композитора Гэ Цина. Гэ Цин в своих произведениях пытался использовать принципы *го хуа*, особенно те аспекты, которые соотносятся со стилями *шань-шуй* и *жэнь-у*, в результате чего соната разворачивается перед слушателем как китайский свиток. В.н.с., к.филол.н. ИКСА РАН **Е.К. Шулунова** представила адаптацию романа Ван Мэна «Метаморфозы или игра в складные картинки» на китайской сцене, которая стала одним из лучших спектаклей 2021 г. в Китае по признанию критиков. Докладчик рассказала о процессе переработки романа в спектакль и коснулась основных акцентов, которые были перенесены из литературного произведения на сцену, а также технических приемов, использованных в постановке. Наша коллега, с.н.с. Отдела восточного искусства НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств **Е.А. Вострикова** сделала доклад по малоизученному вопросу – особенностям северокорейской живописи на примере творчества художника Чон Ёнмана, который работал в стиле классической корейской живописи. В ходе выступления были продемонстрированы репродукции картин и канонов живописи XX в., особенностями которых были монументальность, идеологизированность и коллективность исполнения полотен. Художник и исследователь из Сычуаньской ассоциации исследований поэзии, каллиграфии и живописи Башу Сычуаньского провинциального научно-исследовательский института культуры и истории **Чэнь Маньжун** 陈曼蓉 рассказала коллегам о применении и инновациях традиционной китайской живописи тонкой кистью в вышивке Шу, нематериальном культурном наследии Китая, и продемонстрировала работы, выполненные в этой технике. Далее прозвучал совместный доклад исследователей из Ростовской государственной консерватории им. С.В. Рахманинова, Академии архитектуры и искусств Южного федерального университета профессора **Е.В. Кисеевой** и аспирантки **Е.О. Аксайсковой** о синтезе западных и восточных традиций в нелитургическом пассионе начала XXI в., где между собой переплелись элементы мантры, *сицзюй* и музыкального языка европейской традиции, образовав новые музыкально-драматургические закономерности. В заключение работы секции прозвучал доклад с.н.с. ИКСА РАН **А.И. Донченко**, повествующий об истории развития Бейпинского художественного училища в XX в. Автор рассказала о процессах, происходящих в это время в образовании, о влиянии европейского и японского художественного образования на национальную живопись, а также привела основные вехи развития училища в начале века.

Центр изучения Китая ИКСА РАН благодарит участников конференции за интересные доклады и за живую дискуссию на секциях конференции. Мы надеемся на дальнейшее сотрудничество.

Традиционно по итогам работы конференции выйдет одноименный сборник тезисов докладов, ряд статей по материалам выступлений будет включен в сборник «Человек и культура Востока: исследования и переводы».

IN MEMORIAM

DOI: 10.48647/ICCA.2026.44.86.009

А.В. Лукин

Памяти британского лорда Роберта Борисовича Скидельского: из России, через Китай в Британию и обратно

Аннотация. В статье анализируется эволюция взглядов и идей крупного британского экономиста и историка Роберта Скидельского (1939–2026) на фоне истории его семьи и личной судьбы. История семьи Скидельских тесно связана с тремя странами: Россией, Китаем и Британией. Его прадед Леонтий Скидельский основал одну из крупнейших компаний, осваивавших Дальний Восток России, двоюродный дед Соломон Скидельский был известным предпринимателем в Харбине. Сам Роберт родился в Харбине, часть детства провел в Тяньцзине, но стал бароном, видным ученым и политиком в Британии. Однако он с большим интересом всю свою жизнь относился к России и Китаю, ездил туда, стремился лучше узнать эти страны, с которыми его семью неразрывно связала история, и, по мере возможности, помогать им.

Ключевые слова: Роберт Скидельский, Россия, Китай, Харбин, эмиграция, Британия.

Автор: *Лукин Александр Владимирович*, доктор исторических наук, профессор, научный руководитель Института Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН). ORCID: 0000-0002-1962-2892. E-mail: lukin@iccaras.ru

А • В • 卢金

纪念英国勋爵罗伯特·鲍里索维奇·斯基德尔斯基：从俄罗斯经中国到英国再原路返回

*摘要：*本文以英国著名经济学家和历史学家罗伯特·斯基德尔斯基（1939-2026）的家族史和个人经历为背景，分析了他的观点和思想的演变。斯基德尔斯基家族的历史与俄罗斯、中国和英国这三个国家紧密相连。他的曾祖父列昂季·斯基德尔斯

基创立了最大的俄罗斯远东地区开发公司之一，他的叔祖父所罗门·斯基德尔斯基是哈尔滨一位知名的企业家。罗伯特本人出生于哈尔滨，童年时期曾在天津生活过一段时间，后来成为英国的一位男爵、杰出的学者和政治家。然而，他一生都对俄罗斯和中国保持着浓厚的兴趣，经常前往两国，力求更好地了解这两个与其家族有着不可分割的历史联系的国家，并在力所能及的范围内为它们提供帮助。

*关键词：*罗伯特·斯基德尔斯基；俄罗斯；中国；哈尔滨；移民；英国

*作者：*亚历山大·弗拉基米罗维奇·卢金，历史学科学博士，教授，俄罗斯科学院中国与现代亚洲研究所学术主任。ORCID：0000-0002-1962-2892。E-mail：lukin@iccaras.ru

A.V. Lukin

In Memory of the British Peer Robert Borisovich Skidelsky: From Russia, via China, to Britain and Back

Abstract. The article examines the evolution of the views and ideas of the prominent British economist and historian Robert Skidelsky (1939–2026) against the background of his family history and personal life. The history of the Skidelsky family was closely connected with three countries: Russia, China, and Britain. His great-grandfather, Leonty Skidelsky, founded one of the largest companies involved in the economic development of the Russian Far East, while his great-uncle Solomon Skidelsky was a prominent entrepreneur in Harbin. Robert Skidelsky himself was born in Harbin and spent part of his childhood in Tianjin, but later became a baron and a prominent scholar and politician in Britain. Throughout his life, however, he retained a strong interest in Russia and China, traveled extensively to both countries, sought to deepen his understanding of the places to which his family had been inextricably linked by history, and, whenever possible, to assist them.

Keywords: Robert Skidelsky; Russia; China; Harbin; emigration; Britain.

Author: *Alexander V. Lukin*, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academic Head of the Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (ICCA RAS). ORCID: 0000-0002-1962-2892. E-mail: lukin@iccaras.ru.

15 апреля 2026 г. в возрасте 86 лет умер Роберт Джейкоб Александр Скидельский, барон Тилтонский в графстве Восточный Суссекс, член Британской академии, Королевского исторического и Королевского литературного обществ, один из наиболее известных британских интеллектуалов. Несмотря на дворянский титул, он не был потомственным британским дворянином и даже аристократом, а родился в 1939 г. в Харбине в семье русских эмигрантов Бориса Яковлевича Скидельского и Галины Вениаминовны Скидельской (урожденной Сапелкиной) как Роберт Борисович Скидельский.

Роберт Скидельский

В судьбе этого неординарного человека, как он сам признавал, значительную роль сыграли три страны – Китай, где он родился, провел некоторую часть детства и школьных лет, Британия, где он по большей части жил и приобрел известность, и Россия – родина его родителей, страна, в которую он часто приезжал в последние десятилетия своей жизни и язык которой фактически выучил заново.

Российская эмиграция в Китае, ее жизнь, проблемы и достижения, а также ее рассеяние по многим странам мира сегодня изучаются довольно много как в самой России, так и за рубежом, прежде всего в Китае, но не только. Так как мне довелось знать Роберта около трех десятилетий, довольно часто встречаться и беседовать с ним, я хотел бы не только поделиться своими воспоминаниями, но и немного рассказать об истоках его мировоззрения, сложившихся на перекрестке трех цивилизаций, каждая из которых, как мне кажется, оказала на него значительное влияние. О том же, в своем любимом стиле короткого, но емкого эссе, он рассказывает сам в публикуемых нами в этом номере впечатлениях о своей первой после долгого перерыва поездке в Китай по местам, где он жил в детстве. В его рассказе на первый взгляд малозначительные детали и несвязанные друг с другом мысли и наблюдения складываются в яркую повествовательную ткань, в которой, кроме интереснейших воспоминаний о собственной семье, по-английски ненавязчиво затрагивается самый широкий круг проблем истории, экономики и культуры Китая и его взаимодействия с Западом и Россией.

Роберт Скидельский происходит из знаменитой на Дальнем Востоке семьи. Его прадед Леонтий Соломонович, или Семенович (Хаим Лейба Шимон), Скидельский родился в 1845 г. предположительно в городе Слоним Гродненской губернии –

одном из самых древних городов Белоруссии. Приблизительно в 100 км к северо-западу от него находится небольшой, но тоже древний городок Скидель, из которого, вероятно, вела свое начало семья Леонтия Соломоновича, и от названия которого происходила его фамилия. В 1871 г. Леонтий Соломонович перебирается в соседний город Волковыск, где женится на купеческой дочери Гильде Гродзенской и становится владельцем галантерейной лавки. Дела идут неплохо, и у него рождается четыре сына: Яков (1874), Моисей (1875), Соломон (1878) и Симон (Семен, 1885). В 1881 г. он становится гильдейским купцом, а в 1885 г. переезжает в Екатеринослав, где производится в купцы 1–й гильдии и работает подрядчиком на строительстве местной железной дороги. После начала строительства Транссибирской железной дороги Леонтий Соломонович принимает важнейшее в своей жизни решение. Ему разрешают временный переезд в Уссурийский край, где он получает подряды на строительство Северо-Уссурийской железной дороги. И здесь в полную меру разворачивается его предпринимательская активность. Его методы строительства приносят большой успех и новые подряды. В 1896 г. он как купец первой гильдии причисляется к Владивостоку (всего купцов первой гильдии к тому времени в городе было трое). Основанная им компания возводила тут мосты, производственные помещения, доходные дома и особняки. Ее деятельность расширялась на новые отрасли (добывающая и горнорудная промышленность, производство цемента, лесозаготовки и т.д.), а также регионы (прежде всего, районы Китайско-Восточной и Южно-Маньчжурской железных дорог в Китае) [Черепица, 2009, с. 7–8].

Леонтий Соломонович Скидельский

Здание «Гранд-отеля» во Владивостоке, построенное Л.С. Скидельским в 1902 г. Угол Алеутской и 1-й морской улиц. Фото 1904 г.

К 1910 г. Леонтий Соломонович с женой владел участками земли в центре Владивостока на сумму 676 тыс. рублей и десятком зданий (доходных домов и особняков), в одном из которых по адресу улица Морская, 1 проживала его семья [Мизь, 2019, с. 211]. В 1913 г. он основал Зыбунные копи, из которых впоследствии уже при советской власти вырос поселок, а затем город Артем. К этому времени его капиталы оценивались в 8,6 млн рублей [Тарасов, 2006, с. 49]. Он становится одним из наиболее уважаемых жителей Владивостока, крупнейшим благотворителем, потомственным почетным гражданином, главой еврейской общины города, а в 1908 г. награждается орденом Святой Анны третьей степени за пожертвования на помощь раненым в русско-японской войне [Тарасов, 2006, с. 49].

Основатель дальневосточной бизнес–империи умер в октябре 1916 г. в Одессе, его вдова пережила его лишь на год. В некрологе, помещенном в газете «Владивосток», говорилось: «Нет эллина и иудея – есть человек. И таким сердечным, глубоко отзывчивым, честным во всех отношениях к людям был покойный» [Ковальчук, 2005].

Дело, объединенное в фирму «Наследники Л.С. Скидельского», перешло к сыновьям, которые уже активно в нем участвовали. В 1923 г., после включения Дальне-

восточной республики в состав РСФСР, их российское имущество было конфисковано новой властью [Тарасов, 2006, с. 50]. Семья переехала в Харбин, где продолжила руководить маньчжурской частью бизнеса. Старший из сыновей, дед Роберта Яков Леонтьевич, умер довольно рано, в 1917 г. После его смерти его вдова Рахиль (Рэйчел) увезла четверых сыновей – Аркадия, Семена (Симон, Саймон), Михаила и Бориса, во Францию [Skidelsky, 2010]. Затем они поступили на учебу в различные школы и университеты Англии, где получили британское подданство. После учебы по крайней мере трое из них вернулись в Харбин и работали в разных частях семейного бизнеса [Черепица, 2009, с. 40]. Будущий отец Роберта Борис Яковлевич с братом Михаилом по просьбе дяди Соломона, нуждавшегося в сотрудниках, которым можно доверять, приехали туда в 1932 г. [Skidelsky, 2010].

Остатками империи, которые были не так уж и малы, управляли Соломон и Семен Леонтьевичи. Важнейшим их активом было Мулинское угольное товарищество (МУТ), на разработку которого Соломон получил в 1924 г. разрешение от китайских властей и стал основным совладельцем, а Симон (Семен) – управляющим делами [Skidelsky, 2010]. Старший брат Моисей (Михаил), хотя и занимал должность в МУТ, особой активности не проявлял. После образования Маньчжоу-Го власти конфисковали часть бизнеса: лесные концессии, часть угольных копей и др., но МУТ сохранилось. Гражданства они не имели и считались эмигрантами, хотя Соломон и получил пост почетного консула Португалии, что помогало ему вести дела.

Последний гвоздь в гроб империи Скидельских забила советская власть, доставшая их и в Харбине. После разгрома японской армии в Маньчжурии в 1945 г. Соломон и Семен были арестованы. Согласно популярной истории, их задержали прямо на встрече с советским военным комендантом Харбина [Тарасов, 2006, с. 50]. Из ныне опубликованных материалов дела Соломона мы знаем, что их обвиняли в финансовой помощи японцам и белоэмигрантам. Из документов хорошо видно, что советские спецслужбы отслеживали каждый шаг братьев, как, очевидно, и всех более или менее известных людей из русской эмиграции. Братья не отрицали, что вынуждены были отчислять японским властям часть прибыли, так как иначе у них отобрали бы весь бизнес. К тому же Япония до 9 сентября 1945 г. не воевала с СССР. Но эти аргументы никак не подействовали. Против обоих начали следствие. Другого брата, Моисея, не тронули, лишь конфисковали имущество. Роберт считал, что его спас паспорт Гаити, который он успел получить ранее. Он тихо умер в Харбине в 1951 г. [Skidelsky, 2010].

Почему столь состоятельные люди не уехали вовремя, чтобы избежать проблем, не вполне ясно. Возможно, потому, что не имели гражданства других стран, а, может быть, надеялись, что смогут договориться с новой властью, доказав свою полезность. В деле Соломона есть показания свидетелей о том, что ранее он как-то сотрудничал с СССР. По его собственному признанию, в течение года он даже имел советское гражданство, но не продлил его [Черепица, 2009, с. 113]. Если он действительно питал такие надежды, то они были трагической ошибкой. Советские коммунисты оказались гораздо серьезнее японцев. Они вновь отобрали все, посадили владельцев под арест и начали долгое следствие, которое шло несколько лет. При этом братья-миллионеры содержались в нечеловеческих условиях.

Семен умер в спецгоспитале 24 марта 1948 г., даже не дожив до суда [Ковальчук, 2005]. Соломон был осужден в 1950 г. по ст. 58-4 (помощь враждебной буржуазии) и 58-6 (шпионаж) УК РСФСР на 25 лет лишения свободы. Возможно, сыграло какую-то роль и то, что женой Соломона, с которой он развелся еще в 1928 г., была двоюродная сестра Л.Д. Троцкого [Черепица, 2009, с. 106][1]. К этому времени, согласно ныне опубликованным показаниям тюремных «наседок», бывший миллионер был уже очень слаб и плохо передвигался [Черепица, 2009, с. 93]. В заключении он прожил еще два года и умер в один день со своим братом, 24 марта 1952 г. в лагере № 362 Сталинграда [Черепица, 2009, с. 143–145]. Оба были реабилитированы в 1996 г.

Так закончилась жизнь бизнес-империи Скидельских, но не жизнь семьи. После смерти сыновей основателя династии по всему миру рассеялись его внуки. Кто-то оказался в США, кто-то в Канаде, кто-то в Палестине, кто-то во Франции. Мы продолжим лишь английскую линию, ведущую к нашему главному герою – Роберту. Из показаний Соломона Леонтьевича мы знаем, что в 1937 г. из сыновей его старшего брата Якова, получивших образование в Англии, все в то или иное время работали в семейном бизнесе в Китае. Аркадий в 1930-е гг. жил в Париже, другие трое после начала Второй мировой войны пошли в британскую армию, но служили лишь двое. Борис не прошел по здоровью и остался в Харбине. Здесь он женился на Галине Вениаминовне Сапелкиной – дочери литератора и издателя Вениамина Васильевича Сапелкина. В 1939 г. у них родился сын Роберт.

Семья Сапелкиных происходила из рязанских крестьян, которые в первой половине XIX в. переехали в Нижегородскую губернию, а в конце столетия – в Нерчинск на границе с Маньчжурией. Дед Роберта по материнской линии, Вениамин Васильевич Сапелкин, в возрасте 15 лет в 1905 г. каким-то образом перебрался в городок Маньчжурия (Маньчжоули) – первую станцию западной ветки КВЖД на китайской территории. Там он, несмотря на то что имел лишь четырехлетнее начальное образование, получил работу в городском управлении, занялся общественной деятельностью и даже стал городским головой. В 1916 или 1917 г. он женился. Жена, Мария Александровна, происходила из петербургской семьи Маурeров, вероятно, немецкого происхождения, хотя, по воспоминаниям родственников, ее отец переехал в Маньчжурию из Бессарабии. В 1918 г. у них родилась дочь Галина.

Позднее семья переехала в Харбин, где Вениамин Васильевич издавал газету «Живое слово», работал агентом на КВЖД, затем основал собственную типографию, в которой в 1932–1935 гг. печатал газету «Новости Востока», издавал журнал «Финансы, торговля и промышленность». В 1935 г. он был арестован японскими властями, вероятно, как активист русских эмигрантских организаций, и выслан из Маньчжоу-Го в Тяньцзинь, где продолжал заниматься издательской и общественной деятельностью [Русские в Китае…, 2010, с. 274].

[1] Клара Тимофеевна Животовская – дочь брата матери Л.Д. Троцкого Анны Львовны Бронштейн Тимофея (Тевеля) Львовича (Леонтьевича) Животовского, жившего и умершего в Харбине в 1936 г.

Дом Скидельских в Харбине. Современный вид

Роберт точно не знал, как именно и где встретились его родители, но в 1936 г. они венчались в Тяньцзинской унитарианской церкви и поселились в Харбине в особняке Скидельских на Большом проспекте. Роберт появился на свет 25 апреля 1939 г. в немецкой больнице в Харбине [Skidelsky, 2010]. Спустя несколько месяцев началась Вторая мировая война. Борис Яковлевич как британский подданный выехал в Британию, но после неудачной попытки записаться в армию добровольцем, вернулся в Харбин, где в 1942 г. был арестован японскими властями как гражданин враждебной страны и отправлен в Кобе [Черепица, 2009, с. 75]. Его обменяли на японского военнопленного и выслали в Южную Африку. В конце концов он оказался в Британии. В 1947 г. он с семьей приехал в Тяньцзинь, чтобы попытаться вернуть хотя бы часть собственности, но в 1948 г., когда стало ясно, что город скоро будет захвачен коммунистами, вернулся обратно. С тех пор Борис Яковлевич жил в Британии, где умер в 1982 г. С женой они разошлись в начале 1950-х гг., но сохранили дружеские отношения. Галина Вениаминова также жила в Англии и, когда бывший муж тяжело заболел, он переехал к ней, и она ухаживала за больным до его смерти. Пережила Бориса она на пять лет.

Родители и другие родственники Галины Вениаминовны в 1953 г. переехали из Тяньцзиня в Бразилию, где В.В. Сапелкин стал главным редактором газеты «Вестник Бразилии», а после ее закрытия основал типографию, выступал с лекциями по русской литературе в Сан-Пауло и Рио-де-Жанейро и выпустил книгу «Пушкин и Достоевский». Погиб он в 1958 г. в автомобильной аварии [Хисамутдинов, 2005, с. 86–100].

Из братьев Бориса наибольшую известность получил Семен Яковлевич – журналист и писатель, публиковавшийся под псевдонимом «S.J.Simon», а также игрок и теоретик бриджа. Он умер рано, в 1948 г., в возрасте 44 лет. Но самым знаменитым представителем династии стал сын Бориса Роберт.

Про Роберта Скидельского и его противоречивой фигуре в английской науке и политике написано довольно много. Отучившись в частной школе «Брайтон колледж» и Оксфордском университете, он издал две книги о развитии Англии в XX в.: «Политики и спад: лейбористское правительство 1929–1931 гг.» [Skidelsky, 1967] и «Прогрессивные школы в Англии» [Skidelsky, 1969]. Однако довольно широкое общественное обсуждение вызвала его следующая книга – биография лидера британских фашистов Освальда Мосли, вышедшая в 1975 г. [Skidelsky, 1975]. Он даже жил в некоторое время с семьей Мосли, чтобы вжиться в образ. Одни посчитали ее одним из лучших биографических исследований за долгое время, другие критиковали за то, что он был недостаточно критичен (что, кстати, сам Роберт впоследствии частично признал). Даже сам Мосли посчитал, что биограф изобразил его «несколько романтично» [Sir Oswald Mosley…, 1975]. Дошло до того, что Университет Джонса Хопкинса отказал ему в предоставлении постоянной должности (tenure) в Школе перспективных международных исследований (SAIS), не приняли его и преподавателем в Оксфорд. В результате он стал профессором Политехнического института Северного Лондона, а затем – Уорикского университета [Pimlico Journal, 2026; Arnot, 2006].

Роберт Скидельский. Брайтон колледж

Наибольшую известность Р. Скидельский приобрел за фундаментальную трехтомную биографию Дж.М. Кейнса, над которой он работал около двадцати лет [Skidelsky, 1983–2000]. Книга сразу же была оценена как наилучшее классическое исследование жизни и идей этого крупнейшего экономиста и общественного деятеля XX в. [Uhlig, 1986; Keegan, 2004]. Автор настолько глубоко погрузился в Кейнса, что даже снял дом в местечке Тилтон в Суссексе, в котором ранее жил и умер Кейнс. В 2003 г., когда я был в Англии, Роберт пригласил меня в гости, дав мне прекрасную возможность не просто побеседовать, но и осмотреть этот неофициальный живой музей. Роберт прожил там довольно долго, но вынужден был переехать, так как нынешние хозяева решили не продлевать аренду. Кстати, именно по адресу этого дома в 1991 г. Роберту было пожаловано дворянское звание: он стал «Бароном Тилтонским в графстве Восточный Суссекс», как было указано в документе.

Одновременно он занимался и политической деятельностью: сначала присоединился к лейбористам, затем во время раскола 1981 г. оказался среди создателей более умеренной Социал-демократической партии. С 1992 по 2001 г. состоял в Консервативной партии и даже занимал пост официального спикера от консервативной оппозиции в Палате лордов по культуре, а затем – по финансам, но в 1999 г. был отстранен от спикерства за неприятие и критику натовских бомбардировок Югославии. С 2001 г. Роберт стал независимым членом Палаты лордов. В одной статье он даже написал, что в коридорах Палаты лордов коллеги-лорды, здороваясь с ним, спрашивали его: «В какой партии ты сегодня, Роберт?» [Arnot, 2006]. Одновременно занимаясь общественной деятельностью, он основал и какое–то время возглавлял общественные организации: Фонд социального рынка и Центр глобальных исследований. Был избран в Британскую академию и несколько королевских обществ.

Все эти формальные звания, впрочем, мало что говорят о личности Роберта. Описать ее нелегко, так как он был человеком непростым, одновременно мягким и решительным, аристократичным и по-своему прямым, интересовался всем на свете и обладал крайне широким кругозором во всех общественных областях. По привычкам, манере вести беседу, даже по произношению он был английским аристократом, хотя по рождению он не был не только аристократом, но даже в полном смысле англичанином (хотя на момент его рождения отец уже и был британским подданным). О своей национальности он вполне мог бы сказать, как один раз ответил мне другой знакомый из Лондона на вопрос, англичанин ли он: «Я не англичанин, а британец из Англии».

Аристократом Роберта сделало, скорее всего, образование, которое было типично элитарным английским. Но другая его черта – интерес к миру и обществу в целом, а не какой-то отдельной науке или направлению, скорее всего, уходит корнями в семейные традиции: еврейскую и русскую, как говорил Ф.М. Достоевский, «всемирность» и «общечеловечность». Британская наука не такова, для нее характерно строгое разделение на отрасли. Я помню, как мой оксфордский научный руководитель говорил мне, что раз я пишу диссертацию по политологии, я должен цитировать именно политологов, а не социологов или философов, и я никак не мог понять, какая разница, по какому научному разряду числится ученый и разве не гораздо важнее то, что он, собственно, говорит. Чаще всего Роберта называют экономистом, хотя с тем

же успехом его можно назвать социологом, историком, социальным философом или литератором. Общей чертой его изысканий по всем этим направлениям был интерес к мнениям, психологии и представлениям людей. Наверное, в этом мы и сошлись.

В обобщающем труде Роберта по экономике «Что не так с экономической наукой? Учебник для сбитых с толку» несколько глав посвящено значению истории, социологии, политологии, психологии и философии для экономических построений. В экономической теории он близок к, пожалуй, единственной более или менее реалистичной, но в последнее время маргинализированной школе поведенческой экономики или экономической психологии, в рамках которой значительное внимание уделяется фактору поведения людей, основанному на их восприятии экономических процессов и мер. Этот подход, обычный для других областей общественных наук, почему-то был оттеснен на задний план в экономической теории со второй половины XX в., где воцарились «либералы»-рыночники, утверждавшие, что экономика – не в пример другим наукам об обществе, способна выработать общие строгие законы, якобы действующие в любых обществах, независимо от их культуры и традиций. Когда попытки их сторонников провести реформы в неподатливых обществах заканчивались крахом, как это было, например, с российскими реформами 1990-х гг., то их проводники объявляли виноватым само общество, отказавшееся подчиняться всеобщим законам. Между тем, как показывают результаты всех успешных экономических реформ, общественная реакция должна быть одним из факторов, учитываемых при их проведении. Эту реакцию можно в какой-то степени предугадать, избавившись от теоретической самоуверенности тех, кто рассматривает членов общества как лишенные собственных представлений рациональные механизмы. В заключении к упомянутому выше учебнику Роберт писал: «Мейнстримная экономика делает две ошибки в отношении человеческого поведения. Она наделяет людей чрезмерной способностью рассчитывать и приписывает им чрезмерное желание рассчитывать. То есть, она игнорирует неопределенность и человеческую привязанность друг к другу. Эти провалы коренятся в методе анализа, основной постулат которого – достижение максимального индивидуального результата» [Skidelsky, 2020, p. 181].

Все это мы обсуждали с Робертом довольно часто. Сегодня я уже точно не помню, как и когда мы познакомились. Кажется, нас познакомил один мой соученик по Оксфорду в конце 90-х гг. Тогда Роберт, заинтересовавшись своими русскими корнями и Россией в целом, начал заново учить русский язык, который практически совершенно утратил. Для этого он снял квартиру в Москве, часто приезжал и подолгу в ней останавливался. Свою историю обучения русскому он весьма уморительно изложил в опубликованной в газете «Гардиан» статье, посвященной провальной попытке сдать экзамен A-level (аналог российского ЕГЭ) по этому предмету. Не следует забывать, что Роберту было уже 64 года, он был академиком и бароном. В статье в ответ на вопросы о том, зачем он стал учить русский, Роберт разъясняет, что впервые приехал в Россию в 1994 г. [Skidelsky, 1995] для работы над книгой о «мире после коммунизма», ему хотелось больше понимать, что говорят на различных российских конференциях, но главная причина в другом: «Самое главное, что я, как и многие, влюбился в русский язык, в его чувственность и лиричность. Он просто звучал для меня красиво» [Skidelsky, 2003]. Кстати, впоследствии уровень его русского значи-

тельно повысился. Как-то, включив радио в машине, я услышал, как он довольно неплохо отвечал на вопросы на русском языке.

Вокруг Роберта в Москве сложился некоторый круг друзей, с которыми он любил встретиться в каком-нибудь кафе и поговорить о том, о сем. Большинство из них было значительно моложе его. Между собой мы называли его просто «лорд». Вероятно, для него это были своеобразные уроки страноведения, а для остальных – возможность пообщаться с ним и между собой. Он также выступал в России на семинарах и с лекциями, рассказывая о том, как работает британская политическая система, чем занимаются европейские ученые и т.п. Он искренне хотел узнать Россию лучше и по мере возможности помочь ей.

Вероятно, по тем же причинам он занимал различные должности в советах директоров крупных российских компаний (АФК «Система», ООО «Руснано Капитал», ПАО НК «РуссНефть»), которые с удовольствием приглашали британского лорда с русскими корнями. Возможно, он и получал какое-то вознаграждение, но думаю, главное было не в этом (он, очевидно, не страдал от бедности), а в желании помочь российскому бизнесу выйти на европейские рынки. Кстати, к этим постам он относился с определенной иронией. Я вспоминаю, как на одной из встреч он показывал всей честной компании огромную книгу стихов владельца «РуссНефти» Микаила Гуцериева, изданную весьма помпезно, и спрашивал совета, так как автор попросил его написать то ли рецензию, то ли отзыв. Не знаю, как он поступил, наверное, потом что-то написал, но вид у него был иронически-растерянный.

Роберт не любил коммунистов, отобравших у его семьи всю собственность и замучивших несколько его родственников. Но он был заворожен Россией, ее людьми и культурой и относился к ней как к романтическому истоку истории своей семьи. Он долго готовил свою поездку во Владивосток, чтобы не оказаться там чужим. В конце концов в 2017 г. он съездил в этот город, и был принят там очень тепло, на высоком уровне. Я даже помогал ему организовать там какие-то встречи с местными учеными [Мизь, 2019, с. 213].

На каком-то этапе он совместно с российскими коллегами решил издавать дайджест российских статей о политике и экономике, переведенных на английский язык, чтобы знакомить западного читателя с мнениями российских авторов. Назывался он «Россия о России». В первом же номере он опубликовал перевод моей статьи из «Независимой газеты», в которой я довольно резко критиковал бомбардировки Югославии и даже предлагал прервать отношения с НАТО. Роберт, который в то время как раз сам выступил с осуждением этих бомбардировок, хоть и посчитал моё мнение слишком жестким, статью все же опубликовал, несмотря на возражения российских партнеров. Видимо, он посчитал ее в чем-то показательной [Lukin, 2000, p. 22–30].

Вообще, мне казалось, что общаться со мной ему тоже небезынтересно. Когда я бывал в Англии, мы каждый раз встречались. Как-то он провел со мной уникальную экскурсию по зданию парламента, заводя в те места, куда обычных экскурсантов не допускают. Но чаще мы просто сидели в кафе и разговаривали.

Я посылал ему свои публикации, он присылал свои, и мы делились впечатлениями по почте. Откуда взялся этот интерес? Точно сказать не могу, но он всегда читал

мои работы, часто комментировал их и даже порой цитировал. В одной из статей, излагая некоторые мысли из моей книги о российско-китайских отношениях [Lukin, 2018], Роберт написал: «Лукин – представитель “реалистической” доктрины международных отношений, согласно которой суверенные государства всегда будут пытаться регулировать свои отношения согласно принципу баланса силы. Попытки Запада закрепить победу в Холодной войне были также предсказуемы, как и попытки России повернуть ее вспять» [Skidelsky, 2018].

Реалист ли я? Скорее нет, наоборот, я часто писал о том, что понимание «национальных интересов», фундаментальное для внешнеполитических реалистов, как и интересов личности в «теории рационального выбора» вообще – не более, чем представление, образ или даже стереотип [Лукин, 2007, с. 17–28]. Но эти общественные представления формируют политику и их необходимо учитывать, а для этого, прежде всего, изучать и понимать. Тут мы с Робертом полностью сходились. Сходились мы и во взглядах на будущую структуру мира, которая, во избежание конфликтов, возможно, фатальных, должна быть построена на сотрудничестве основных центров силы.

«Что происходит с “международной системой, основанной на правилах”, к которой отчаянно призывают недоумевающие европейские лидеры? Общий ответ состоит в том, что мы живем во время отступления американской гегемонии, замаскированного под пустые угрозы и отмеченное противоречиями… Насущная задача нашего времени – выйти за пределы нарратива, угрожающего разрушить мир. Нам необходимо начать серьезно думать о том, как работа по созданию, гарантированию и обеспечению исполнения правил международного дорожного движения могут быть переданы от идущего к упадку гегемона концерту ведущих держав», – писал он в статье, вышедшей за месяц до его смерти [Skidelsky, 2026].

К концу второго десятилетия века приезжать он стал реже: отношения Англии с Россией ухудшались, и его начали критиковать за пророссийскую позицию, так как любые связи с Россией официальный Лондон стал считать ее свидетельством. В последний раз в Москве мы виделись в декабре 2021 г. Я встретил его у гостиницы Лотте, где он часто останавливался, он зашел ко мне домой на чай.

Через пару месяцев ситуация серьезно ухудшилась. Роберт продолжал отстаивать свою позицию необходимости мирного урегулирования украинского конфликта и переговоров с Россией, но она стала совершенно неприемлема для британского истеблишмента. Против него началась уже откровенная кампания, его даже на месяц отстранили от заседаний в Палате лордов, придравшись к какому-то неправильному расходованию средств. Роберт вынужден был покинуть все оставшиеся посты в России. Все это он сильно переживал, но продолжал пытаться высказывать своё мнение в прессе, которая все чаще ему отказывала. При этом его предложения вовсе не были пророссийскими, и он совершенно не идеализировал российскую политику, как пишут теперь некоторые [Робертс, 2026]. Скорее, даже наоборот [In Memoriam…, 2026]. Но он хотел скорейшего мира и считал, что без понимания российских мотивов добиться его будет сложно. Кроме того, по его мнению, за крах отношений с Россией Запад должен нести свою долю ответственности. И все это делало его жизнь в Англии крайне сложной.

Роберт Скидельский и автор, декабрь 2021 г., Москва.

В последний раз мы встретились с Робертом 14 сентября 2023 г., когда я ехал в Оксфорд на встречу выпускников. Он специально приехал в аэропорт Гатвик, и мы посидели час или полтора в кафе прямо в терминале. Разговор опять шел обо всем. Он уже был сильно болен и рассказал мне, что у него не было другого времени для встречи, так как он на следующий день ложится в больницу на операцию. В тот раз она, вроде бы, прошла успешно. Но больше мы уже не встречались.

Лорд болел, и тучи над ним сгущались. Дело дошло до того, что в январе он написал мне письмо с просьбой посоветовать, куда можно пристроить его новую статью с предложениями, как лучше достичь мира. Я был крайне удивлен. Конечно, раньше я помогал печатать некоторые его статьи или их переводы в России, но на этот раз он хотел напечатать ее на Западе, к аудитории которого он в ней обращался. Конечно, человек, обладающий его регалиями, имел гораздо больше возможностей опубликоваться за рубежом, чем я сам, но, как оказалось, не на эту тему. Я предложил ему пару более или менее умеренных журналов, но, видимо, и там ему отказали. В конце концов он все же смог «пробить» ее в левый американский журнал «The Nation» [Skidelsky, 2024a].

До последних дней он строил планы о том, как сделать так, чтобы англичане лучше поняли Россию. Уже будучи тяжело больным, в конце декабря 2025 г., поздравляя меня с Новым годом, он попросил подсказать, нет ли в России какого-либо дайджеста недельных новостей и комментариев с легким доступом, похожего на английское издание «The Week». «Я подумал, что было бы интересно поставить их ря-

дом. Раскрытие пропасти между двумя нарративами, может быть, будет способствовать ее преодолению, но это зависит от возможности сравнить подобное с подобным», – написал он и заключил, что надеется встретиться в будущем году. Я ответил, что не знаю такого дайджеста в России, но знаю в Китае. Он написал, что это дело будущего. Встретиться в новом году мы уже не смогли, хотя он и успел прочитать и одобрить мою статью о российской внешней политике, написанную в соавторстве с моим отцом на русском языке [Лукин, Лукин, 2024, с. 112–125], и посоветовал послать ее также в какой-то западный журнал, что я и сделал. Это было его последнее письмо.

Я вообще часто сравнивал его со своим отцом. Несмотря на совершенно разные судьбы, что-то неуловимое было в них общим. У обоих было чувство, что само их существование было вызвано уникальным стечением обстоятельств. Лорд выразил это словами, записанными в дневнике после возвращения из описанной ниже поездки на свою родину в Харбин: «Я еще сильнее чувствую, что я – несчастный случай». Он поясняет, что, если бы не война, его родители не могли бы встретиться. Моего же отца через несколько месяцев после рождения оставили одного в кровати после того, как в 1937 г. были арестованы сначала его отец, а затем и мать. Младенца подобрали соседи.

Лорд и отец – почти ровесники, и пройдя через крайне сложные времена в разных странах, получив самые высокие регалии, оба, в сущности, пришли к одному и тому же: политика, экономика, социальное развитие, – все это хорошо и нужно, но нужно для людей, а не помимо их и не вопреки им. Причем для людей живых, а не мертвых, и сегодня, а не будущим поколениям, счастье которых, как правило, является отговоркой для лидеров, игнорирующих реальные интересы современников. Для такого развития необходимы мир, открытость, взаимопонимание и сотрудничество. Оба призывали к этому сотрудничеству, в особенности между Россией, Китаем и Западом, и аргументы обоих не услышали, по крайней мере, пока. В этом глубокое разочарование их жизни. Тем не менее, несмотря на обстоятельства, они упорно отстаивали свои взгляды, хотя в глубине души и понимали, что реализовать их при жизни вряд ли удастся.

Оба они – миротворцы в простом, христианском смысле. «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими», – сказал Иисус в Нагорной проповеди. Он не упомянул борцов за справедливость, тем более тех, кто устанавливает ее силой оружия и ценой человеческих жертв. Решение вопроса о том, кто прав, а кто виноват, менее важно, чем мир. Может быть, с этим связано то, что в конце жизни Роберт все же пришел к католичеству, вероятно, разочаровавшись в англиканстве, как и многие в сегодняшней Англии, считающие, что оно отошло от основ истинного христианства. Видимо, что-то из католической школы, в которой он учился в Тяньцзине, все же осталось в его памяти. Как бы то ни было, он был принят «в полное причастие» 21 ноября 2025 г. в католической Церкви Св. Панкратия в городе Льюис в Восточном Суссексе, где жил в последние годы [St Pancras…, 2025].

Был ли лорд Скидельский пессимистом? Конечно же, нет. Но не был он и оптимистом, по крайней мере, в отношении обозримого будущего мира. Он, скорее, задавал вопросы. Он смотрел на мир, как и полагается ученому, несколько отстраненно, хотя и был включен во многие общественные процессы.

В своей последней прижизненно изданной книге с довольно пессимистическим названием «Безмозглые: человеческое состояние в эпоху искусственного интеллекта» [Skidelsky, 2024b] Роберт не делает окончательных выводов, а лишь ставит вопросы. Он критикует чересчур оптимистический взгляд на технический прогресс, превративший человеческое общество в «машинную цивилизацию», и вступает в дискуссию с К. Марксом и Дж.М. Кейнсом, которые, по его мнению, путали «потребности», которые удовлетворить можно, и желания, которые меняются и будут всегда расти. Таким образом, даже полная замена человеческой рабочей силы не удовлетворит человеческие желания, а высвободившееся свободное время можно использовать как для творческого развития, так и для использования «цифровых анестетиков». Он критикует уже возникшие опасности нового информационного общества – «надвигающейся дистопии»: «культуру отмены», «государственную слежку», «конец частной жизни», борьбу с «фейковыми новостями» и т.п., которые могут выродиться в новый тоталитаризм. В то же время, вместе с технологическими утопиями (идеей трансгуманизма), он отвергает и существующие альтернативы: «архаические утопии», «сексуальные утопии», «утопию монашества» как неосуществимые. Его диагноз состоит в том, что проблемы современного общества не технологические, а цивилизационные.

Но главная проблема развития состоит в том, что в современном обществе умирает человеческий элемент, культура и мысль: «Есть прямая связь между технологическим утопизмом и деградацией культуры. Люди превращают свое несовершенство во внутреннюю эстетику и моральные ценности. Ошибочность – необходимая черта человеческой природы, поэтому успех в “выпрямлении кривого ствола” приведет к уничтожению человеческого как мы его знаем. Культура роботов – это противоречие в терминах» [Skidelsky, 2024b, p. 181].

Обобщая дискуссию об ИИ, Р. Скидельский заключает, что «опасность заключается не в том, что роботы станут умнее нас, а в том, что мы станем столь же глупы, как роботы» [Skidelsky, 2024b, p. 162]. «Прометеевы силы, – пишет автор, – применялись к виду, слишком бездумному, чтобы принять во внимание свою человеческую сущность. Некоторые думали и продолжают думать, что ответ лежит в развитии «суперинтеллектуальных» машин, которые предотвратят злоупотребление технологий людьми (или теми же машинами). Но программа развития супермашин с целью предотвратить злоупотребления существующими машинами сама по себе есть форма технологического сумасшествия». За этим стоит неспособность общества, постоянно ищущего врагов, сформулировать антитехнократическую политическую программу. «Блокирование действия вызвано блокированием мысли. Мы не можем представить другой программы, потому что мы больше не можем представить Бога, который заботится о нас» [Skidelsky, 2024b, p. 182].

Задача, соответственно – разблокировать мысль. Прежде всего, свою собственную. Разве не этим занимались все мыслители мира, начиная с Сократа? Задача эта довольно сложная и должна решаться самостоятельно. Но все же есть люди, с которыми ее можно хотя бы обсуждать. В моей жизни я встречал очень мало таких людей. Их можно легко пересчитать по пальцам одной руки. Роберт был одним из них. Теперь их стало на одного меньше.

История семьи Скидельских, конечно, с одной стороны, весьма печальна. Печально, прежде всего, то, что столь неординарные и творческие люди в связи с историческими обстоятельствами не нашли себя и потеряли все, что имели, в России и Китае. Как и многие другие русские эмигранты, они могли бы многое дать этим двум странам. С другой стороны, отрадно, что в конце концов многие из них, в том числе Роберт, все же не сдались и нашли себя в других, более гостеприимно отнесшихся к ним обществах и культурах. История семьи продолжается. У Роберта Борисовича осталось два сына: профессор философии Эдвард Робертович и журналист Уильям Робертович, а также дочь Джульетта Робертовна. Продолжаются и другие ветви семьи Скидельских.

Как-то, заканчивая лекцию о своей семье, Роберт говорил, что выступал с ней, чтобы не сбылись слова из стихотворения М. Горького: «Ни сказок о вас не расскажут, ни песен про вас не споют!» [Skidelsky, 2010]. Время опровергло это предсказание: про него и его семью написано уже довольно много в разных странах мира. Не претендуя на песню, надеюсь, что мой рассказ станет одной из многочисленных сказок о Роберте Скидельском, его удивительной судьбе и знаменитой семье.

Библиографический список

Ковальчук В.Н. Скидельские: короли черного золота // Uniting Generations. 2005. URL: https://uni-gen.org/istoriya/skidelskie-koroli-chyornogo-zolota/ (дата обращения: 14.08.2026).

Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М.: Восток-Запад: АСТ, 2007.

Лукин А.В., Лукин В.П. О внешней политике России после украинского кризиса // Мир перемен. 2024. № 3. С. 112–125.

Мизь Н.Г. Прогулка по Океанскому проспекту: краеведческий очерк. Владивосток: Издатель Александр Филькин, 2019.

Робертс Дж. Роберт Скидельский и борьба с британской русофобией // Россия в глобальной политике. 2026. 30 июля. URL: https://globalaffairs.ru/articles/skidelskij-roberts/ (дата обращения: 14.08.2026).

Русские в Китае. Исторический обзор / Под общ. ред. А.А. Хисамутдинова. Шанхай: Изд. Координационного совета соотечественников в Китае и Русского клуба в Шанхае, 2010.

Тарасов Ю.А. Артем на заре своей истории: факты против легенд. Из цикла «Предыстория Артема: 1860–1938 гг.». Владивосток: Редколлегия газеты «Артем», 2006.

Хисамутдинов А.А. Русские в Бразилии // Латинская Америка. 2005. № 9. С. 86–100. URL: https://old.ilaran.ru/?n=122 (дата обращения: 14.08.2026).

Черепица В.Н. От Волковыска до Харбина. Торгово-промышленная династия Скидельских (конец XIX – середина XX в.) в документах и материалах. Гродно: ГрГУ, 2009.

References

Kovalchuk V.N. (2005). Skidel'skie: koroli chernogo zolota [The Skidelskys: Kings of Black Gold]. Uniting Generations, September 1. URL: https://uni-gen.org/istoriya/skidelskie-koroli-chyornogo-zolota/ (accessed: 14.08.2026). (In Russian).

Lukin A.V. (2007). Medved' nabliudaet za drakonom. Obraz Kitaia v Rossii v XVII–XXI vekakh [The Bear Watches the Dragon. The Image of China in Russia in the 17th–21st Centuries]. Moscow: Vostok-Zapad: AST. (In Russian).

Lukin A.V., Lukin V.P. (2024). O vneshnei politike Rossii posle ukrainskogo krizisa [On Russia's Foreign Policy after the Ukrainian Crisis]. Mir peremen [The World of Transformations]. No. 3. P. 112–125. (In Russian).

Miz' N.G. (2019). Progulka po Okeanskomu prospektu: kraevedcheskii ocherk [A Walk along Okeansky Avenue: A Local History Essay]. Vladivostok: Izdatel' Aleksandr Fil'kin. (In Russian).

Roberts J. (2026). Robert Skidel'skii i bor'ba s britanskoi rusofobiei [Robert Skidelsky and the Fight against British Russophobia]. Rossiia v global'noi politike, July 30. URL: https://globalaffairs.ru/articles/skidelskij-roberts/ (accessed: 14.08.2026). (In Russian).

Russkie v Kitae. Istoricheskii obzor [Russians in China. A Historical Review] (2010). Ed. by A.A. Khisamutdinov. Shanghai: Coordinating Council of Compatriots in China and the Russian Club in Shanghai. (In Russian).

Tarasov Yu.A. (2006). Artem na zare svoei istorii: fakty protiv legend [Artyom at the Dawn of Its History: Facts against Legends]. Vladivostok: Editorial Board of the newspaper “Artyom”. (In Russian).

Khisamutdinov A.A. (2005). Russkie v Brazilii [Russians in Brazil]. Latinskaia Amerika [Latin America]. No. 9. P. 86–100. URL: https://old.ilaran.ru/?n=122 (In Russian).

Cherepitsa V.N. (2009). Ot Volkovyska do Kharbina. Torgovo-promyshlennaia dinastiia Skidel'skikh (konets XIX – seredina XX v.) v dokumentakh i materialakh [From Volkovysk to Harbin. The Skidelsky Trade and Industrial Dynasty (Late 19th – Mid-20th Century) in Documents and Materials]. Grodno: GrGU. (In Russian).

* * *

Arnot C. (2006). Lord Skidelsky: Life and Times. The Guardian, July 5.

In Memoriam: Lord Robert Skidelsky. Old Brightonians, Brighton College. 2026. URL: https://www.oldbrightonians.com/news/in-memoriam-lord-robert-skidelsky (accessed: 14.08.2026).

Keegan W. (2004). Three Volumes into One Will Go. The Guardian, January 4.

Lord Skidelsky. Obituary and Interview (2026). Pimlico Journal, May 6.

Lukin A. (2018). China and Russia: The New Rapprochement. Cambridge: Polity.

Lukin A. (2000). NATO and Russia after the Kosovo Crisis. Russia on Russia. Issue 1, February. P. 22–30.

Sir Oswald Mosley on Doing It His Way (1975). The Spectator, April 5.

Skidelsky R. (2010). A Tale of Two Families. RSL Lecture 7, June (revised June 18, 2010). Manuscript provided by the author.

Skidelsky R. (1969). English Progressive Schools. Harmondsworth: Penguin.

Skidelsky R. (1983–2000). John Maynard Keynes: in 3 vols. New York: Viking Adult.

Skidelsky R. (2024b). Mindless: The Human Condition in the Age of Artificial Intelligence. New York: Other Press.

Skidelsky R. (2003). My A-level Hell. The Guardian, December 9.

Skidelsky R. (1975). Oswald Mosley. New York: Holt, Rinehart and Winston.

Skidelsky R. (1967). Politicians and the Slump: The Labour Government of 1929–31. London: Macmillan.

Skidelsky R. (2018). Putin's Family. The Korea Times, July 1.

Skidelsky R. (2024a). The Lost Peace. The Nation, February 20.

Skidelsky R. (1995). The World after Communism: A Polemic of Our Times. London: Macmillan.

Skidelsky R. (2026). What Comes after America's Retreat? The Spectator, March 3.

Skidelsky R. (2020). What's Wrong with Economics? A Primer for the Perplexed. New Haven. Yale University Press.

St Pancras, The Catholic Parish of Lewes (2025). Newsletter, November 30.

Uhlig M.A. (1986). The Man Who Made Us All Keynesians. The New York Times, May 11.

Роберт Скидельский

Возвращение в свой китайский дом[1]

R • 斯基德尔斯基

重返中国家园

Robert Skidelsky

A Chinese Homecoming

Сто десять лет назад контракт на строительство железной дороги привел мою семью в Маньчжурию. И сегодня, на фоне размораживаемого интереса в Китае к европейскому прошлому, я, словно давно потерянный сын, удостоился радушной встречи в Харбине, где я родился.

Около года я планировал свое возвращение в Китай, и теперь это стало возможным благодаря приглашению автора книги о Боксерском восстании Сян Ланьсиня прочесть несколько лекций в Шанхае в сентябре 2005 года. Я говорю о «возвращении», потому что в последний раз я был в континентальном Китае в 1948 году, когда мне было девять лет. Я родился в Харбине в Маньчжурии в 1939 году, переехал в Англию, когда мне исполнилось три года и вернулся с родителями в Китай в 1947 году, где мы жили чуть больше года в Тяньцзине. Незадолго до того, как город захватили коммунисты, мы бежали в Гонконг.

[1] Впервые опубликовано на английском языке в журнале Prospect, 22 января 2006 г. URL: https://www.prospectmagazine.co.uk/essays/57132/a–chinese–homecoming (здесь и далее примечания переводчика). Перевод А.В. Лукина.

Почему мы вернулись в Китай в 1947 году? Короткий ответ: семья Скидельских владела собственностью в Харбине и арендовала крупнейшую частную угольную шахту в Маньчжурии – Мулинскую добывающую компанию[2]. После Второй мировой войны мой отец, британский подданный с 1930 г., решил предъявить права на семейный бизнес. Однако мы прибыли в Тяньцзинь в чрезвычайно неблагоприятное время – когда коммунисты брали под контроль Маньчжурию, изгоняя гоминьдановцев. Мы провели какое-то время в Тяньцзине в ожидании изменения ситуации, но его не произошло. Помню, как ребенком даже тогда я думал, насколько же плохим генералом был Чан Кайши, что позволил отрезать в Маньчжурии свою лучшую армию.

Когда ты строишь свою собственную жизнь, история твоей семьи совершенно тебя не занимает. Но сейчас я так увлечен своим происхождением и сожалею, что не слушал рассказы моих родителей о нашей семье более внимательно. Эти истории позволяют понять мою собственную жизнь. Скидельские были одной из самых влиятельных семей русских евреев на Дальнем Востоке. Мой прадед Леон Скидельский начал свой жизненный путь в Скиделе, сейчас это Беларусь[3]. В какое-то время в 1880-е годы он переехал с семьей к Черному морю, в Одессу. В 1895 году он выиграл тендер – как и почему, я не знаю – на строительство последней ветки Транс-Сибирской железной дороги, которая проходила через северную Маньчжурию до Владивостока. Он сделал Владивосток домом своей семьи. Семья Скидельских стала одной из десяти еврейских семей, которым было позволено там жить. Мой отец, Борис, родился во Владивостоке в 1907 году.

Ко времени смерти Леона в 1916 году семья владела жилой недвижимостью, промышленными и добывающими предприятиями в Восточной Сибири, тремя тысячами кв.км. лесозаготовительных концессий в России и Маньчжурии, и была одним из крупнейших работодателей в регионе. Маньчжурской частью бизнеса руководил из Харбина один из сыновей Леона – Соломон. Семейное предприятие поставляло уголь для Китайско–Восточной железной дороги (как тогда называли маньчжурскую ветку Транссибирской магистрали) и экспортировало лесоматериалы, фанеру и муку в Лондон и Нью–Йорк. В недавно опубликованных книгах, посвященных российской экспансии на восток, семью назвали «олигархами» Дальнего Востока. Сян Ланьсинь, принимавший меня в Китае, сказал, что каждый в Маньчжурии слышал о знаменитой семье Се Цзе Сы – так по–китайски звучит фамилия Скидельские.

В 1918 году Скидельские уехали из России, потеряв там всю свою собственность, но увезя несколько миллионов долларов наличными. Овдовевшая мать моего отца переехала в Париж и отправила четверых своих детей в английские частные школы. В 1924 году мой двоюродный дедушка Соломон получил в Харбине право на 30-летнюю разработку угля для Мулинской добывающей компании. Это стало осно-

[2] Точное русское название «Мулинское углепромышленное товарищество» (1924–1943), с 1943 г. – «Мулинское углепромышленное акционерное общество» (*Черепица В.Н.* От Волковыска до Харбина: торгово-промышленная династия Скидельских (конец XIX – середина XX в.) в документах и материалах: монография. Гродно: ГрГУ, 2011. С. 122).

[3] Согласно большинству источников, Л.С. Скидельский родился в городе Слоним Гродненской губернии, расположенном примерно в 100 км к северо-западу от Скиделя. Вполне вероятно, что его предки происходили из Скиделя.

вой сократившегося, но все еще внушительного состояния Скидельских. Харбин, к тому времени крупный русский город, был наводнен русскими белоэмигрантами из Восточной Сибири. В его европейской части пролегали широкие улицы и проспекты, стояли красивые дома, банки, магазины, рестораны, кинотеатры, работали опера и балетная труппа. В 1920-е годы его называли «Восточным Парижем».

Потеряв деньги во время биржевого кризиса 1929 года, моя парижская бабушка переехала в Америку, а мой отец Борис поехал в Маньчжурию работать в семейном бизнесе. В 1936 году он женился на моей матери, а через три года родился я. Во время войны отец сражался в британской армии, но харбинские Скидельские, люди «без гражданства», продолжали поставлять уголь для нужд железной дороги, которая в то время контролировалась японцами, оккупировавшими Маньчжурию с 1932 по 1945 год. Когда в 1945 году советские войска вошли в Маньчжурию, Соломон, вместе с братом Симоном, были отправлены в Россию и сгинули в одном из лагерей сталинского «ГУЛАГа». Собственность в Харбине и угольную шахту захватили китайские коммунисты. В 1984 году я получил чек от Британского правительства на сумму в 24 000 фунтов в качестве окончательной компенсации за утраченную собственность с активами в 11 миллионов фунтов.

О семье моей матери я знаю меньше. Сапелкины в отличие от Скидельских были русскими христианами, и, так же, как и Скидельские, частью россиян, бежавших на Восток от большевистской революции. Они были «свободными крестьянами», которые переселились из Нижнего Новгорода на Волге в Восточную Сибирь в конце XIX века и также были заняты на строительстве железной дороги. Дедушка по материнской линии-Вениамин Васильевич в начале 20-х годов XX века был мэром городка Маньчжоули[4] в русской Маньчжурии, а затем переехал в Харбин. Он был литературно образованным господином, и я помню, как в детстве получил от него письмо, написанное на старомодном русском языке, полное высоких моральных наставлений (как сказал мне отец, переводя его). Семья моей бабушки, по-видимому, происходила из Бессарабии. Моя мама Галя родилась в Харбине в 1918 году.

История моей семьи – это микрокосм первой волны глобализации, основанной на железных дорогах, пароходах и телеграфе, которая век назад открыла Восточную Азию мировому рынку. Подъем и падение Скидельских отражают судьбу этого космополитичного мира, которому была нанесена смертельная рана Первой мировой войной. Она показывает, как политика может легко опрокинуть экономику. Богатство не спасло мою семью, как и других им подобных, от революции так же, как экономическая взаимозависимость не спасла мир от фашизма и коммунизма. Сегодня на Дальнем Востоке не осталось Скидельских. После победы коммунистов в 1949 году Китай был закрыт для остального мира на целых 40 лет. Харбин, так же, как и такие портовые города, как Шанхай и Тяньцзинь, стали чисто китайскими, полными тоскливых останков погибшей европейской культуры: набережная в Шанхае, Виктория парк авеню в Тяньцзине, Большой проспект в Харбине. Сейчас происходит их «второе открытие». Оно имеет внутрикитайскую мотивацию, но европейская основа тоже размораживается. В моем родном Харбине меня приветствовали как вернувшегося блудного сына.

[4] Русское название «Маньчжурия».

19 сентября, Шанхай. Сян Ланьсинь встречает меня утром в специальном здании Шанхайского международного аэропорта. Его сопровождает кинооператор Ян Мэй и продюсер Хань Юй. Мой визит заснимут и покажут по китайскому телевидению. В руки мне дали букет цветов и камеры заработали. Мы влезли в минивэн и поехали в Шанхай. По пути мы проезжали новый город Пудун[5]. Десять лет назад тут были поля, теперь здесь в многочисленных сменяющих друг друга небоскребах – офисах и жилых домах, живет и работает 4 млн человек. Я останавливаюсь в отеле Цзиньцзян, где во время исторического визита в 1972 году жил Никсон. Камера Ян Мэя работает постоянно. Я думаю, он остался бы жить со мной в спальне, если бы я ему позволил.

Я не прочь поесть китайской еды, но от вареной жабы на обед я отказываюсь. Ланьсинь знакомит меня с китайской водкой из ферментированного риса. Она пахнет канализацией.

Я прошелся по Хуайхай, главной торговой магистрали, ранее называвшейся Авеню Жоффр. Симпатичная аспирантка Чжоу Цюцзюнь, составившая вместе с Ян Мэем и Хань Юем, команду моих доверенных компаньонов, подробно рассказывает мне об окрестностях. На тротуаре стоит маленький зеленый автомобиль, известный как Кью-Кью. Мне говорят, что он стоит 25 тыс. юаней, или 3 тыс. долларов. Это мое первое знакомство с китайскими ценами. Я пытаюсь выучить пару фраз: *Сесе* (спасибо), *Сяу хао* (Добрый день!), *Хэн гаосин дао Чжунго* (Рад приехать в Китай…). Цюцзюнь просит меня произносить ее имя, как его произносят китайцы. Мне говорят, что мой акцент хорош, но память дырявая.

20 сентября, Шанхай. Лекция в Шанхайской академии наук по глобализации. «Сколько мне надо выступать?» – спрашиваю я Цюцзюнь. Она говорит: «Два часа». На счастье, она имеет в виду общее время встречи. Обед официальный с множеством профессоров. Я вступаю в дискуссию о Тайване с одним из них, Чжоу Цзяньмином. Будут ли США защищать его от китайского вторжения, если он объявит независимость? Он убежден, что нет. Я сказал, что такое возможно. В компании Цюцзюнь я захожу в ателье по пошиву одежды «Баромон» и заказываю костюм и пиджак. Они обойдутся мне в 4 370 юаней, или около 500 долларов.

21 сентября, *Шанхай.* Утренний визит в Далвич Колледж – китайское представительство школы из южного Лондона в Пудуне. Проезжаем мили небоскребов. Насколько жестка цензура? Я спрашиваю сопровождающего меня сегодня студента Чжан Шумэй. «Вы можете все обсуждать публично, но нельзя критиковать правительство… это нужно делать без посторонних». Я хотел посмотреть Далвич, потому что Брайтон Колледж – частная школа, где я – председатель попечительского совета, планирует открыть школу в России. Я обнаруживаю, что все ученики – иностранцы. Граждане Китая не могут здесь учиться. Я спрашиваю, почему. Китайцы хотят сохранить свою национальную идентичность, и они не позволят никому получать обра-

[5] Пудун – новый район Шанхая, построенный на восточном берегу реки Хуанпу. Строительство началось в 90-е годы XX века.

зование от иностранцев, если они уже и так не иностранцы. Но они разрешают своим детям учиться за границей? Да, это не логично…

Возвращаюсь в Шанхай, чтобы успеть встретиться с заместителем директора Шанхайского института международных проблем Ян Цземянем. Он говорит мне, что Китай – держава статус-кво, а США – революционная держава. Международное право может быть изменено только по соглашению, а не односторонними действиями США. Как марксист он верит, что надстройка изменится вслед за базисом, поэтому демократизация в Китае неизбежна, но она будет медленной и все должны проявлять терпение. Китай – «социалистическая развивающаяся экономика». Социализм нужен, чтобы противодействовать тому, что создает капитализм. Экономическое развитие увеличивает неравенство, социалистическое планирование будет необходимо позднее, чтобы ликвидировать этот разрыв. Разрешается ли ему говорить правду публично? Он отвечает, что когда он не может говорить правду, он не лжет, но уклоняется от предмета. Он сказал мне, что во время культурной революции Мао его послали в деревню на перевоспитание, и видно, что он не рискнул бы повторить это свое путешествие. Он умеет искусно излагать политику руководства на приемлемом для Запада языке.

В 4 часа дня меня и трех моих компаньонов гроза с проливным дождем, громом и молнией застигла на Бунде[6] – в старом европейском деловом центре. Мы находим убежище в знаменитом ресторане «М». Мне не разрешили платить за напитки. Но я все же купил чемодан на собственные деньги. Он стоил 100 юаней (12 долларов). Я заметил, что голова Мао все еще на купюрах, хотя он умер 30 лет назад.

22 сентября, *Шанхай.* Утром я съездил в исторический городок Чжуцзяцзяо. Мой главный гид Цюцзюнь родилась в нем и называет его «китайской Венецией». Во дворе даосского храма я вижу выгравированный на камне символ инь-ян. Именно отрицание дуализма духа и материи, хорошего и плохого делает, как мне говорят, китайскую мысль столь отличной от западной.

Во второй половине дня – лекция о Кейнсе и глобализации, устроенная Школой перспективных исследований. Около 200 магистрантов, аспирантов и преподавателей. Это сложная тема, но хороший переводчик передал основные мысли. Затем последовал коллоквиум о Востоке и Западе с профессором Сянтаньского университета Лю Циляном.

Вечером мы взяли круиз на «Золотом драконе» по реке Хуанпу с контурами Бунда на западном берегу и эффектным новым Шанхаем на стороне Пудуна. Архитектура некоторых зданий одновременно ошеломительна и странна. На стороне Пудуна доминирует телебашня «Восточная жемчужина», карандаш, достающий до неба, с двумя большими меняющими цвет шарами.

23 сентября, Тяньцзинь. Я лечу в Тяньцзинь, где жил в 1947–1948 годах и учился в Колледже Святого Людовика – французской школе, принадлежавшей Ордену Свя-

[6] Бунд (англ. «The Bund», кит. «Вай тань») – набережная реки Хуанпу в Шанхае, исторически – коммерческий центр международного сеттльмента и всей Восточной Азии.

той Марии[7], чьим самым знаменитым учеником был Чжоу Эньлай[8]. Говорят, он благоволил Тяньцзиню, когда пришел к власти. В самолете я говорю с Ланьсинем о Мао, конфуцианстве и западных ценностях. Его родители были высокопоставленными партработниками, и он защищает Мао. Я спрашиваю его, почему не было публичного отчета о годах Мао. Он говорит, что большинство китайцев не списывают со счетов эру Мао. Мао совершил много ошибок, но руководствовался благими намерениями. Такими же были Сталин и Гитлер, отвечаю я. Но, говорит Ланьсинь, Мао нельзя сравнивать с ними, потому что он не убивал людей намеренно, хотя миллионы и погибли от голода в результате его политики. В любом случае, хорошее и плохое сосуществуют в любой системе, любом человеке. В Мао были конфуцианские черты. Лично он вел аскетичную жизнь, его наследники не богаты, он стремился к некоррумпированному обществу. Ясно, что Ланьсинь не одобряет новую биографию Мао, написанную Чжан Жун и Джоном Хэллидеем: «Книга написана, как обвинительное заключение»[9]. Ланьсинь – конфуцианец, и говорит, что только иезуиты правильно понимали Конфуция. Он отвергает идею «подъема» Китая, будь то военного или мирного. Он предпочитает «возрождение».

Вместе с Ланьсинем и моей «командой» я поселился в «Эстор Хауз» – самом старом европейском отеле в Китае, построенном в 1863 году. Он стоит рядом с «Бундом» старого Тяньцзиня, полным роскошных банков, построенных в стиле 20-х годов прошлого века с величественными колоннами и мраморными интерьерами. Отель расширили за счет новой пристройки, но мой номер находился в старом здании. Я жил здесь с родителями в 1947–1948 годах, когда мой отец временно работал здесь управляющим и был в процессе развода с матерью, но этого я тогда не знал. Мои воспоминания о длинных, широких коридорах не подвели меня: вот они, отделанные темными панелями. Я гонялся по ним на моем электрическом автомобиле, который отец подарил мне на мое восьмилетие.

Менеджер проводит нас по старой части отеля. Здесь останавливались и жили многие знаменитости, стены увешаны их портретами и старыми фотоснимками – основатель заведения Густав Детринг, генерал Гордон, Сунь Ятсен, Герберт Гувер, Улисс С. Грант, Панчен-Лама, Чжоу Эньлай. Бывший мальчик-император Пу И нередко танцевал с супругой в бальном зале Эстора в 20-е годы, еще до того, как, поддавшись японскому влиянию, стал марионеточным императором Маньчжурии в 30-е годы. Я уговариваю менеджера включить металлический вентилятор Сунь Ятсена производства «Сименс», который едва работает.

Ужин с Энтони Ваном и Джоном Ханем, моими однокашниками по Колледжу Святого Людовика. Джон Хань рассказал, что он перешел в католицизм, но не из-за

[7] Точное название «Общество Девы Марии» (лат. *Societas Mariae*, S.M.) – мужская монашеская конгрегация, основанная во Франции в 1816 году. Членов называли «маристами». Колледж в Тяньцзине был основан в 1895 году.

[8] Возможно, это ошибка. Согласно официальным биографиям Чжоу Эньлая, он с 1913 по 1917 год учился в соседней Нанькайской средней школе.

[9] Jung Chang and Jon Halliday, *Mao: The Unknown Story*. London: Jonathan Cape, 2005. Русское издание Чжан Ю., Холлидей Дж. Неизвестный Мао. М.: Центрполиграф, 2007. Книга ирландского историка Дж. Хэллидея и его жены Чжан Жун, крайне критическая по отношению к Мао Цзэдуну. Широко критиковалась за историческую недостоверность.

увещеваний орденских братьев, а позднее, влюбившись в девушку-католичку. Но когда их отношения не сложились, он вышел из него. Позже он женился на русской и в результате оказался дважды опальным. Высший пост, который он смог получить, была должность заместителя библиотекаря в медицинском институте. Энтони Ван, лингвист и тоже католик, не мог получить работу в университете до смерти Мао. Когда он был школьным учителем во время культурной революции, его избивали. Оба они мягкие и очаровательные старые джентльмены.

После ужина я настаиваю на том, чтобы поехать на разведку на Дублин роуд, где я жил с моей бабушкой по материнской линии, сводной сестрой моей матери Тамарой[10] и ее сыном Алеком. К моему ужасу, на месте дома номер 5 мы обнаружили огромную яму, недавно вырытую для станции метро. Остальные здания сохранились, но нет гостиной, где я играл с тетей Тамарой в шашки, не осталось и цоколя, где жил наш мальчик-слуга Ши–та. В своих замечательных мемуарах о Тяньцзине «Райский брод» Брайан Пауэр[11] пишет, что в межвоенный период Дублин Роуд был полон борделей и баров. Возможно, ко времени моего приезда они уже исчезли или же я просто был слишком мал, чтобы все это заметить.

Напротив нашего исчезнувшего дома я узнаю призрачные очертания старой синагоги, теперь стоящей в руинах. Небольшая речка, протекавшая за ней, по которой иногда проплывали тела людей, тоже исчезла под большой автострадой. Под ней, где текла река, проходит линия метро, а дальше, на месте улиц и магазинов старой британской концессии высится лес небоскребов. Мы зашли в синагогу, в которой при коммунистах когда-то работал ресторан. Сейчас какие-то израильтяне пытаются собрать средства на ее восстановление. Но сколько евреев осталось в Тяньцзине? Мы встречаем пожилую 81-летнюю даму, «ветерана» КПК. Ее с семьей поселили на Дублин Роуд, покинутую бежавшими европейцами. Она помнит «старых советских» из дома номер 5 – должно быть, это моя бабушка и наша семья, которая жила тут до начала 50-х, пока моя мать не перевезла их в Бразилию.

24 сентября, Тяньцзинь. Хлопотный день. Сначала мы пытаемся найти магазин моих дедушки и бабушки на Казинс Роуд. Там продавали продукты, произведенные на их молочной ферме под Тяньцзинем. Магазинчик располагался в старой британской концессии, сейчас эта улочка превратилась в смешение стройплощадок и лабиринтов из ветхих домишек, магазинчиков и ресторанчиков, которые выглядят, должно быть, так же, как и 60 лет назад. Нас окружает толпа велосипедистов.

Согбенные старушки появляются на аллее, как только распространяется слух о нашем приезде и поисках. Кто-то вспоминает давно закрытую еврейскую швейную фабрику. Другие говорят, что молочный магазин мог быть возле ресторана Кисслинга и, возможно, он работает и сейчас, только в другом месте. Пожилые дамы любезны, оживлены и стараются быть полезными. В разговор вступают все: и мужчины, и женщины, и пожилые, и молодые. Китай очень отличается от России количеством пожилых людей на улицах. В России люди – особенно мужчины – умирают, не до-

[10] Дочь М.А. Сапелкиной от первого брака.

[11] Brian Power, The Ford of Heaven: A Childhood in Tianjin, China (Oxford: Signal Books, 2005).

жив до 60 лет. Перед Китаем сегодня стоит большая проблема старения населения в результате политики «одна семья – один ребенок». Контраст с Индией состоит в том, что в Китае нет нищих. И, несмотря на огромное население, в Китае нет ощущения перенаселенности, как в Индии.

Еще один бывший ученик Колледжа Св. Людовика Исаак Хуан приезжает на обед и привозит старые школьные фотографии. Все трое бывших соучеников лет на пять старше меня, поэтому в школе они, конечно, не могли бы заметить такую малявку, как я, а я – их. Орденские братья обратили Хуана в католицизм, и он был активным членом в запрещённой организации Маристов, из-за чего 20 лет мог зарабатывать только физическим трудом.

Затем, после обеда, мы отправились к Колледжу Св. Людовика на территории французской концессии. Массивное здание из красного кирпича в эдвардианском стиле было разрушено вскоре после прихода коммунистов, и на его месте была построена больница. Теперь больницу собираются снести, чтобы построить новое здание – школы. Я предлагаю своей команде назвать ее Новая школа Людовика, так как слово «святой» все еще считается политически некорректным.

В школьном журнале я записан одним из 32 учеников, поступивших 23 сентября 1947 года, британским подданным, по религии – протестантом. Я был одним из только двоих британцев и троих протестантов из всех мальчиков. Большинство составляли католики и русские православные, четверо были записаны как «иудеи» и восемь как «язычники». Эти последние были китайцами. Братья принимали свои задачи в отношении язычников серьезно и усердно старались обратить нас в католичество. Помню, как брат Отто пытался убедить нас, что католики лучше протестантов, потому что подают милостыню бедным. Думаю, что я оставался верен протестантам не только потому, что был британцем, но и потому, что прислуживал мальчиком-алтарником в церкви Всех святых.

В книге Давида Хулма подробно, хотя и не очень лестно, рассказывается обо мне в Колледже Святого Людовика[12]. Автор в основном полагается на воспоминания японского мальчика Ацуо Цукады, ставшего моим лучшим другом. Читать это больно, потому что поначалу я был жесток к Ацуо, безжалостно издеваясь над его английским (он путал звуки «л» и «р») и над его «язычеством». Помирила нас моя мать. Она пригласила Ацуо на чай в Эстор Хауз и нянчилась с ним как с давно потерявшимся родственником. Там и тогда я решил, что Ацуо будет моим лучшим другом, хотя и не помню, чтобы консультировался с ним по этому вопросу.

На ужин в ресторан я поехал на велорикше, похожем на того, что возил меня в школу. Только в версии 1947 года были медные лампы и разукрашенный навес. Зимой я накрывался стеганым одеялом, которое спасало меня от буквально ледяных ветров с монгольских степей. У моего рикши был длинный ноготь на мизинце, и зимой он носил стёганый костюм. Он сморкался в рукав куртки и вытирал им нос. А длинный ноготь использовал для ковыряния в носу.

Странные вещи запоминают дети. Скорее всего, летом 1948 года мы отправились на школьную экскурсию из Тяньцзиня в Пекин. Гражданская война подошла уже

[12] David C. Hulme, Tientsin (*Sevenoaks:* Iumix Ltd, 2002).

совсем близко, и железнодорожный путь был взорван. На обратном пути нашему поезду пришлось стоять несколько часов, пока не починили пути. Но лучше всего из этой экскурсии я запомнил огромную плевательницу посредине нашего вагона. Я был потрясен «ритуалом» плевания. В то время китайцы были великими плевальщиками. Сейчас это почти ушло.

Согласно журналу Колледжа Святого Людовика, 27 ноября 1948 года был моим последним школьным днем. Должно быть, сразу после этого нас эвакуировали из Тяньцзиня в Гонконг на британском эсминце. Я помню заголовок гонконгской газеты в декабре 1948 года: «Фу [гоминьдановский генерал Фу Цзои] твердо держится на Севере» и еще один чуть позже: «Шанхай будет защищаться до последней капли крови». Вскоре после этого гоминьдановские армии сдались.

25 сентября, Пекин. Поезд в Пекин. Заполненный двухэтажный вагон, ехать всего полтора часа. Заселяемся в люксовый отель «Кэпитал» рядом с вокзалом с хорошим видом на Запретный город. Я встречаюсь с экономистом Дэвидом Ли[13] из университета Цинхуа. Он также директор исследовательского центра, который спонсируется BP. Китайцы, говорит он, копят слишком много, потому что их социальное страхование слишком скудно. Жители деревень накапливают еще больше, чем горожане, хотя доходы у них меньше. Он хочет, чтобы сельские жители из центральных и западных регионов переселялись в прибрежные районы, где в условиях лучшей социальной инфраструктуры они станут меньше копить и больше тратить. Это поможет сократить американский дефицит в торговле с Китаем. Но это сделает ужасающим городское перенаселение, предполагаю я. Вместо этого я выступаю за государственные инвестиции в сельскую инфраструктуру. Он не верит в это. Он считает привлекательной модель Лондона как успешной агломерации. Он когда-нибудь ездил по M25[14]?

26 сентября, Пекин/Харбин. Густой туман висит над Пекином. Ланьсинь говорит, что это по большей части из-за загрязнения. Мы на пути к летнему дворцу вдовствующей императрицы в Саду чистой ряби[15], потому что сохранились фотографии, где я был снят в нём в 1948 году. Дворец был разграблен британцами и французами после Опиумной войны 1856–1860 годов[16], и императрица построила ему на замену новый, использовав фонды на создание флота, из-за чего Китай был разгромен Японией в 1895 году. По крайней мере, так гласит легенда. Он опять пострадал во время Боксерского восстания и был восстановлен в 1902 году. Это прекрасный комплекс на берегу озера из множества красивых строений. Наиболее поразительное из них – корабль, полностью сделанный из мрамора.

Во второй половине дня я выступаю в Китайском институте международных проблем – исследовательском центре, который считается близким к МИД. Бывший посол в Лондоне Ма Чжэньган представляет меня долгим разъяснением совре-

[13] Китайское имя Ли Даокуй – известный китайский экономист.
[14] M25 – кольцевая автострада вокруг Лондона, знаменитая своими пробками.
[15] Сад чистой ряби (清漪園) – изначальное название пекинского парка Ихэюань (颐和园).
[16] Дворец разграбили в 1860 г.

менной китайской внешней политики. Затем мы спешим, чтобы успеть на самолет в Харбин.

Мы приезжаем в отель «Модерн» в 8 вечера. Это старый отель, который, как мне говорили, мой двоюродный дедушка Соломон использовал для свиданий со знакомой дамой. В моем номере мадам Сунь Ятсен останавливалась в 1927 году, а Шаляпин в 1936 году. Моя мама рассказывала о его визите, о том, как они встретились и как он пригласил ее на свидание. Ей было 18, и она была очень хороша собой. Номер роскошный, но нелепый. Чтобы выключить воду в ванной, надо пройти через душ. В номере есть элегантный письменный стол, но, когда я подключил свой ноутбук к розетке, в номере погас свет.

По приезде меня встречает Цюй Вэй, президент Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян и директор Харбинского центра еврейских исследований, а также разные профессора, исследователи и переводчики, с которыми я общаюсь почти до полуночи. Они говорят мне, что посещение английским лордом и представителем самой известной харбинской еврейской семьи – это великая честь для города. Затем они вручают мне расписание банкетов, визитов и презентаций, включая двухчасовое интервью и основное выступление. Чувствую, что они хотят затянуть меня в свою программу изучения харбинских евреев. Они делают фильм на эту тему для развития китайско-еврейского взаимопонимания, мира во всем мире и других благих целей. Я готов поучаствовать в проекте по еврейской истории, но не хотел бы быть поглощен им. Я говорю, что я очень интересуюсь историей семьи Скидельских, но семья моей матери, которая не была еврейской, не менее интересна. Более того, я был крещен в англиканство, а в синагоге был только один раз в жизни – на свадьбе моего друга Дэнни Финкельштейна. Кажется, что им это безразлично.

27 сентября, Харбин. Утром Еврейский комитет везет меня на еврейское кладбище, расположенное в окрестностях Харбина на Императорском холме. Участвует 14 человек, и там есть могила моего двоюродного дедушки Моисея, умершего в 1951 году в возрасте 76 лет и, по всей видимости, в бедности, так как его могильный камень самый скромный. Могила эта раньше была в черте города, но ее раскопали и перенесли сюда в 1963 году. Отец мне рассказывал истории про Моисея. Он был известен своим хорошим вкусом и экстравагантностью и, возможно, по этой причине был постепенно отстранён от семейного бизнеса. После прихода коммунистов ему было разрешено остаться в Харбине, так как он не участвовал в маньчжурском бизнесе, но, конечно, доходов у него тоже не стало. Могила поддерживается в хорошем состоянии благодаря усилиям муниципалитета и израильским благотворителям. Мне в руки всовывают букет цветов, который я кладу на могилу. Меня просят выступить с речью. Что я могу сказать, кроме того, что я здесь, чтобы почтить семью моего отца, Харбин и евреев Харбина. Кладбища всегда печальны, но особенно, когда мертвые никак не связаны с окружающими живыми.

На обратной дороге с кладбища женщина из новостного агентства «Синьхуа» спрашивает меня, следовало ли Кейнсу жениться. Совершенно очевидно, что она крайне «передовая». Ланьсинь говорит, что гомосексуализм в Китае был очень традиционен. Конфуцианские мандарины имели своих мальчиков вместе с четырьмя

или пятью женами. Нынешняя враждебность к гомосексуалам, говорит он, импортирована из Европы. Я объясняю, возможно, неверно, что европейцы не любят пересечений, как «инь–ян». От людей ожидают, что они будут либо тем, либо другим, и никто не придает особого значения, чем именно.

Мы собираемся поехать в синагогу. Сейчас в Харбине живет 2,6 млн человек. (После моей поездки Харбин «прославился» в мире тем, что в ноябре произошла утечка бензола в реку Сунхуа[17] и образовалось 50-мильное пятно). В старые времена «восточного Парижа» здесь жило около 20 тыс. евреев, вкрапленных в 200-тысячное сообщество русских, и такое же количество китайцев. Евреи находились меж двух огней: просоветских и антисемитски настроенных русских. Но я никогда не слышал, чтобы моя семья как-то пострадала от последних.

Я рассказываю Еврейскому комитету знаменитую семейную историю о том, как Соломон получил концессию на Мулинскую шахту от местного милитариста Чжан Цзолиня[18]. Оба любили покер, но Соломон играл лучше. Он позволил военачальнику выигрывать целых шесть месяцев и привел его в такое хорошее расположение духа, что тот без колебаний подписал договор о 30-летней аренде. После поездки меня делают научным сотрудником Харбинского центра еврейских исследований и вручают соответствующий диплом.

Вечером очередной банкет на 16 человек. По мере перемещения на север еда становится тяжелее. Мой желудок протестует. Ночью я видел яркий сон. Я ехал в карете с очень маленьким, круглым и забавным евреем. Я был гораздо выше его. В какой-то момент я сел, как мне показалось, в зазор между сидениями, и заставил его съехать с конца сидения на пол. Он неодобрительно втиснулся обратно на сидение рядом со мной. Что это означает? Что я стараюсь изгнать из себя еврея? Мои сны становились все интереснее (для меня), и с моим БлэкБерри их было можно записывать.

28 сентября, Харбин. Просыпаюсь с головной болью и расстройством желудка. Мы едем в дом Скидельских на Большом Проспекте в Харбине. Он больше и величественнее, чем выглядит на фотографиях, но это лишь тень былой славы. Если раньше он стоял посреди просторных ухоженных лужаек и смотрел на открытые поля, теперь к нему подкрался город, и он окружен небоскребами. Дом был ограблен в 1945 году и, как многие подобные здания, минимально поддерживался как госучреждение – в этом случае центр досуга [ветеранов] Народно-освободительной армии. Я встретил нескольких из этих старцев, сидящих на белых диванах посреди, вероятно, когда-то роскошной гостиной. Когда директор представил меня как «бывшего владельца», они тепло меня приветствовали. Один из «ветеранов» вежливо благодарит за разрешение использовать мой дом! Я воздерживаюсь от замечания, что такого разрешения не давал.

В доме два этажа и центральная лестница из резного дерева, спускающаяся в переднюю. Я представляю, как Соломон и его жена (или дама сердца) спускаются, что-

[17] Русское название «Сунгари».

[18] Чжан Цзолинь (1875–1928) – фактический правитель Северо-Восточного Китая после распада Цинской империи до своего убийства в 1928 г. Занимал различные посты, в 1927–1928 – Президент Китайской Республики.

бы приветствовать гостей. Лестница выкрашена в чудовищный коричневый цвет. Директор спрашивает моего совета по поводу цвета стен фасада, которые ремонтируют, и когда я предлагаю выбрать светлую охру, он отвечает, что передаст мои «инструкции» городским властям.

29–30 сентября, Шанхай. Въезжаю в Шанхай в 8 вечера. Почему так много высоких жилых домов стоят темными? Хань говорит, что большинство квартир покупается для перепродажи на растущем рынке и никто в них никогда не живет. Последний ужин с Чжоу Цюцзюнь, как всегда прекрасной в розовом платье, и Яном, моим верным фотографом. На следующее утро все трое: Цюцзюнь, Ян и Хань, – приехали со мной в аэропорт. Теплые прощания.

Два фильма в полете – трагикомедия нравов «Мелинда и Мелинда» Вуди Аллена и драма с боевыми искусствами «Дом летающих кинжалов». У Вуди Аллена комедия срабатывает, а трагедия – нет. Китайская картина о смутных временах IX века – фантастична и очень трогательна. Наша цивилизация обычно не может создать сказки или трагедии, потому что жизнь состоит из проблем, имеющих решения, а для фантазии и трагедии нужен мир без решений. И я думаю, сколько еще пройдет времени до того, прежде чем китайцы станут похожи на нас.

Уважаемые читатели!
Просим присылать краткие сообщения об основных новостях китаеведения в России и мире на электронный адрес редакции: journal@iccaras.ru